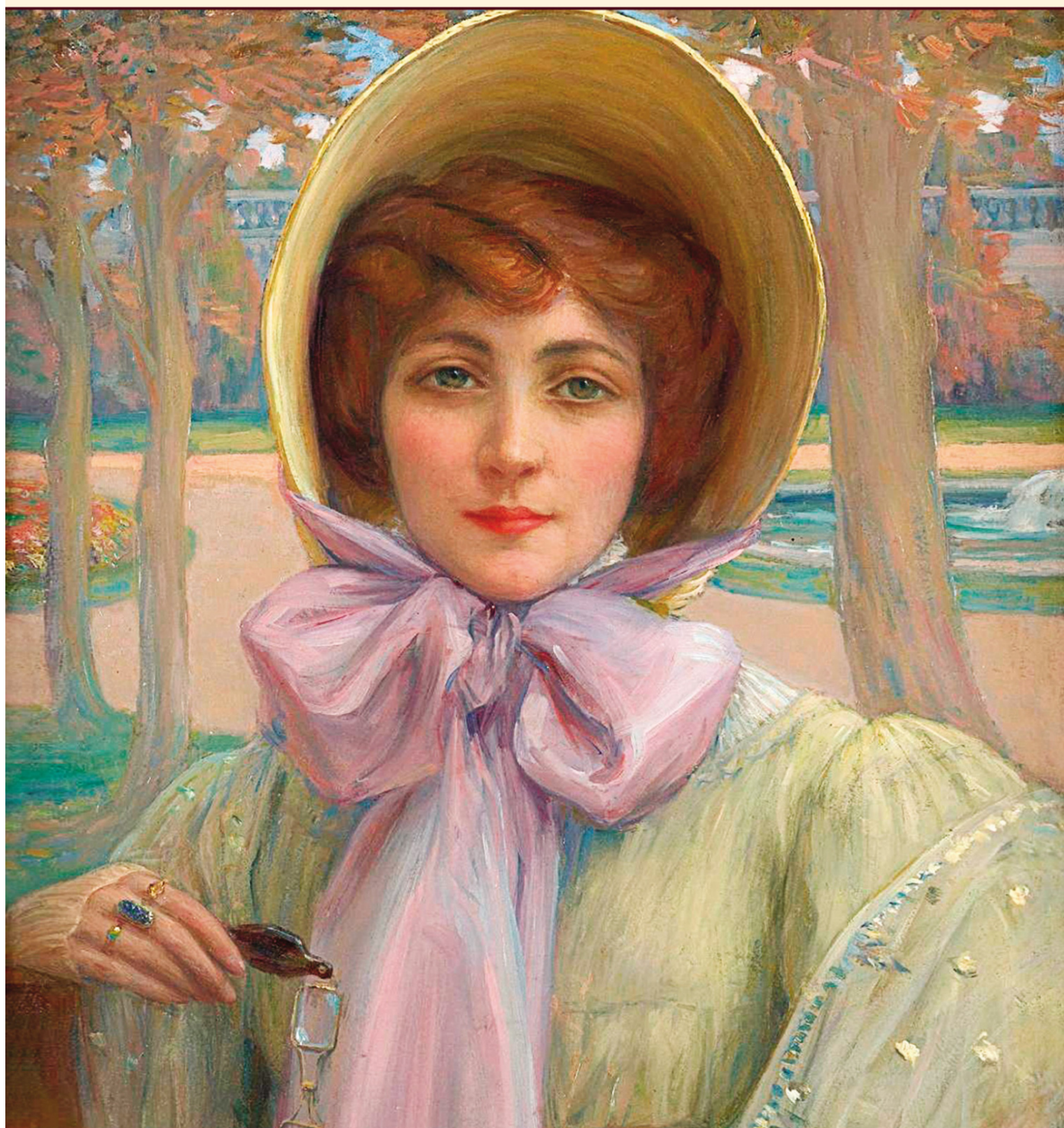

Библиотека Всемирной Литературы

ДЖЕЙН ОСТЕН

Эмма. Любовь и дружба.
Замок Лесли

Библиотека Всемирной Литературы

Джейн Остин

**Эмма. Любовь и
дружба. Замок Лесли**

«ЭКСМО»

1790, 1792, 1816

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Остин Д.

Эмма. Любовь и дружба. Замок Лесли / Д. Остин — «Эксмо»,
1790, 1792, 1816 — (Библиотека Всемирной Литературы)

ISBN 978-5-04-177584-1

Джейн Остен по праву считают первой леди английской литературы. Ее произведения обязательны для изучения во всех колледжах и университетах Великобритании. Ее книги являются признанными шедеврами и покоряют искренностью и простотой сюжета. «Эмма» – самое едкое, самое точное и саркастичное из произведений писательницы, оно же – последнее, увидевшее свет при ее жизни. Эта история достаточно нетипичная: героиня не бедна, у нее все есть – хороший дом, любящий отец, состояние, нет только мужа. Но она и не торопится замуж, предпочитая устраивать судьбы своих подруг и знакомых и тем самым порой попадая впросак. При этом, занимаясь чужой личной жизнью, Эмма чуть не проглядела собственное счастье. В издание также включены изящные и ироничные романы «Любовь и дружба» и «Замок Лесли».

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-177584-1

© Остин Д., 1790, 1792, 1816

© Эксмо, 1790, 1792, 1816

Содержание

Эмма	6
Книга I	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	15
Глава V	20
Глава VI	23
Глава VII	26
Глава VIII	30
Глава IX	36
Глава X	43
Глава XI	47
Глава XII	50
Глава XIII	54
Глава XIV	58
Глава XV	61
Глава XVI	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джейн Остен
Эмма. Любовь и дружба. Замок Лесли

© Столповская Е., перевод на русский язык, 2022

© Ливергант А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Эмма

Книга I

Глава I

Эмма Вудхаус, девушка привлекательная, смышленная и обеспеченная, наследница прекрасного поместья и обладательница веселого нрава, казалось, располагала всеми наилучшими дарами судьбы. Прожив уже почти двадцать один год, она не ведала ни горестей, ни печалей.

Младшая из двух дочерей самого любящего и во всем потакающего им отца, вследствие замужества старшей сестры она с юных лет стала хозяйкой дома. Матушка их умерла так давно, что Эмма едва ли помнила ее ласки. Девочкам нашли гувернантку – чудесную женщину, подарившую им поистине материнскую нежность.

Шестнадцать лет прожила мисс Тейлор в доме мистера Вудхауса, став не просто гувернанткой, но другом семейства и горячо полюбив его дочерей, а в особенности Эмму. С нею они стали близки как сестры. Даже еще исполняя обязанности воспитательницы, мисс Тейлор, будучи человеком от природы мягким, едва ли могла что-либо запрещать девочке. А теперь, когда от призрачной власти ее над Эммой и вовсе не осталось следа, они сделались ближайшими подругами. Эмма высоко ценила мнение мисс Тейлор, однако же руководствовалась главным образом своим собственным, а потому поступала как ей вздумается.

Впрочем, в этом состояла и ее беда: склонность поступать чересчур своевольно и весьма высокое мнение о собственной персоне могли навлечь на нее множество бед. Но опасность эта между тем была так неприметна, что Эмма нисколько не считала такие качества за пороки.

Однако пришла в дом и печаль – но то была печаль светлая, а отнюдь не муки мрачного отчаяния. Мисс Тейлор вышла замуж. Расставание с ней и стало причиной скорби, дотоле Эмме неизвестной. В день свадьбы она впервые погрузилась в горестные раздумья. И вот торжество окончилось, гости разошлись, а отец и дочь остались обедать в одиночестве безо всякой надежды на то, что кто-то скрасит их долгий вечер. Мистер Вудхаус нашел успокоение в привычном послеобеденном сне, а Эмме оставалось лишь сидеть и размышлять о своей утрате.

Для ее дорогой подруги событие это обещало стать началом счастливой семейной жизни. Мистер Уэстон был человек подходящего возраста, с блестящей репутацией, приличным достатком и прекрасными манерами. Конечно, Эмме льстила мысль о том, с какой самоотверженностью и с каким благородством она всегда поощряла эту партию, желая мисс Тейлор лучшего и отрекшись от собственных интересов. Осознавая, как же тяжело ей будет без сердечной подруги каждый час каждого дня, Эмма вспоминала всю ту доброту и любовь, что мисс Тейлор подарила ей за шестнадцать лет. В памяти ее проносились детские воспоминания о том, как гувернантка неустанно заботилась о ней: не жалея сил, учила и развлекала ее в здравии, терпеливо нянчилась с ней во время всяческих детских болезней. За это одно Эмма была безмерно ей благодарна, но еще ближе и дороже ей стали воспоминания последних семи лет. После переезда ее старшей сестры Изабеллы они остались вдвоем и зажили на равной ноге как близкие и искренние подруги. Лишь немногие могли похвастать такой компаньонкой, как мисс Тейлор: образованная, начитанная, отзывчивая, кроткая, она знала все тонкости семейного быта Вудхаусов и принимала все их заботы как свои, а в особенности все, что касалось Эммы, все ее отрады и затеи. С такой дорогой подругой можно было поделиться любой своей мыслью, не боясь осуждения или порицания.

И как же ей теперь справиться с такой переменой? Конечно, дом Уэстонов находился всего в полумиле от поместья Вудхаусов, однако Эмма понимала, что велика будет разница между миссис Уэстон за полмили и мисс Тейлор непосредственно в их доме. Теперь, несмотря на многочисленные дары, которыми наделили Эмму природа и семья, ум ее был обречен на муки одиночества. Сколь нежно бы она ни любила отца, в достойные собеседники он ей не годился ни в разговорах серьезных, ни в шуточных.

Различие возрастов (а женился мистер Вудхаус довольно поздно) немало усугублялось несхожестью их нравов и привычек. В силу ипохондрической натуры и малодетельного образа жизни он казался гораздо старше своих лет, и хотя за доброе сердце и приветливый характер все его любили, никакими особыми талантами он похвастать не мог.

Что до сестры Эммы, то, выйдя замуж, она переехала в Лондон. Разделяли их всего каких-то шестнадцать миль, однако то было расстояние чрезмерно великое для ежедневных встреч. Много еще долгих осенних вечеров предстояло пережить Эмме до Рождества, когда их общество скрасит приезд Изабеллы с семейством и дом вновь оживет.

Несмотря на собственную лужайку, собственные кустарниковые аллеи и даже собственное имя, Хартфилд, родовое поместье Вудхаусов, считался частью Хайбери – большой деревни, по количеству жителей ничем не уступавшей некропному городку. Однако и среди них не находилось для Эммы достойного компаньона. Вудхаусы здесь были самым знатным семейством, и все перед ними благоговели. Конечно, у нее водилось немало хороших знакомых, поскольку мистер Вудхаус был ко всем неизменно дружелюбен, но все же никто не мог заменить мисс Тейлор даже на полдничка. Потому подобные перемены в их доме и печалили Эмму: теперь ей оставалось лишь вздыхать и мечтать о несбыточном, пока отец дремлет. При нем она надевала маску бодрости, поскольку тот, будучи человеком нервическим и по природе своей склонным к унынию, сильно нуждался в душевной поддержке. Мистер Вудхаус легко привязывался ко всем, с кем часто проводил время, и тяжело переживал расставание с ними; к тому же он терпеть не мог перемен. Брак как причину таких перемен он считал явлением особенно неприятным. О замужестве своей дочери он всегда говорил с сочувствием, невзирая на то что это был брак по любви. И теперь, не оправившись еще от разлуки с Изабеллой, он расставался и с мисс Тейлор. Исходя из своей легкой эгоистичности, мистер Вудхаус и представить не мог, что чувства других людей могут отличаться от его собственных, а потому был уверен, что мисс Тейлор опечалена событием не меньше него и была бы гораздо счастливее, оставшись в Хартфилде и спокойно прожив там все оставшиеся дни. Стараясь отвлечь его от подобных мыслей, Эмма улыбалась и непринужденно болтала о том и о сем, однако за чаем мистер Вудхаус все же повторил точь-в-точь то же, что сказал и за обедом:

– Бедняжка мисс Тейлор! Ах, если бы она была сейчас с нами. Как жаль, что она так приглянулась мистеру Уэстону!

– Никак не могу с вами согласиться, папá, и вы это прекрасно знаете. Мистер Уэстон – человек столь добродушный, обходительный и благородный, что точно заслуживает такую прекрасную жену, как мисс Тейлор. И вы, разумеется, не пожелали бы ей навеки остаться тут с нами и терпеть все мои причуды, когда она могла бы иметь собственный дом?

– Собственный дом! Да какой толк в собственном доме? Наш-то раза в три побольше будет. А причуд у тебя, голубушка моя, нет никаких.

– Мы станем часто навещать их, а они – нас! Будем видеться каждый день! И начать эту традицию следует нам: нанесем новобрачным визит в ближайшее же время.

– Душа моя, как же я выдержу такой путь? Рэндаллс столь далеко, я и половины пути не пройду.

– Папа, ну что вы, никто и не заставляет вас идти пешком. Поедем в экипаже, разумеется.

– В экипаже! Да разве же Джеймс согласится запрягать лошадей ради такого малого расстояния? И где им стоять, пока мы сидим в гостях?

– В конюшнях мистера Уэстона, папа. Мы ведь вчера с ним уже обо всем договорились. А что до Джеймса, так будьте уверены: в Рэндаллс он всегда с радостью, там ведь в горничных служит его дочь. Я скорее боюсь, что он теперь никуда больше нас возить и не захочет. И все благодаря вам, папа. Никто и не подумал нанять Ханну, пока вы ее не порекомендовали. Джеймс теперь так вам обязан!

– Да, я и сам рад, что вспомнил о ней. Удачно все сложилось. Не хотелось бы, чтобы Джеймс думал, будто мы им пренебрегаем. А из Ханны, я уверен, получится отличная служанка. Она девушка вежливая, учтивая, я о ней самого лучшего мнения. Всякий раз при встрече со мной она делает реверанс и очень любезно спрашивается о моем здоровье. Когда ты приглашала ее шить, я заметил, что она никогда дверью не хлопает, а закрывает ее аккуратно, поворачивая ручку как следует. Да, я уверен, служанка из нее выйдет прекрасная, а уж как рада будет бедная мисс Тейлор увидеть хоть какую-то знакомую душу. А Джеймс, навещая дочку, будет рассказывать в Рэндаллсе, как мы тут поживаем.

Не жалея сил, Эмма старалась поддерживать столь счастливый поток мыслей и надеялась, что за игрой в триктрак они благополучно протянут остаток вечера, а сожаления останутся лишь у нее одной. Уже и игровой столик был разложен, как вдруг пришел гость, и всякая надобность в играх пропала.

Мистер Найтли, рассудительный мужчина лет тридцати семи или восьми, был не только давним и близким другом семейства, но даже и состоял с ними в родстве как старший брат мужа Изабеллы. Жил он примерно в миле от Хайбери и был у них гостем частым и желанным. А тем более желанным в этот вечер: пробыв несколько дней в Лондоне у их общих родных, он приехал домой к позднему обеду и теперь пришел в Хартфилд сообщить, что на Брансуик-сквер все в добром здравии. Появление гостя на некоторое время оживило мистера Вудхауса. Веселый нрав, свойственный мистеру Найтли, всегда мог его приободрить. Получив подробные ответы на все свои вопросы о «бедняжке Изабелле» и ее детках, мистер Вудхаус с благодарностью отметил:

– Как любезно с вашей стороны, мистер Найтли, что вы смогли навестить нас в столь поздний час. Боюсь, прогулка была не из приятных.

– Отнюдь, сэр. Вечер выдался замечательный: лунный и очень теплый. Я даже, пожалуй, отодвинусь подальше от камина.

– Но там, должно быть, очень сыро и грязно. Как бы вам не простудиться.

– Грязно, сэр? Посмотрите на мои туфли. Ни пятнышка!

– Надо же! Это, признаться, очень удивительно после такого-то ливня, как у нас тут был. С утра целых полчаса лило как из ведра. Я даже подумал, не стоит ли отложить свадьбу.

– К слову сказать, я ведь вас еще не поздравил. Представляю себе, какого рода радость вы оба, должно быть, испытываете, так что не буду спешить со всякими пожеланиями. Как все прошло? Терпимо? Как вы держались? Кто больше всех плакал?

– Ах, бедная мисс Тейлор! Как это все печально.

– С вашего позволения, уместнее было бы сказать «бедные мистер и мисс Вудхаус», но уж точно не «бедная мисс Тейлор». При всем моем уважении к вам и Эмме, однако речь идет о положении зависимом или независимом!.. В любом случае, я полагаю, угождать одному лучше, чем двоим.

– Особенно когда кое-кто из этих двоих – такое капризное надоедливое создание! – игриво заметила Эмма. – Это ведь вы хотели сказать? И сказали бы, не будь тут моего папеньки.

– Да, голубушка моя, ты права, – вздохнул мистер Вудхаус. – Боюсь, я и впрямь бываю капризным и надоедливым.

– Мой дорогой папа! Неужто вы думаете, что я или мистер Найтли и впрямь могли так говорить о вас? Какой кошмар! О нет, нет! Речь идет обо мне. Мистер Найтли любит подмечать

мои недостатки – в шутку, конечно же, все это в шутку. Мы всегда говорим друг другу что вздумается.

В сущности, лишь немногие находили недостатки в Эмме Вудхаус, и только мистер Найтли ей на них указывал. Конечно, Эмма и сама от этого особого удовольствия не получала, однако отец ее мог расстроиться еще больше, а потому она не спешила разуверять его в том, что для всех окружающих его дитя – само совершенство.

– Да, я никогда не льщу Эмме, – согласился мистер Найтли. – Однако же сейчас я хотел сказать лишь то, что теперь мисс Тейлор придется угождать одному человеку, а не двум. Думается мне, что она от нового положения только выиграет.

– Итак, вы желали услышать про свадьбу, и я вам с радостью поведаю, – поспешила вернуться к вопросу мистера Найтли Эмма, дабы уйти от этого разговора. – Все вели себя как нельзя лучше: приехали вовремя и в лучших нарядах. Никто не проронил ни слезинки, и едва ли кто-то унывал. Отнюдь, ведь все помнили: разделять нас будет всего полмили, а значит, сможем видеться каждый день.

– Моя милая Эмма всегда все выносит с такой стойкостью, – сказал мистер Вудхаус. – Но на самом деле, мистер Найтли, ей ведь очень грустно расставаться с мисс Тейлор, и я уверен, что она будет скучать по ней сильнее, чем предполагает.

Эмма отвернулась, с трудом улыбаясь и едва сдерживая слезы.

– Разумеется, Эмма будет скучать по такому другу, – ответил мистер Найтли. – Было бы несправедливо по отношению к ней предположить обратное. Но она осознает, как много преимуществ может принести мисс Тейлор этот брак и как важно для женщины ее возраста обзавестись собственным домом и приличным достатком. А посему лучше праздновать, а не печалиться. Все друзья мисс Тейлор могут лишь порадоваться, как удачно она вышла замуж.

– Вы позабыли, что у меня есть и другие причины для радости, и весьма существенные! – добавила Эмма. – Ведь это я свела их вместе и четыре года прочила этот брак. Все вокруг твердили, что, мол, мистер Уэстон никогда больше не женится. Но наконец все свершилось – вот и мое утешение.

Мистер Найтли неодобрительно покачал головой, а мистер Вудхаус нежно ответил:

– Ах, голубушка моя. Не своди, пожалуйста, больше никого и ничего не предсказывай, а то у тебя всегда все сбывается. Прощу, не устраивай больше браков!

– Для себя не буду, папа, обещаю. Но я обязана трудиться во благо других. Это увлекательнейшее занятие! Да еще и после такого успеха! Да, все твердили, что мистер Уэстон никогда больше не женится. Ни за что! Ведь мистер Уэстон уж столько лет живет вдовцом и отлично справляется без жены, вечно занят делами в городе или проводит время здесь, с друзьями, всегда в веселом расположении духа, всегда желанный гость в любом доме – ему и не приходится просиживать вечера в одиночестве, разве что он сам того пожелает. Нет-нет! Мистер Уэстон ни за что не женится вновь. Поговаривали о каком-то там зароке, который он дал уходящей в последний путь жене, а кто-то выдумывал всякие сплетни про то, что ему не позволят ни дядя, ни сын. И всякая подобная чушь, но я ни словечку не поверила. Как сейчас помню тот день, когда мы с мисс Тейлор повстречали его на Бродвей-Лейн. Внезапно начался дождь, и мистер Уэстон очень любезно раздобыл для нас зонтики у фермера Митчелла. Тогда-то, четыре года назад, я все и решила. С того самого момента я задумала сватовство. А теперь, папа, когда я справилась с таким успехом, неужели я могу не помочь и другим?

– Не понимаю, о каком это «успехе» вы говорите, – заметил мистер Найтли. – Успех предполагает усилия. Достоин же вы провели последние четыре года, если все это время хлопотали об их браке. Подходящее занятие для юной девицы! Однако подозреваю, что, как вы говорите, «сватовство» происходило таким образом: вы подумывали об этом в праздную минутку да приговаривали: «Ах, как здорово было бы, чтобы наша мисс Тейлор и мистер Уэстон поже-

нились!» В чем же тут успех? В чем ваша заслуга? Чем вы гордитесь? Догадка ваша оказалась удачной – только и всего.

– А вам что же, неизвестны блаженство и триумф удачной догадки? В таком случае мне вас жаль: я полагала, вы человек более тонкого ума. Ведь для удачной догадки одного везения мало, здесь нужен особый талант. А что до несчастного моего слова «успех», на которое вы вдруг так взъелись, то не вижу причин его не использовать. Вы обрисовали две крайности, однако же я считаю, что есть место и для третьей картинки – золотой середины между полным бездействием и бурной деятельностью. Не поощряй я визиты мистера Уэстона в Хартфилд, не подавай я ему мелкие намеки и не улаживай я небольших помех, то, может, ни до какой свадьбы дело бы и не дошло вовсе. Полагаю, вы достаточно знакомы с устройством Хартфилда, чтобы это понимать.

– Такой прямой и открытый мужчина, как Уэстон, и такая рациональная и искренняя женщина, как мисс Тейлор, наверняка справились бы сами. А вмешательство ваше скорее навредило вам самим, чем принесло хоть какую-то пользу им.

– Эмма никогда не думает о себе, если может помочь другим, – вновь вступил в беседу мистер Вудхаус, хоть и понимал ее лишь отчасти. – Но, милая, прошу тебя, не сводничай больше. Брак – вещь совершенно глупая, он разрывает домашний круг и приносит одни горести.

– Я непременно должна помочь хотя бы одному нашему другу, папа, мистеру Элтону. Бедняжка мистер Элтон! Папа, тебе ведь нравится мистер Элтон. Я обязательно должна подыскать ему достойную жену, но в Хайбери подходящих девушек нет. А ведь он здесь уже целый год и так прекрасно обставил свой дом, что грех было бы и дальше оставлять его в холостяках. Сегодня, соединяя руки жениха и невесты, он так на них смотрел, будто и сам не прочь уже оказаться на том же месте со своей избранницей! Я о нем самого высокого мнения и только так могу хоть чем-то ему помочь.

– Мистер Элтон, вне всяких сомнений, приятнейший молодой человек, и я к нему очень хорошо отношусь. Но если ты и хочешь оказать ему какую-то услугу, душа моя, то лучше просто пригласи к нам на обед. Так-то будет куда лучше. Думаю, мистер Найтли любезно согласится к нам присоединиться.

– С удовольствием, сэр, – ответил мистер Найтли, посмеиваясь, – и я полностью с вами соглашусь: так будет куда лучше. Эмма, пригласите его в Хартфилд отобедать. Угостите вашими лучшими рыбными и куриными блюдами, но выбор собственной жены оставьте на его вкус. Уж поверьте, мужчина двадцати шести – двадцати семи лет способен решать такие вопросы самостоятельно.

Глава II

Мистер Уэстон родился в Хайбери и происходил из уважаемой семьи, последние два-три поколения которой постепенно обзавелись имуществом и вошли в аристократический круг. Он получил хорошее образование, но, рано унаследовав скромное состояние, обыденными делами, в отличие от своих братьев, заниматься не пожелал. Обладая живым, бодрым умом и по-светски активным нравом, он поступил на службу в сформированную в ту пору милицию графства.

Капитан Уэстон был всеобщим любимцем, а потому, когда обстоятельства военной жизни свели его с мисс Черчилль из знатного йоркширского семейства и мисс Черчилль влюбилась в него, никто и не удивился, за исключением ее брата с женою. Они капитана Уэстона никогда не видели, но чрезвычайно гордились своим важным положением, которое подобный брак мог лишь оскорбить.

Однако мисс Черчилль, будучи совершеннолетней и полноправной распорядительницей личного состояния, хоть и довольно скромного по сравнению с родовыми богатствами семьи, настояла на своем, и брак состоялся, к чрезмерному унижению мистера и миссис Черчилль. Они разорвали с ней все связи, соблюдая лишь внешние приличия. Союз этот был не самым удачным и не принес особенного счастья. Повезло больше миссис Уэстон, ведь супруг ее, вследствие своего мягкого характера и доброго сердца, был вечно благодарен за ее любовь; у миссис Уэстон же характер был не из лучших. Ей хватило духу пойти против воли брата, однако от сожалений по поводу его беспричинного гнева она удержаться не могла. К тому же хоть и жили Уэстоны на широкую ногу, но все же с роскошью дома Черчиллей сравниться это не могло. Мужа она любила, однако мечтала быть и женой капитана Уэстона, и мисс Черчилль из имения Анском.

Все, а особенно Черчилли, полагали, что капитану Уэстону невероятно повезло составить такую партию, однако же на деле все сложилось иначе: за время семейной жизни состояние его заметно уменьшилось, через три года миссис Уэстон умерла, а капитан остался с ребенком на руках. Впрочем, от расходов по содержанию сына он вскоре был избавлен. И появление мальчика, и продолжительная болезнь его матери способствовали примирению с мистером и миссис Черчилль; а поскольку ни своих детей, ни других юных родственников, нуждающихся в заботе, у тех не было, то вскоре после смерти миссис Уэстон чета предложила принять на себя все заботы о племяннике Фрэнке. Справедливо предположить, что овдовевший отец некоторое время колебался и испытывал угрызения совести, однако, поразмыслив, все же отдал сына на попечение в заботливую и богатую семью Черчиллей – теперь ему оставалось тревожиться лишь о собственном благополучии и процветании.

Капитан Уэстон решил полностью переменить свою жизнь. Он ушел в отставку и занялся торговлей. Его братья уже преуспели на этом поприще в Лондоне, что немало помогло ему в начинаниях. Забот было как раз в меру. Большую часть досуга мистер Уэстон проводил в своем небольшом домике в Хайбери, и так и прожил он безбедно следующие восемнадцать-двадцать лет, за полезным занятием и в приятном обществе. За это время он поправил состояние настолько, что смог приобрести небольшое имение рядом с Хайбери, жениться на бесприданнице вроде мисс Тейлор и жить согласно велениям своей дружелюбной и общительной натуры.

О женитьбе он подумывал уже некоторое время, но пылкость молодости успела в нем остыть, и потому привязанность к мисс Тейлор не поколебала планов купить прежде Рэндаллс – об этом думал он уже не первый год. Мистер Уэстон упрямо шел к своим целям, пока не достиг каждой из них. Он поправил состояние, купил дом и женился; теперь его ждал новый период жизни, обещавший невиданное дотоле счастье. Не сказать, чтобы капитан был несчастлив до этого – даже в первом браке особый склад характера уберег его от сожалений; однако же второму браку суждено было показать, как прекрасно жить с женщиной рассудительной и поистине добродушной, как приятно выбирать, а не быть выбранным, получать благодарность, а не чувствовать ее.

Поступать он мог как ему пожелается, ведь от него никто не зависел: из Фрэнка росли не просто негласного преемника – он, можно сказать, был Черчиллями усыновлен, и по совершеннолетию ему предстояло взять их фамилию. Посему представлялось крайне маловероятным, что Фрэнку когда-либо понадобится денежная помощь отца. Насчет сына и его безбедного будущего у мистера Уэстона не было никаких опасений. Миссис Черчилль была женщиной своенравной, а мистер Черчилль полностью подчинялся воле супруги; однако мистеру Уэстону трудно было вообразить, чтобы из какой-либо прихоти она причинила вред человеку столь для нее дорогому, и, как полагал мистер Уэстон, дорогому заслуженно. Он каждый год виделся с сыном в Лондоне и гордился, что тот вырос столь прекрасным молодым человеком, а его нежные рассказы о Фрэнке заставляли гордиться и весь Хайбери. Поскольку принимался он там за своего, то и все его заслуги и будущая судьба также становились заботой всеобщей.

Мистер Фрэнк Черчилль стал для Хайбери сродни предмету гордости, и все сгорали от желания увидеть его, однако ж любопытство это было, как видно, невзаимным, ведь сам он в Хайбери ни разу не появлялся. Не раз поговаривали о его приезде, но в гости к отцу он так и не собрался.

Теперь же, когда мистер Уэстон женился, все сходились на том, что его сын просто обязан оказать должное внимание и нанести визит. Жители Хайбери твердили об этом в один голос, будь то миссис и мисс Бейтс в гостях у миссис Перри или миссис Перри за чаем у миссис и мисс Бейтс. Настало время Фрэнку Черчиллю приехать в Хайбери, и надежда на то окрепла, когда выяснилось, что он отправил свои поздравления новоиспеченной миссис Уэстон. Несколько дней кряду любезное письмо это обсуждалось во время всех утренних визитов.

– Вы, я полагаю, слышали, какое любезное письмо написал мистер Фрэнк Черчилль миссис Уэстон? Мистер Вудхаус его читал и кое-что мне пересказал. И впрямь письмо чудесное! Он говорит, что в жизни такого любезного письма не видывал!

Письмо и вправду имело для миссис Уэстон большое значение. Она и без того составила о молодом человеке весьма благосклонное мнение, а такое проявление внимания лишней раз подтверждало его добрые намерения и в самом приятном смысле дополняло многочисленные пожелания и поздравления со свадьбой. Миссис Уэстон чувствовала себя счастливейшей женщиной на свете, и опыт лет подсказывал ей, что так же думали и все вокруг. Счастье ее омрачало лишь расставание с дорогими друзьями, которые ее так сильно любили и которым разлука сия давалась столь трудно.

Она знала, что по ней будут скучать, и не могла без боли в сердце подумать о том, чтобы Эмма лишилась какого-либо удовольствия или хоть на часик заскучала без ее компании. Однако же благодаря своему сильному характеру ее милая Эмма легче справлялась с трудностями, чем справлялось бы большинство девиц на ее месте, здравый смысл и сила духа помогали ей пережить мелкие жизненные трудности и лишения. К тому же все обстоятельства располагали к частым встречам: и добрый нрав мистера Уэстона, и такой близкий путь от Хартфилда до Рэндаллса, как раз подходящий для небольшой прогулки даже в одиночку. Так что и с наступлением холодов они смогут проводить многие вечера вместе.

Миссис Уэстон была бесконечно благодарна судьбе и лишь изредка предавалась сожалениям. Она была не просто довольна, но счастлива, и счастье это казалось таким очевидным, что Эмма, хоть и была хорошо знакома с причудами отца, поражалась, как он по-прежнему всякий раз причитает о «бедняжке мисс Тейлор», уходя из гостей и оставляя ее в тепле и уюте домашнего очага в Рэндаллсе или провожая любящую чету к их собственной карете в Хартфилде. Всякий раз мистер Вудхаус тихо вздыхал и говорил:

– Бедняжка мисс Тейлор! Наверняка ей так хочется остаться.

Но мисс Тейлор было уже не вернуть, а значит, сохранялась и причина ее жалеть; и все же спустя несколько недель мистер Вудхаус смог испытать некоторое облегчение. Соседи наконец перестали докучать ему поздравлениями со столь горестным событием, а свадебный торт, немало его удручавший, был полностью съеден. Сам мистер Вудхаус жирную пищу есть не мог и, по обыкновению, полагал, что беда это общая. Раз что-то вредно для него, следовательно, и для других тоже, а потому он из самых благих побуждений старался жениха и невесту от торта отговорить вовсе. Однако это ни к чему не привело, торт испекли, и тогда уже мистер Вудхаус из тех же побуждений пытался убедить всех гостей не есть его. Он даже взял на себя труд посоветоваться с лекарем – мистером Перри. Мистер Перри был человеком понимающим и благовоспитанным, а его частые визиты немало радовали мистера Вудхауса. Будучи призван к ответу, он не мог не признать, хоть и довольно неохотно, что свадебные торты некоторым – даже, пожалуй, многим – могут навредить, ежели с их поеданием переусердствовать. Заручившись такой поддержкой, мистер Вудхаус надеялся убедить каждого гостя не есть торт, однако

все продолжали им лакомиться, и не было душе мистера Вудхауса покоя, пока торт не исчез полностью.

По Хайбери прошел слух, будто бы все детки мистера Перри съели по куску свадебного торта миссис Уэстон, однако мистер Вудхаус столь злостным сплетням не верил.

Глава III

Мистер Вудхаус любил общество на свой особый лад. Ему очень нравилось принимать друзей в Хартфилде, и за все эти годы благодаря его доброму нраву, его состоянию, дому и дочери он приобрел право распоряжаться визитами своего тесного кружка как пожелает. С прочими семействами он особых связей не поддерживал и к тому же терпеть не мог многолюдные приемы и поздние возвращения, а потому водил знакомства лишь с теми, кто навещал его в Хартфилде и на его условиях. К его счастью, в Хайбери, включая Рэндаллс в их же приходе, и в имении мистера Найтли – аббатстве Донуэлл в соседнем приходе – таких людей было достаточно. Довольно часто, уступая уговорам Эммы, он приглашал избранных и достойнейших из друзей на обед, однако сам предпочитал вечерние приемы, и лишь за редким исключением, когда мистер Вудхаус сам был не в настроении принимать гостей, ему не хватало игроков за карточным столом.

Из давней и истинной привязанности его всегда навещали чета Уэстонов и мистер Найтли, не менее частым гостем был мистер Элтон – неженатый молодой человек, который своей одинокой жизнью, можно сказать, не наслаждался. Он с радостью был готов променять каждый скучный уединенный вечер на приятное общество в изысканной гостинной мистера Вудхауса и улыбки его очаровательной дочери.

Помимо столь тесного круга друзей, Хартфилд всегда были готовы навестить миссис и мисс Бейтс и миссис Годдард. Зачастую они приезжали и уезжали в экипаже мистера Вудхауса, однако, как он полагал, это не доставляло хлопот ни Джеймсу, ни лошадям. Пожалуй, можно даже сказать, что откажись дамы от сей любезности, сетованиям мистера Вудхауса не было бы конца.

Миссис Бейтс, вдова бывшего приходского vicar Хайбери, была дамой в преклонных годах, и жизнь ее сводилась нынче лишь к чаепитиям и кадрили. Она и ее единственная дочь жили очень скромно, и все относились к такой безобидной старушке с должным почтением и уважением. Дочь ее, мисс Бейтс, тоже была немолода, не замужем, особой красотой или богатствами не располагала, однако же невозможно было ее не любить. Казалось бы, судьба обделила ее всем, что могло бы привлекать общество; не блистала мисс Бейтс и умом, который искупал бы все иные недостатки или невольно заставлял уважать ее даже ненавистников. Словом, ни красотой, ни способностями она похвастать не могла. Юные годы ее пролетели незаметно, а зрелые всецело посвящены были заботам о слабеющей матери и стараниям свести концы с концами. И все же она была счастлива, а окружающие не могли сказать о ней ни одного дурного слова. Такие чудеса творили ее безграничная доброжелательность и теплое сердце. Она любила всех, болела и радовалась за счастье каждого, а себя полагала невероятной счастливицей, которой повезло и с прекрасной матерью, и с чудесными соседями и друзьями, и с домом, в котором она ни в чем не нуждалась. Ее простота и жизнерадостность, добрый и кроткий нрав располагали к ней всякого и дарили счастье и ей самой. Она могла без умолку болтать о всяких пустяках, от незначительных рассуждений до безобидных сплетен, и эта ее черта немало ценилась мистером Вудхаусом.

Миссис Годдард заведовала школой – но не гимназией, или академией, или другим учебным заведением, где, прикрываясь всякой утонченной бессмыслицей, воспитанниц обучают вольнодумству в сочетании с нравственностью по заветам новомодных просветителей и где юные девицы за огромную плату лишаются здоровья и приобретают высокомерие. Нет, ее

школа была настоящим, правильным, старомодным пансионом, где за умеренную плату воспитанниц обучали умеренному числу знаний и куда родители могли отправить дочерей получить какое-никакое образование без опасений, что они вернутся чересчур учеными. Заведение миссис Годдард пользовалось отличной репутацией, и вполне заслуженно; место было замечательное: пансион мог похвастать просторным домом и садом, кормили детей здоровой пищей, летом позволяли бегать и резвиться, а зимой его хозяйка собственноручно лечила их обморожения. Она была женщиной простой, по-матерински заботливой. Усердно потрудившись в юности, она знала, что теперь-то уже может время от времени позволить себе выходной в гостях за чаем. Миссис Годдард немало была обязана доброте мистера Вудхауса в прошлом и всегда с готовностью покидала свою опрятную, увешанную многочисленными вышивками гостиную, чтобы провести вечер у камина в Хартфилде, то выигрывая, то проигрывая пару шестипенсовиков.

Вот кого, к радости Эммы, удавалось ей собрать в гостиной Вудхаусов для своего отца, которому такая компания приходилась по душе. Ей же самой никто не мог заменить общества миссис Уэстон. Разумеется, Эмме было приятно, как удачно она все устраивала, но все же скучные беседы трех почтенных дам наводили ее на печальные мысли о том, что именно столь долгих однообразных вечеров без мисс Тейлор она и опасалась.

И вот однажды утром, когда Эмма с тоскою предвкушала именно такое очередное собрание, миссис Годдард прислала записку с покорнейшей просьбой принять ее вместе с мисс Смит. Пришлась эта просьба как раз кстати. Мисс Смит была красивой девицей семнадцати лет, и Эмма, давно ее заприметив, хотела познакомиться лично. Отправив в ответ любезное приглашение, она с нетерпением стала ожидать вечера.

Харриет Смит была чьей-то внебрачной дочерью. Несколько лет назад ее поместили в пансион миссис Годдард, а затем включили в число воспитанниц, живущих непосредственно в семье хозяйки пансиона. Больше ничего о ней известно не было. Друзья у нее имелись лишь в Хайбери, и на днях она как раз возвратилась из деревни, где гостила у подруг по пансиону.

Харриет оказалась девушкой очень миловидной, причем красота ее была того типа, которым Эмма восхищалась в особенности: невысокая, не чересчур худощавая блондинка с правильными чертами лица, голубыми глазами, светлой кожей и легким румянцем. К концу вечера Эмма была так очарована и ее внешностью, и ее умением держать себя, что решительно настроилась продолжить столь приятное знакомство.

Мисс Смит не отличалась особым умом, однако Эмма сочла ее весьма обаятельной особой – не чересчур скромной или молчаливой, но и не слишком навязчивой. Она держалась самым подходящим образом и выказывала такое почтение, такую благодарность за приглашение в Хартфилд, так бесхитростно восхищалась великолепием обстановки, во многом превосходящей ей привычную, что Эмма твердо решила: подобное здравомыслие, несомненно, достойно поощрения. Мисс Смит заслуживает лучшей участи. Мягкий взгляд голубых глаз и все ее природные достоинства не должны пропасть напрасно среди низших слоев общества Хайбери и его окрестностей. Знакомства, которые она уже приобрела, не делают ей чести. Приехала она из гостей от Мартинов – людей, разумеется, порядочных, однако дружба с ними мисс Смит бесспорно вредит. О семействе этом Эмма уже имела представление, поскольку они брали внаем большую ферму у мистера Найтли. Жили Мартини в приходе Донуэлл, и мистер Найтли был о них самого высокого мнения. И все же наверняка это были люди невежественные и неотесанные, и близкое знакомство с ними недостойно девушки, которой до совершенства недостает лишь немного учености и утонченности. Уж Эмма-то заметит все ее достоинства и приумножит их, она спасет ее из столь нелестного окружения и представит высшему обществу, она научит ее необходимым суждениям и привьет лучшие манеры. Дело это было бы, несомненно, добрым, и к тому же обещало стать увлекательным и завладеть всем вниманием Эммы, ее мыслями и досугом.

Она была так увлечена мягкими голубыми глазами новой гостьи, беседами с ней и своими новыми планами, что вечер пролетел незаметно. Обычно Эмма с нетерпением ждала ужина, которым всегда заканчивались подобные приемы, однако в этот раз даже не успела заметить, когда стол был накрыт и придвинут к камину. Со рвением, превосходящим обыкновенное ее гостеприимство, и в то же время с похвальным вниманием к гостям, преисполненная восторгом от собственных прекрасных идей, Эмма принялась распоряжаться за столом. Памятуя о привычке гостей не засиживаться допоздна и рано ложиться спать, а также об их примерной скромности, она старательно потчевала их всяческими блюдами из цыплят и устриц.

Бедный мистер Вудхаус, как и всегда в подобных случаях, с трудом мог совладать со своими чувствами. Он любил, по традиции своей молодости, представлять гостям богатые яства, однако был твердо убежден, что ужин несет здоровью один лишь вред, а потому с трудом мог смотреть, как одно за другим появляются новые блюда. Будучи радушным хозяином, он счастлив был угощать своих друзей, однако, беспокоясь об их здоровье, с печалью наблюдал за тем, как они едят.

Сам он ел жидкую овсяную кашу и лишь ее мог бы со спокойной совестью посоветовать другим, однако, глядя на дам и их кушанья, время от времени понуждал себя промолвить:

– Миссис Бейтс, позвольте предложить вам яичко. От яйца всмятку большого вреда не будет. Наш Сэрль готовит их лучше всех, я бы и не посмел предложить вам яйцо от другого повара. А тут и бояться нечего – вот оно какое маленькое, от такого яичка точно никакого вреда. Мисс Бейтс, попросите Эмму положить вам маленький кусочек пирога, совсем крошечный. У нас пироги всегда из свежих яблок, так они полезнее. А вот заварной крем не советую. Миссис Годдард, может быть, полбокала вина? Совсем чуть-чуть? Даже меньше чем полбокала, и водой разбавим. От такой малости вреда и вовсе не будет.

Эмма отцу не перечила, но угощала всех куда более щедро. К тому же в такой вечер ей более обычного хотелось доставить удовольствие гостям, а в особенности мисс Смит, что было нетрудно. Мисс Вудхаус знали во всем Хайбери, и возможность быть ей представленной скромную мисс Смит в равной степени радовала и ужасала, однако из гостей девушка ушла преисполненная восторга от знакомства с мисс Вудхаус, которая весь вечер была столь с ней любезна, а на прощание даже пожала руку!

Глава IV

Вскоре Харриет Смит стала своим человеком в Хайбери. Эмма, привыкшая действовать решительно, времени даром терять не стала: она постоянно приглашала новую знакомую и поощряла ее заходить почаще. Чем больше времени они проводили вместе, тем крепче становилась их дружба. Эмма сразу поняла, что Харриет может стать отличной спутницей для пеших прогулок. В этом отношении ей сильно не хватало миссис Уэстон. Отец ее никогда не заходил дальше сада, которого ему вполне хватало и для коротких прогулок, и для долгих – в зависимости от времени года, поэтому с тех пор, как миссис Уэстон вышла замуж, гулять Эмма стала заметно меньше. Один раз она дошагала до Рэндаллса в одиночестве, однако же путешествие оказалось не из приятных, а потому такая подруга, как Харриет Смит, которую в любой момент возможно пригласить на прогулку, подошла ей как раз кстати. Впрочем, и во всех прочих отношениях чем лучше Эмма узнавала мисс Смит, тем больше радовалась своему выбору и тем сильнее утверждалась в своих благих намерениях.

Конечно, умом Харриет не блистала, однако обладала мягким и кротким нравом, была совершенно лишена гордыни и с готовностью слушалась того, кем восхищалась. Ее скорая привязанность к Эмме приводила в умиление, а стремление к хорошему обществу и способность по достоинству оценить утонченность говорили о хорошем вкусе, пусть и бессознательном. Другими словами, в Харриет Эмма нашла именно такую приятельницу, какую желала и

какой ей прежде не хватало. Разумеется, ее нельзя было назвать заменой миссис Уэстон – второй такой подруги не найти. Но второй такой Эмма и не желала. С Харриет дружба была иная, даровавшая ей чувство независимости. И любовь Эммы к двум подругам отличалась: миссис Уэстон была предметом обожания, почитания и благодарности, Харриет же – покровительства. Миссис Уэстон в помощи Эммы не нуждалась, Харриет – напротив.

Первым делом Эмма попыталась выяснить, кто ее родители, однако расспросы оказались тщетны. Харриет готова была рассказать о себе все, но про свое происхождение ничего не ведала. Эмме приходилось довольствоваться лишь своим воображением, при этом мысленно сетуя, что уж она бы на месте подруги разузнала всю правду. Харриет в этом отношении любознательностью не отличалась. Она знала лишь то, что считала нужным рассказать ей миссис Годдард, и вопросов не задавала.

Значительную часть ее рассказов занимали, разумеется, миссис Годдард, учителя, девочки из пансиона и вообще школа, и ими бы разговоры и ограничивались, если бы не знакомство с семейством Мартинов с фермы Эбби-Милл. Проведя там два беззаботных месяца, Харриет с удовольствием пересказывала их Эмме и описывала все чудеса и удобства жизни семейства. Эмма с интересом ее слушала и задавала вопросы, увлеченная рассказами о непривычном для нее быте. Ее занимали детский восторг и простодушие, с которыми Харриет описывала жизнь Мартинов.

– У миссис Мартин целых две гостиных, отличных гостиных, а одна почти такая же большая, как у миссис Годдард. А старшая горничная живет с ними уже двадцать пять лет. Еще у них восемь коров, из них две олдернейские, а одна коровка валлийская, такая хорошенькая! Миссис Мартин даже сказала: раз она мне так нравится, то пускай зовется моею. Еще у них в саду красивая беседка, и следующим летом у нас там будет чаепитие. Очень красивая беседка! И просторная, там с десяток человек поместится.

Некоторое время ее рассказы Эмму забавляли, и она не задумывалась о том, что за ними стоит, однако постепенно на смену простому любопытству пришло беспокойство. Прежде она ошибочно полагала, что семейство состоит из матери, дочери, сына и его жены, однако позже выяснилось, что мистер Мартин, о котором неустанно говорила Харриет и которого часто хвалила за его добросердечие, – холостяк, и никакой молодой миссис Мартин вовсе нет. Тогда-то Эмма и заподозрила, что все это гостеприимство и радушие неспроста – ее подруге грозит опасность. Если не спасти ее сейчас, то бедняжка Харриет пропадет навсегда.

Именно с таким благородным порывом Эмма стала засыпать Харриет более подробными вопросами, стараясь почаще сводить ее рассказы к мистеру Мартину, а Харриет охотно ей отвечала. Она с готовностью говорила о прогулках при луне и о вечернем досуге за какой-нибудь игрой, не уставала отмечать его добродушие и услужливость. Однажды он проскакал целых три мили туда и обратно, чтобы достать для Харриет грецких орехов, потому что она упомянула, что очень их любит, и так же неизменно предупредителен был всегда и во всем. А как-то вечером он даже пригласил к ним в гостиную сына пастуха, чтобы тот ей спел. А ведь ей так нравится слушать пение! Он и сам неплохо поет. И он такой умный и во всем знает толк. И овцы у него замечательные – именно их шерсть в округе ценится больше всего. О мистере Мартине никто и плохого слова не скажет. Его мать и сестры очень его любят. Миссис Мартин даже однажды сказала ей (на этих словах Харриет зарделась), что лучшего сына и пожелать нельзя и что, женившись, он наверняка станет прекрасным мужем. Не то чтобы она ждет, чтобы он скорее женился, совсем нет. Торопиться, конечно же, ни к чему.

«Ловко, миссис Мартин! – подумала Эмма. – Вы знаете, чего хотите».

– А когда пришла пора мне уезжать, – продолжала Харриет, – миссис Мартин любезно послала в подарок миссис Годдард преславного гуся! Миссис Годдард в жизни такого гуся не видывала. Она его в воскресенье запекла и пригласила отужинать всех трех учительниц: мисс Нэш, мисс Принс и мисс Ричардсон.

– А мистер Мартин, я полагаю, ничем, помимо фермы, не интересуется? Не читает?

– Нет!.. То есть да... Не знаю... По-моему, он читает много, но только не то, что мы с вами... Он читает «Земледельческие заметки», и я видела еще другие книжки... Но их он читает про себя. А «Отрывки из изящной словесности» он иногда читывал всем нам вслух перед игрой в карты. Так увлекательно! Еще, знаю, он читал «Векфильдского священника», а вот «Лесной роман» и «Детей аббатства»¹ – нет. Он про эти книги даже не слышал прежде, но теперь непременно хочет их найти и поскорее прочесть.

Эмма продолжала:

– А каков он собою?

– Ах! Не красавец, отнюдь. Вначале он мне даже показался неказистым, но теперь я так не считаю. Иногда нужно просто узнать человека поближе. Но разве же вы ни разу его не видели? Он иногда бывает в Хайбери и каждую неделю проезжает мимо по пути в Кингстон. И вас не раз видел.

– Да, возможно. Может, и я его сто раз видела, но не обращала внимания и имени не знала. Молодой фермер, хоть на лошади, хоть пеший, мне совершенно не интересен. У меня с таким человеком вряд ли может быть что-то общее. Опрятный крестьянин ступенью-другой ниже еще может привлечь мое внимание – его семье я могу чем-то помочь. Но фермеру моя помощь не нужна, а потому он для меня, с одной стороны, стоит слишком высоко, а с другой – слишком низко.

– Разумеется. Да, вряд ли вы его могли заметить, а вот он вас знает прекрасно – внешне, я имею в виду.

– Не сомневаюсь, что он весьма порядочный молодой человек. Я в этом даже уверена и потому желаю ему всяческих благ. Как вы думаете, сколько ему лет?

– Восьмого июня исполнилось двадцать четыре, а мой день рождения двадцать третьего, всего две недели и один день спустя! Вот так совпадение!

– Всего двадцать четыре... В такие годы рано обзаводиться семьей. Правильно говорит его мать: торопиться ни к чему. Кажется, им и так неплохо живется, и пожени она его сейчас, то позже, верно, пожалела бы об этом. Ему лучше сочетаться браком лет через шесть, если он встретит хорошую девушку одного с ним сословия да с небольшим приданым.

– Шесть лет! Право, мисс Вудхаус, ему ведь будет тридцать!

– Что ж, большинство мужчин из небогатых семейств не могут позволить себе жениться раньше. Мистеру Мартину, как я полагаю, еще только предстоит нажить свое состояние – он, верно, совсем не богат. И смею предположить, что деньги, которые он, может, получил после смерти отца, и долю в семейном имуществе он пустил в дело, вложил в скот и так далее. Вероятно, при должном усердии и везении мистер Мартин со временем разбогатеет, однако будет это не скоро.

– Да, разумеется. Но живут они очень хорошо. Вот только мужской прислуги нет, а в остальном ни в чем не нуждаются, и миссис Мартин подумывает взять в следующем году мальчика.

– Харриет, я очень надеюсь, что вы не поставите себя в неудобное положение, когда он женится – я имею в виду знакомство с его женой. Сестры его хотя бы получили прекрасное образование, однако отсюда не следует, что женится он на особе, достойной вашего внимания. Из-за несчастливых обстоятельств вашего рождения вам следует особенно тщательно выбирать круг знакомых. Вы дочь джентльмена, в этом не может быть и сомнений, и вам стоит всеми

¹ «Отрывки из изящной словесности» – популярный при жизни писательницы сборник поэтических и прозаических отрывков, составленный Вайсисемусом Ноксом. «Векфильдский священник» – сентиментальный роман Оливера Голдсмита. «Лесной роман» – произведение Энн Рэдклифф в жанре готического романа. «Дети аббатства» – любовный роман Реджины Марии Рош.

силами подтверждать свою принадлежность к высшему кругу, а иначе всегда найдутся те, кто с удовольствием вас принизит.

– Да, разумеется, всегда найдутся. Но покуда вы так добры ко мне, мисс Вудхаус, и даже приглашаете меня в Хартфилд, я никого не боюсь.

– Харриет, вы очень хорошо понимаете, какую силу может иметь влияние, но мне бы хотелось так прочно укрепить вас в высших кругах, чтобы вы не зависели ни от Хартфилда, ни от мисс Вудхаус. Я хочу, чтобы вы навсегда вошли в лучшее общество, а для этого следовало бы ограничить число нежелательных знакомств. Потому, если вы все еще будете в наших краях, когда мистер Мартин женится, я советую вам, несмотря на дружбу с его сестрами, воздержаться от знакомства с его будущей женой, которой станет, вероятно, необразованная дочка какого-нибудь фермера.

– Разумеется. Да. Я все же думаю, что мистер Мартин женился бы на девушке образованной и хорошо воспитанной... Но я ни в коем случае с вами не спорю, нет-нет! И наверняка не пожелаю знакомства с его женой. К сестрам Мартин я навсегда сохраню теплые чувства, особенно к Элизабет, и мне было бы очень грустно с ними расставаться, к тому же образованны они ничуть не хуже, чем я. Но ежели он женится на женщине невежественной и невоспитанной, то я знакомства с ней искать не стану.

Эмма слушала все эти рассуждения Харриет и успокаивалась:стораживающих симптомов влюбленности нет. Молодой человек был ее первым воздыхателем – да и только, и Эмма, будучи хорошей подругой, без труда устроит ей более достойную партию.

На следующий же день на прогулке по Донуэлльской дороге они встретили мистера Роберта Мартина. Он шел пешком и, почтительно поприветствовав мисс Вудхаус, с неподдельной радостью перевел взгляд на ее спутницу. Эмма была только рада такой возможности изучить его и, пока они разговаривали, прошла несколько вперед и окинула его беглым и зорким взором. Одет он был опрятно и с виду походил на человека неглупого, однако иными достоинствами не обладал и, решила Эмма, в сравнении с джентльменом утратит всяческое расположение Харриет. Она была чутка к хорошим манерам и не раз с восторгом и даже изумлением отмечала обходительность мистера Вудхауса. Мистер Мартин же, вероятно, и вовсе не представлял, что такое манеры.

Чтобы не заставлять мисс Вудхаус долго ждать, они поговорили всего пару минут, и вскоре Харриет подбежала к ней. Она была взволнована и сияла радостью, но Эмма надеялась вскоре ее унять.

– Подумать только – вот так встреча! Какое совпадение! Он сказал, что лишь по чистой случайности не пошел через Рэндаллс. Он и не думал, что мы гуляем этой дорогой. Он думал, что мы обычно ходим к Рэндаллсу. Он еще не купил «Лесной роман». В прошлый раз в Кингстоне был так занят, что забыл, но завтра поедет снова. Какое все-таки совпадение, что мы встретились! Скажите, мисс Вудхаус, так ли вы его представляли? Что вы о нем думаете? Неказист, как вам показалось?

– Да, в высшей степени. Но это не такая беда в сравнении с полным отсутствием хороших манер. Мне, конечно, не стоило многого ожидать – я многого и не ожидала, – однако я и представить себе не могла, что он окажется таким неотесанным и лишенным всяческой утонченности. Мне, признаться, все же думалось, что он не настолько далек от джентльмена.

– Разумеется, – подавленно отозвалась Харриет. – По сравнению с настоящим джентльменом утонченности в нем меньше.

– Харриет, с тех пор как мы познакомились, вы часто бывали в обществе джентльменов, и я уверена, и сами заметили существенную разницу между ними и мистером Мартином. В Хартфилде вы встречали хорошо образованных и прекрасно воспитанных мужчин. Я бы удивилась, если после таких знакомств вы не увидели, насколько мистер Мартин стоит их ниже, и не изумились: как же вы могли считать его сносным! Разве не возникло у вас подобного

чувства? Разве не были вы поражены? Я уверена, и неуклюжий вид его, и резкие манеры, и грубый голос – все это не могло не поразить вас. Даже я, стоя поодаль, слышала его голос – совершенно немелодичный.

– Конечно, он совсем не похож на мистера Найтли. Ни манерами, ни походкой. Я хорошо вижу разницу. Но ведь с мистером Найтли сравниться невозможно!

– Не стоит даже сравнивать фермера и мистера Найтли. Такие мужчины, как мистер Найтли, и в высшем обществе – редкость. Но ведь вы в последнее время видели и других джентльменов. К примеру, мистер Уэстон или мистер Элтон. Сравните мистера Мартина с ними. Сравните то, как они себя держат, как ходят, говорят, молчат. Разницу увидеть нетрудно.

– Да! Разница велика. Но ведь мистер Уэстон – почти старик. Ему, должно быть, за сорок.

– И тем ценнее его хорошие манеры. С возрастом подобные вещи имеют даже большее значение. Чем старше человек, тем заметнее и возмутительнее крикливость, угловатость и нелепость. Что простительно юноше, в старике вызывает отвращение. Если уж сейчас мистер Мартин неуклюж и неотесан, так что же будет в старости?

– Кто знает, – понуро ответила Харриет.

– Догадаться нетрудно. Он будет ужасно грубым, невоспитанным, неопрятным фермером, все мысли которого займут лишь прибыли и убытки.

– Вы думаете? Как же это печально!

– Он и теперь уже думает лишь о своей ферме – ведь забыл же он о книге, про которую вы говорили! Его мысли были полностью заняты делами торговыми, как и у любого человека, стремящегося в своем деле преуспеть. На что ему книги? И я даже не сомневаюсь, что он и правда преуспеет и со временем разбогатеет, ну а нам до его невежественности и неотесанности дела быть не должно.

– Странно, что он забыл о книге... – только и сказала Харриет с неким печальным неудовольствием, и Эмма решила дать ей некоторое время поразмыслить.

Затем она продолжила:

– Пожалуй, в некотором смысле мистер Элтон даже превосходит мистера Найтли и мистера Уэстона в манерах. Он любезен, как настоящий джентльмен. С такого человека и нужно брать пример. Мистеру Уэстону присущи откровенность и живость, которые порой граничат с бестактностью, однако при всем этом он так добродушен, что его невозможно не любить. И все же подражать ему не стоит. Как и мистеру Найтли: ему самому очень подходят его прямолинейность, решительность и властность. Благодаря своей внешности и положению в обществе он может вести себя так, как захочет. Однако пожелай какой-нибудь молодой человек перенять манеры мистера Найтли, то стерпеть его было бы невозможно. А вот мистер Элтон – прекрасный образец того, как должен вести себя настоящий джентльмен. Он добродушен, весел, учтив и любезен. А в последнее время он, мне кажется, даже более любезен, чем обычно. Не знаю, Харриет, пытается ли он таким образом снискать расположение одной из нас, но вести себя он стал обходительнее прежнего. Должно быть, хочет угодить вам. Я не рассказывала, что он на днях мне о вас говорил?

И она в красках передала ей похвалы, которых смогла добиться от мистера Элтона. Харриет зарделась и со смущенной улыбкой ответила, что она всегда находила мистера Элтона весьма приятным молодым человеком.

Именно мистеру Элтону и предстояло, по замыслу Эммы, вытеснить молодого фермера из мыслей Харриет. Он стал бы самой подходящей для нее партией. Очевидно, что их союз желателен, естествен и возможен, а она, Эмма, сможет гордиться своей сметливостью. Конечно, может статься, что партия эта очевидна уже для всех вокруг, однако вряд ли хоть кто-то подумал об этом раньше нее. Эмма задумала свести их еще в первый визит Харриет в Хартфилд. Чем дольше она размышляла над своим намерением, тем больше в нем утверждалась. Положение мистера Элтона можно было назвать самым подходящим: джентльмен

и без родственников низкого происхождения, он в то же время не был выходцем из какой-нибудь знатной семьи, которая могла бы поставить под сомнение обстоятельства рождения Харриет. Мистер Элтон мог предоставить уютный дом и хороший, как полагала Эмма, достаток. Несмотря на то что доход викария в Хайбери считался небольшим, мистер Элтон, как было известно, располагал собственным имуществом. Она о нем составила высокое мнение как о человеке добродушном, благожелательном, порядочном и не лишенном ума.

Эмма уже уверилась, что мистер Элтон по достоинству оценил красоту Харриет, а потому надеялась, что их частые встречи в Хартфилде принесут свои плоды. Что же до Харриет, то сомнений нет – мысль о том, что ее предпочли другим, немало ее впечатлит. К тому же мистер Элтон был и в самом деле очень приятным молодым человеком, который мог без труда понравиться любой не слишком привередливой женщине. Он считался очень красивым, и его внешностью восхищались многие – но не Эмма. На ее взгляд, ему недоставало необходимого для джентльмена изящества, однако девицу, которая была так благодарна какому-то Роберту Мартину за то, что он изъездил всю округу в поисках орехов, вполне могло покорить восхищение мистера Элтона.

Глава V

– Не знаю, миссис Уэстон, – сказал мистер Найтли, – какого мнения о дружбе Эммы с Харриет Смит вы, но я считаю, что к добру это не приведет.

– Что вы! Вы правда так думаете? Почему же?

– По-моему, ни одной, ни другой это на пользу не пойдет.

– Вы меня удивляете! Не может быть и сомнений, что общение с Эммой идет Харриет на пользу, да и сама Харриет не дает Эмме заскучать и тем самым, можно сказать, приносит пользу ей. Меня их дружба чрезвычайно радует. Мы с вами совершенно по-разному смотрим на вещи! К добру не приведет – отчего это вы вдруг так решили! Так мы с вами, пожалуй, в очередной раз поссоримся из-за Эммы.

– Вы, верно, полагаете, что я намеренно пришел к вам поссориться, зная, что мистер Уэстон не дома и что вам придется парировать в одиночку.

– Мистер Уэстон несомненно бы меня поддержал, он того же мнения. Мы только вчера об этом говорили и согласились, что Эмме очень повезло, коль скоро в Хайбери нашлась девушка, с которой она может дружить. Вы, мистер Найтли, боюсь, не можете судить здраво. Вы так привыкли жить один, что не осознаете всю ценность подобной компании. Да и, пожалуй, не может мужчина в полной мере оценить, насколько важна для женщины, привыкшей к обществу другой женщины, такая подруга. Я понимаю, чем вам не нравится их дружба. Харриет Смит – девушка слишком для Эммы простая. Но, с другой стороны, раз Эмме хочется, чтобы Харриет стала начитаннее, она и сама станет читать больше. И они будут читать вместе. Эмма этого и хочет, я уверена.

– Эмма с двенадцати лет хочет читать больше. Немало я видел всяких списков того, что она хочет время от времени прочитывать, да каких списков! Один лучше другого. И выбор превосходный, и составлены как нельзя лучше: то в алфавитном порядке, то еще в каком-нибудь. Помню список, который она составила в четырнадцать лет, – сколько он делал чести ее вкусу! Я даже хранил его некоторое время. Не сомневаюсь, что и сейчас она составила список не хуже. Однако я уже утратил всякие надежды на то, что Эмма и впрямь возьмется за чтение. Ей для такого дела не хватит ни прилежания, ни терпения. Сама идея читать нравится ей куда больше. Раз уж даже мисс Тейлор потерпела неудачу, то Харриет Смит ничем не поможет – в этом я уверен. Эмма и половины того, что вы просили, не читала. Вы знаете, что я прав.

– И я так думала когда-то, – с улыбкой отозвалась миссис Уэстон. – Однако с тех пор, как я переехала, не могу припомнить ни одного случая, чтобы она не исполнила мою просьбу.

– Конечно, такие воспоминания освежать вряд ли захочется, – с чувством произнес мистер Найтли и замолчал. Но вскоре добавил: – Я все же не ослеплен ее очарованием и отлично могу все видеть, слышать и помнить. Эмма всегда была в семье самой умной, и это ее избаловало. Уже в десять лет она могла отвечать на вопросы, которых не понимала ее семнадцатилетняя сестра. Эмма всегда выступала сообразительной и самоуверенной, Изабелла же – медлительной и застенчивой. А с двенадцати лет Эмма и вовсе стала хозяйкой всего Хартфилда. Со смертью матери она потеряла единственного человека, который мог ее обуздать. Свои способности Эмма унаследовала от нее и наверняка ее во всем слушалась.

– Хорошо, что мне не пришлось покидать дом мистера Вудхауса и искать себе другое место с вашей рекомендацией, мистер Найтли. Вы бы, наверное, и доброго словечка обо мне не замолвили. Уверена, вы всегда считали, что я совершенно не подхожу для отведенной мне роли.

– Да, – с улыбкой подтвердил мистер Найтли. – Вам куда лучше здесь, в роли жены, а не гувернантки. И Хартфилд вас прекрасно к этому подготовил. Может, вы и не дали Эмме того полного образования, которое хотели бы, но зато благодаря ей научились подавлять собственную волю и делать так, как будет велено, – необходимое умение в браке. И если бы Уэстон попросил меня посоветовать кого-то в жены, я бы незамедлительно назвал мисс Тейлор.

– Благодарю. Невелика заслуга быть хорошей женой такому мужу, как мистер Уэстон.

– Да, сказать по правде, даже жаль, что ваши способности тратятся впустую. Притом что вы готовы сносить любые невзгоды, сносить вам и нечего. Но отчаиваться не будем. Может статься, во всех этих удобствах Уэстон еще станет старым ворчуном, а может, его сын доставит ему хлопот.

– Только не это... Да и вряд ли. Нет уж, мистер Найтли, давайте не будем пророчить беды откуда не ждали.

– Что вы, я и не думал. Лишь перечисляю возможные неприятности. Я, в отличие от Эммы, отнюдь не считаю себя предсказателем и от всей души надеюсь, что сын обладает и достоинствами Уэстонов, и состоянием Черчиллей. Однако вернемся к Харриет Смит, я еще не все сказал. Хуже подруги для Эммы не сыскать. Сама она не знает ничего и наивно полагает, что Эмма знает все. Своим невежеством она во всем ей льстит, и оттого эта лесть хуже, что она неумышленна. С чего бы Эмме вдруг решить, что ей стоит чему-то поучиться, когда рядом с ней такая почитательница? Что до самой Харриет, так и ей эта дружба лишь вредит. В Хартфилде она наберется утонченности настолько, что разочаруется в людях и обстоятельствах, к которым принадлежит с рождения. Очень сомневаюсь, что наставления Эммы добавят ей силы духа или подготовят к переменчивым превратностям ее судьбы. Они лишь придадут ей некоторый лоск.

– Я все же более вас полагаюсь на здравый смысл Эммы или же больше вашего беспокоюсь о ее нынешнем благополучии, поскольку об их дружбе ничуть не сожалею. Как чудно она выглядела вчера вечером!

– А, так вы предпочитаете переживать о ее внешнем виде, нежели о разуме? Что ж, отрицать не буду, Эмма и впрямь мила.

– Мила! Да она просто красавица! И черты лица ее, и фигура... Можно ли представить красоту более совершенную?

– Уж не знаю, что можно представить, но готов признать, что редко мне доводилось встречать кого-то лицом и фигурой приятнее Эммы. Однако я, как старый друг, не могу судить беспристрастно.

– А глаза! Такой красивый карий цвет! И такой открытый взгляд! Правильные черты лица и приятный цвет кожи! А фигура: совершенные рост и сложение, и какая стать, какая осанка! Она так и пышет здоровьем, и выдает это не только мягкий румянец, но и весь вид ее, посадка головы, взгляд. Бывает, про детей говорят, что они – само здоровье. А я вот думаю,

про Эмму можно сказать так же, она – пример совершенного здоровья взрослого человека. И просто прелесть. Мистер Найтли, разве вы со мной не согласны?

– Внешне Эмма безупречна, – ответил он. – И я полностью согласен со всеми вашими словами. На нее приятно смотреть и отрадно заметить, что красота ее не становится причиной для тщеславия. Собственная внешность ее мало заботит, и тщеславие ее иного порядка. Миссис Уэстон, вы меня не переубедите: ничего хорошего я в их дружбе с Харриет Смит не вижу и боюсь, что обеим она принесет лишь вред.

– А я, мистер Найтли, так же твердо убеждена, что никакого вреда не будет. При всех своих маленьких недостатках наша милая Эмма – прекрасное создание. Можно ли мечтать о лучшей дочери, добрейшей сестре и более преданном друге? Нет-нет! Она обладает качествами, на которые можно положиться, и никогда не причинит никому зла, не совершит неправимой ошибки. Даже если Эмма ошибется однажды, другие сто раз она будет права.

– Ну хорошо, не буду вам больше докучать. Пускай Эмма остается сущим ангелом, а я подожду со своим ворчанием до Рождества – тогда приедут Джон и Изабелла. Любовь Джона к Эмме разумна, а потому не слепа, Изабелла же всегда и во всем с ним согласна, кроме того, что он недостаточно беспокоится о здоровье детей. Уверен, они разделят мое мнение.

– Я знаю, что вы все так любите Эмму, что не сможете судить о ней жестоко или несправедливо, однако все же, мистер Найтли, простите, но позволю себе заметить – а я думаю, что в некотором смысле имею право говорить от лица, так скажем, матери Эммы, – так вот, позволю себе заметить, что не стоит столь горячо обсуждать их дружбу с Харриет Смит. Прошу меня извинить, но даже если она и принесет какие-то неприятности, то все равно нельзя надеяться, чтобы Эмма, которая может послушать лишь своего отца – а ему, кстати, Харриет нравится, – положила конец этой дружбе, раз она доставляет ей такое удовольствие. Столько лет я должна была давать советы, мистер Найтли, что не удивляйтесь – привычка эта сохранилась и сейчас.

– Что вы! – воскликнул он. – Премного вам благодарен. Совет этот хороший, и его постигнет куда более приятная участь, чем остальные ваши советы, – я его послушаюсь.

– Изабеллу легко встревожить, подобные разговоры о сестре могут ее расстроить.

– Не волнуйтесь, – сказал он. – Я не стану поднимать бурю и выражать свое неудовольствие. Мне глубоко безразлична судьба Эммы. Даже Изабелла, будучи женой моего брата, не вызывает во мне столько участия. Будущее Эммы пробуждает любопытство. Интересно, что с нею станет!

– Да, – тихо промолвила миссис Уэстон. – Очень интересно.

– Она вечно утверждает, будто бы не выйдет замуж, что, конечно же, лишь пустые разговоры. Но и мужчины, который сделался бы ей безразличен, она пока что не встречала. А ей пошло бы на пользу влюбиться в кого-нибудь подходящего и помучиться, гадая, взаимны ли ее чувства. Но в наших краях нет никого, кто мог бы привлечь ее внимание, а из дома она выезжает очень редко.

– Да, сейчас ее решимость и правда поколебать некому, – откликнулась миссис Уэстон, – но, может, оно и к лучшему. В Хартфилде она вполне счастлива, а такая привязанность принесет лишь сложности из-за мистера Вудхауса. Я бы не советовала ей сейчас вступать в брак, хотя, уверяю вас, ничего против семейной жизни не имею.

Этими словами она отчасти стремилась утаить некоторые из их с мистером Уэстоном соображений насчет будущего Эммы. Чета питала определенные надежды, однако раскрывать свои планы раньше времени не хотела. Мистер Найтли же спокойно перешел к другой теме: «Кстати, что думает Уэстон о погоде, будет ли дождь?» И миссис Уэстон успокоилась: про Хартфилд ему сказать больше нечего, да и никаких подозрений у него не возникло.

Глава VI

Не чувствуя и тени сомнений, Эмма направляла мысли Харриет в нужное русло и с благими целями нахваливала ее, способствуя здоровому самолюбию. К тому же, как она убеждалась, Харриет стала чаще замечать красоту мистера Элтона и его любезные манеры. Эмма всячески указывала ей на его расположение и вскоре убедилась, что смогла внушить подруге должные чувства. Что до мистера Элтона, то по его поводу сомнений тоже не возникало. Он явно был готов влюбиться в Харриет, а может, и уже влюбился. Он так горячо ее расхваливал, что остальное, как полагала Эмма, – лишь дело времени. От мистера Элтона не укрылась значительная перемена в Харриет с тех пор, как ее стали принимать в Хартфилде, а это было одним из верных признаков его растущей привязанности.

– Вы дали мисс Смит все, чего ей недоставало, – говорил он. – Вы сделали ее грациозной и непринужденной. Она, конечно, и без того очень красива, однако, как мне кажется, качества, которыми смогли наделить ее вы, гораздо важнее данных ей от природы.

– Я рада, что вы считаете, будто я могла быть настолько полезна. Однако Харриет уже обладала всеми нужными качествами, требовалось всего лишь их заметить и дать несколько небольших подсказок. От природы она мила и безыскусственна. Моя заслуга невелика.

– Как жаль, что спорить с дамой непозволительно... – изящно отметил мистер Элтон.

– Я лишь, возможно, придала ей немного твердости характера да приучила задумываться над тонкостями, на которые она прежде не обращала внимания.

– Именно так, это меня и поражает. Как вы смогли прибавить ей столько твердости! Видна рука мастера!

– Для меня это было одно удовольствие. Никогда я не встречала еще нрава столь добродушного.

– В этом нет сомнений, – промолвил мистер Элтон с легким вздохом, присущим исключительно человеку влюбленному.

Поразовалась Эмма и на другой день, когда он горячо поддержал ее в желании написать портрет Харриет.

– Харриет, вас когда-нибудь рисовали? – спросила она. – Вы позировали для портрета?

Харриет как раз выходила из комнаты и, остановившись в дверях, ответила с очаровательной наивностью:

– Ах, что вы! Нет-нет.

Как только она вышла, Эмма воскликнула:

– Ах, вот бы заполучить ее портрет! Все бы отдала ради такого сокровища. Я, пожалуй, и сама не прочь попытаться запечатлеть ее красоту. Вы, верно, того не знаете, но года два или три назад я увлекалась портретами и даже написала некоторых друзей. Все говорили, что в целом мне удавалось достичь некоторого сходства. Однако со временем я охладела к этому занятию. Но если Харриет согласится мне позировать, то я даже отважилась бы попытать свои силы. Как чудесно было бы иметь ее портрет!

– Мисс Вудхаус, я полностью с вами согласен! – воскликнул мистер Элтон. – Умоляю вас, напишите же ее портрет! Воспользуйтесь своим чудесным даром во благо подруги. Разумеется, я видел ваши рисунки, как вы могли подумать иначе? Разве не украшают стены этой комнаты ваши пейзажи и натюрморты? Разве не висят в гостиной миссис Уэстон в Рэндаллсе ваши несравненные наброски фигур?

«Так и есть, – подумала Эмма, – но речь-то ведь о портретах. Ничего вы в рисовании не смыслите. Нечего притворяться, будто вам так нравятся мои рисунки. Лучше поберегите восторги для прекрасного личика Харриет».

– Что ж, мистер Элтон, раз вы меня так поддерживаете, то я, пожалуй, и впрямь осмелюсь попробовать. У Харриет очень тонкие черты, потому передать сходство будет сложнее, однако глаза ее и форма губ столь необычны, что их просто необходимо уловить.

– Именно так – глаза и форма губ. Я не сомневаюсь в вашем успехе. Умоляю вас, дерзните. В вашем исполнении ее портрет и впрямь станет, как вы выразились, сокровищем.

– Боюсь только, что Харриет не захочет мне позировать. Она не понимает, как красива. Заметили вы, как она мне ответила? Будто хотела сказать: «С чего бы вдруг кому-то писать мой портрет?»

– О да, конечно же, я заметил. Разве могло такое от меня ускользнуть? И все же я думаю, ее удастся убедить.

Вскоре Харриет вернулась, и ей тут же было предложено позировать. Устоять под напором и Эммы, и мистера Элтона она не могла, а потому быстро согласилась. Эмма пожелала приступить к работе немедленно и, чтобы они вместе могли решить, как лучше всего запечатлеть Харриет, сразу же достала папку со всякими своими портретными набросками, ни один из которых так и не был закончен. В ней было множество зарисовок: миниатюры, поясные портреты, портреты в полный рост, выполненные карандашом, пастелью и акварелью. Эмма всегда стремилась попробовать все и при этом добивалась значительно больших успехов и в рисовании, и в музыке, чем могли бы добиться другие, приложив столь же мало усилий. Она играла и пела, рисовала практически в любой технике, но ей никогда не хватало упорства добиться той степени совершенства, которая устроила бы ее саму и которой она действительно могла бы достичь. Сама она не обманывалась и понимала, что и в рисовании, и в музыке она многого не достигла, однако не возражала, когда обманывались другие, и не испытывала угрызений совести за то, что ей приписывались некоторые достоинства, которыми она не обладала.

Наброски Эммы отличались живым стилем. Каждый из них был прекрасен, а в особенности – наименее проработанные. И все же будь ее рисунки куда хуже или же хоть в десять раз лучше, два ее собеседника восторгались и восхищались бы ими точно так же. Они были просто без ума. Сходство в портрете всегда поражает, а мисс Вудхаус превосходно могла его достигнуть.

– Мои работы не слишком разнообразны, – сказала Эмма. – Я училась лишь на своих близких. Вот мой папенька, и здесь тоже он... Правда, он так разволновался от необходимости позировать, что пришлось рисовать его украдкой, оттого вышло не слишком похоже. Вот миссис Уэстон, и здесь тоже, и здесь, и опять она. Милая моя миссис Уэстон! Всегда готова прийти на помощь. Она позировала мне всякий раз, когда бы я ни попросила. А вот моя сестра, вполне похожа ее изящная фигурка. Да и лицо неплохо получилось. Может, даже и лучше бы вышло, если б Изабелла позировала мне подольше. Но она так хотела, чтобы я нарисовала четырех ее деток, что едва могла усидеть на месте. А вот и они: трое старших – Генри, Джон и Белла, слева направо. Но один мог вполне бы сойти за другого. Изабелла так просила, чтобы я их нарисовала, что отказать я не смогла, однако заставить детей трех-четырёх лет спокойно позировать невозможно. Так что и сходства особого добиться не получилось, разве что в общем. Легче было бы уловить более резкие черты лица, однако таких у маменькиных любимцев не встретишь. А вот и четвертый мой племянник, он тут совсем малыш. Это он заснул на диване. Видите, так удобно положил голову, что хохолочек на макушке у меня вышел совсем как настоящий! Да, малыш Джордж получился прекрасно. И угол дивана особенно хорош. А это вот последняя, – продолжала Эмма, показывая чудный маленький набросок джентльмена в полный рост. – Последняя и лучшая моя работа – муж Изабеллы, мистер Джон Найтли. Совсем немного оставалось закончить, но я тогда так расстроилась, что все убрала и поклялась никогда больше не писать портретов. Да и как я могла не расстроиться? После всех моих мучений я смогла добиться такого сходства, и миссис Уэстон тоже согласилась, что вышло очень похоже. Разве что красивее, чем в жизни, но это даже и не изъясн. Так вот после всех моих трудов Иза-

белла всего лишь холодно заметила: «Да, немного похоже, но в жизни лучше». А сколько пришлось его уговаривать! Он согласился позировать в качестве большого одолжения. В общем, всего этого разом я вынести не могла, а потому портрет и не закончила. Представьте только, каждому гостю на Брансуик-сквер указывали бы на то, как картина плоха. И вот тогда, как я уже говорила, я и зареклась писать портреты. Но ради Харриет, а вернее, даже ради себя самой я нарушу свою клятву. Тем более ни жен, ни мужей среди нас пока что нет.

Мистер Элтон, казалось, пришел в особенный восторг от этой последней мысли и подхватил:

– Да, ни мужей, ни жен пока что, как верно вы подметили! Именно так. Именно так! Ни мужей, ни жен пока что.

Повторял он это с такой многозначительностью, что Эмма даже задумалась: а не стоит ли ей тут же оставить их наедине? Однако она настроена была рисовать, а потому решила, что его объяснения в любви подождут.

Вскоре она выбрала вид портрета и материал для работы: это будет, как и портрет мистера Джона Найтли, работа в полный рост и выполненная акварелью. И ежели Эмме получившийся портрет понравится, то он займет почетное место на стене над камином.

Начался сеанс позирования. Харриет, улыбаясь и заливаясь краской, боялась пошевелиться или переменить выражение лица и являла собой прелестную картину юного смещения чувств. Однако пока мистер Элтон суеился у Эммы за спиной и следил за каждым ее штрихом, спокойно работать было невозможно. Разумеется, нужно было отдать ему и должное: расположился он так, чтобы хорошо видеть Харриет, однако Эмме такое внимание лишь мешало. И тут у нее возникла чудесная мысль.

Не будет ли мистер Элтон так любезен почитать им вслух? Под чтение и ей станет лучше работать, и мисс Смит будет не так утомительно позировать.

Тот с радостью согласился. Харриет слушала, а Эмма спокойно писала. Она решила, что, конечно же, стоит все-таки разрешить бедному влюбленному подходить и смотреть на работу, и мистер Элтон был готов при малейшей возможности подскочить, оценить, как продвигается дело, и восхититься. Эмма ничего не имела против такого поклонника, который без конца восторгался и видел сходство даже там, где его еще и быть не могло. Конечно, критик из него был никудышный, зато влюбленный и почитатель – в самый раз.

Сеанс прошел хорошо. Эмма осталась довольна своим первым наброском и пожелала на следующий день продолжать. Сходство уловить удалось, и поза получилась удачная. Эмма собиралась еще немного подправить фигуру, добавив ей роста и изящества, так что она была уверена: в итоге получится прекрасная работа, которая займет предназначенное ей место и станет чудесным напоминанием о красоте одной и таланте другой, их дружбе, а также, может, и о других приятных вещах, которые несет с собой растущая привязанность мистера Элтона.

На следующий день Харриет предстояло позировать вновь, и мистер Элтон, как и ожидалось, умолял о разрешении снова присутствовать на сеансе и читать им вслух.

– Разумеется. Мы будем лишь рады вашему обществу.

На другой день и на всех дальнейших сеансах последовал такой же поток любезностей и учтивостей, а работа, к счастью Эммы, шла быстро и успешно. Портрет хвалили все, кто его видел, а мистер Элтон находился в постоянном упоении восторга и горячо защищал рисунок от любой критики.

– Мисс Вудхаус одарила подругу тем, чего не хватало ее красоте, – отметила миссис Уэстон, даже не подозревая, что разговаривает с влюбленным. – Выражение глаз передано верно, а вот брови и ресницы у мисс Смит другие. Как раз таких ей в жизни и недостает.

– Вы находите? – вопрошал мистер Элтон. – Не могу с вами согласиться. На мой взгляд, сходство разительное абсолютно в каждом штрихе. В жизни не видел такого точного портрета. Нельзя ведь забывать и об игре света и тени.

– Эмма, вы сделали ее слишком высокой, – заметил мистер Найтли.

Эмма и сама это прекрасно знала, однако признать не желала. Мистер Элтон же горячо вступился:

– Что вы! Отнюдь! Никак нет! Она ведь, понимаете, сидит, а потому, естественно, предстает... то есть это и передает суть того... понимаете, нужно ведь помнить о пропорциях! О пропорциях и о перспективе... Нет-нет! Рост точь-в-точь как у мисс Смит. Именно такой!

– Очаровательный портрет! – сказал мистер Вудхаус. – Замечательно выполнен. Впрочем, как и все твои рисунки, голубушка. Не знаю никого, кто рисовал бы так же хорошо. Вот только что мне не нравится – она у тебя сидит на улице, а на плечиках всего лишь тоненькая шаль. Так ведь и простудиться недолго!

– Но, папа, ведь предполагается, что это теплый летний день. Взгляните на дерево.

– Сидеть на улице в любое время года опасно, голубушка моя.

– Сэр, можете говорить что угодно, – воскликнул мистер Элтон, – однако мне, должен признаться, поместить мисс Смит на улицу кажется прекрасной идеей! А в какой неподражаемой манере выполнено дерево! Никакой другой фон мисс Смит так бы не подошел. Естественность, присущая ей, и в целом... Ах, какой чудесный портрет! Наглядеться не могу! Никогда не видывал подобного сходства.

Далее следовало поместить портрет в раму, однако с этим возникло несколько трудностей. Промедлений дело не терпело. Заказ необходимо было выполнить в Лондоне, причем через смышленного человека с хорошим вкусом, но без помощи Изабеллы – обычной исполнительницы всех поручений в Лондоне, ведь на дворе стоял декабрь и мистер Вудхаус приходил в ужас даже от одной мысли о том, чтобы она вышла из дома в пору холодных декабрьских туманов. Однако стоило об этой беде сообщить мистеру Элтону, как все трудности разрешились. Он тотчас же любезно поспешил на помощь. Доверь они ему это дело, с каким бы бесконечным удовольствием он его выполнил! Он готов поехать в Лондон в любую минуту. Невозможно передать, как рад он был бы исполнить такое поручение!

– Вы слишком добры! Нет-нет! Мы не можем вас так обременять! – в свою очередь говорила ему Эмма.

На что молодой человек продолжал молить и убеждать, и в конце концов дело было улажено.

Мистеру Элтону предстояло отвезти портрет в Лондон, выбрать раму и отдать надлежащие указания. Эмма взялась упаковать рисунок так, чтобы он в сохранности доехал до Лондона и не слишком обременял мистера Элтона, а тот, казалось, наоборот, боялся, что обременит его недостаточно.

– Настоящее сокровище! – сказал он с нежным вздохом, принимая от нее рисунок.

«Пожалуй, для влюбленного он даже чересчур любезен, – подумала Эмма. – Но, наверное, могут быть сотни разных проявлений влюбленности. Он прекрасный молодой человек, такой и нужен Харриет. «Именно такой», как он сам бы выразился. Конечно, на мой вкус, он слишком много вздыхает, принимает чересчур томный вид, да и комплиментов расточает многовато. Даже мне, как подруге Харриет, достается немало. Но так он выражает свою признательность за знакомство с ней».

Глава VII

В день отъезда мистера Элтона в Лондон Эмме представился еще один случай оказать помощь подруге. После завтрака Харриет, как всегда, заглянула в Хартфилд и спустя некоторое время ушла домой, чтобы вернуться к обеду. Однако вернулась она раньше условленного, с крайне взволнованным и оживленным видом – в общем, по всей видимости, произошло нечто невероятное, и ей явно не терпелось этим поделиться. За полминуты Харриет все рассказала.

Как только она вернулась в пансион, ей сообщили, что часом ранее заходил мистер Мартин. Не застав ее и не зная, скоро ли ее ожидать, он оставил небольшую посылку от одной из сестер и ушел. Открыв посылку, Харриет обнаружила не только ноты двух песен, которые она давала Элизабет переписать, но и письмо от мистера Мартина с предложением руки и сердца.

Кто бы мог подумать! Она так удивлена, что совсем не знает, как быть. Да-да, предложение руки и сердца! И так хорошо написано – по крайней мере, ей так кажется. И слова подбраны, словно он и в самом деле ее очень любит... но она не знает... а потому поспешила к мисс Вудхаус за советом...

Эмме даже стало немного стыдно за подругу, за ее радость по такому случаю и за нерешительность по поводу принятия верного решения.

– Ну и ну! – воскликнула она. – Этот мистер Мартин своего не упустит. При случае он подыщет себе хорошую партию.

– Вы прочтете письмо? – взмолилась Харриет. – Пожалуйста! Прошу!

Уговаривать Эмму не пришлось. Она прочла и удивилась. Стиль превзошел все ее ожидания. В письме не только не было грамматических ошибок, но и составлено оно оказалось не менее складно, чем каким-нибудь джентльменом. Язык был хоть и простой, но живой и искренний, а мысли, выражаемые автором, делали ему честь. Письмо было коротким, но исполненным здравого смысла, теплых чувств, великодушия, благопристойности и даже утонченности. Эмма замешкалась, а Харриет, в нетерпеливом ожидании повторявшая: «Ну? Ну?», – наконец не выдержала:

– Ну как, мисс Вудхаус? Хорошее письмо? Или чересчур короткое?

– Да, письмо и правда хорошее, – спокойно отвечала Эмма. – Настолько складно написано, что справедливо полагать, что он не обошелся без помощи одной из сестер. Представить не могу, чтобы тот молодой человек, который говорил с вами на днях, мог так хорошо изъясняться. И все же стиль письма не женский. Нет, для женщины оно написано слишком сильным и сжатым слогом и недостаточно многословно. Нет сомнений, что он человек разумный и, видимо, от природы наделен талантом... Мыслит живо и ясно и, взяв перо в руки, быстро находит нужные слова. Бывают такие мужчины. Да, мне понятен такой склад ума. Бодрый, решительный, вполне чувствительный, не слишком грубый. Да, письмо, – заключила она, протягивая его назад Харриет, – гораздо лучше, чем я ожидала.

– Да... – промолвила Харриет, все еще ожидая совета. – И что же... что мне делать?

– В каком смысле – что делать? Вы о письме?

– Да.

– Чего же вы медлите? Нужно, конечно же, поскорее на него ответить.

– Да, но что? Милая мисс Вудхаус, прошу, дайте мне совет.

– Ах, ни в коем случае! Лучше напишите ответ сами. Я уверена, что вы сможете прекрасно выразить свои мысли. Вы умеете изъясняться вразумительно, а это самое главное. Ответ должен быть недвусмысленным, безо всяких сомнений или колебаний. Я уверена, что у вас найдутся нужные слова, чтобы, как того требуют приличия, выразить благодарность и сожаление о причиненной боли. Вы и без моих подсказок сумеете посочувствовать разбитым надеждам.

– Значит, вы считаете, что я должна ему отказать, – сказала Харриет, потупив взор.

– Должна отказать? Харриет, о чем вы? Неужели вы сомневаетесь по этому поводу? Я-то думала... Прошу прощения, должно быть, я неверно все поняла, раз вы не уверены в самом ответе. Но я полагала, что вы колеблетесь и советуется со мной, лишь поскольку не знаете, какие именно подобрать слова.

Харриет промолчала. С некоторой сдержанностью Эмма продолжила:

– Я так понимаю, вы намерены дать положительный ответ.

– Нет-нет, не намерена... то есть... Мисс Вудхаус, что же мне делать? Что бы вы посоветовали? Прошу, скажите, как мне поступить?

– Харриет, в таком деле я не вправе давать вам советы. Не желаю в это вмешиваться. Здесь вам подскажет лишь ваше сердце.

– Я и не знала, что так сильно нравлюсь ему, – промолвила Харриет, задумчиво разглядывая письмо.

Эмма некоторое время молчала, однако, заподозрив, насколько обаятельны могут оказаться чары послания, решила нарушить тишину:

– Харриет, я взяла за правило следующее: если женщина сомневается, принять ей предложение или же отказать, то непременно следует отказать. Если она не решается сказать «да», то уж лучше напрямую ответить «нет». Не стоит выходить замуж, не будучи полностью уверенной в своих чувствах. Как ваш старший друг, я считаю своим долгом сообщить вам мое мнение. Однако не подумайте, будто я пытаюсь вам его навязать.

– О нет! Я знаю, вы слишком добры ко мне... Но если бы вы могли дать мне совет, как будет лучше... Нет-нет, то есть я имею в виду... Вы правы, в таком деле не может быть колебаний... Это ведь такой серьезный шаг... Наверное, лучше отказать. Как вы думаете? Лучше отказать?

– Ни за что на свете не стала бы я давать вам советы в таком деле, – сказала Эмма со снисходительной улыбкой. – Вы сами лучше знаете, что сделает вас счастливой. Если вы предпочитаете мистера Мартина любому другому мужчине, если достойнее вы никого не встречали, то к чему колебаться? Харриет, вы покраснели. Неужели при этих словах вы думаете о ком-то еще? Харриет, Харриет, не обманывайте себя. Не позволяйте благодарности и состраданию затмить истинные чувства. Кто же еще пришел вам на ум?

Внешний вид Харриет обнадеживал: отвернувшись, она в задумчивости смотрела на огонь и лишь машинально вертела письмо в руках. Эмма нетерпеливо ждала решения подруги, при этом надежды ее крепили. Наконец в некоторой нерешительности Харриет промолвила:

– Мисс Вудхаус, поскольку вы не желаете дать мне совета, я должна принять решение сама. И я твердо уверена, то есть я почти окончательно решила, что откажу мистеру Мартину. Как вы думаете, правильно я поступаю?

– Правильно, милая моя Харриет, совершенно правильно! Именно так вам и следует поступить. Покамест вы сомневались, я не выражала своего мнения, однако теперь, когда вы твердо уверены в ответе, я безо всяких колебаний вас поддерживаю. Милая Харриет, как же рада я вашему решению! Мне тяжело было бы лишиться подруги, однако именно таковым было бы следствие вашего с мистером Мартином брака. Я не стала говорить об этом, покуда вы колебались, чтобы не влиять на ваше решение, но скажи вы «да», нашей дружбе пришел бы конец. Я бы не смогла навещать жену Роберта Мартина с фермы Эбби-Милл. А теперь я за нашу дружбу спокойна.

Харриет о подобных последствиях даже не задумывалась, а потому мысль о такой возможной опасности чрезвычайно ее поразила.

– Вы бы не смогли меня навещать! – потрясенно воскликнула она. – Да-да, конечно, не смогли бы, но я даже и не подумала об этом. Это было бы просто ужасно! Но я решила отказать – какое облегчение! Милая мисс Вудхаус, я бы ни на что на свете не променяла честь и удовольствие дружить с вами.

– Харриет, поверьте, мне было бы больно лишиться вашей дружбы, однако иначе бы быть не могло. Вы бы отвергли приличное общество, и мне пришлось бы вас забыть.

– О боже!.. Я бы этого не вынесла! Я бы умерла, если бы двери Хартфилда закрылись для меня!

– Милое, нежное создание! Представить только: заточить вас на ферме! Обречь на жизнь среди грубого и необразованного люда! И как только этому мистеру Мартину хватило наглости просить вашей руки. Должно быть, он о себе очень высокого мнения.

– По-моему, он вовсе не самодоволен, – возразила Харриет, совесть которой не позволила согласиться с таким несправедливым обвинением, – и к тому же очень добродушен, я буду вечно испытывать к нему благодарность и уважение, но это совсем иное, чем... И, хотя я ему так нравлюсь, это совсем не значит, что я должна... И, признаться честно, с тех пор, как я стала бывать в вашем доме, я повстречала таких людей... Конечно, и внешность их, и манеры выше всякого сравнения – а в особенности одного джентльмена, он так красив и обходителен! Однако я все же считаю мистера Мартина очень любезным молодым человеком и всегда буду о нем хорошего мнения, он так меня ценит и написал такое письмо... но расстаться с вами – нет, на это я бы не пошла ни за что!

– Спасибо, спасибо, Харриет, милая моя подруга. Мы с вами не расстанемся. Женщина не обязана отдавать мужчине руку лишь потому, что он ее попросил, или потому, что он ее ценит и может написать сносное письмо.

– Нет-нет, не обязана, да и письмо коротковато.

Про себя Эмма отметила дурной вкус подруги, однако вслух сказала, что слова Харриет справедливы и что невелико было бы утешение знать, будто твой муж, чьи неотесанные манеры оскорбляют тебя ежечасно, способен написать неплохое письмо.

– О да! Что толку в письмах? Главное – быть счастливой в приятном обществе. Я твердо намерена ему отказать. Но как это сделать? Что мне сказать?

Эмма заверила Харриет, что трудностей с ответным посланием не возникнет, и посоветовала написать все прямо, с чем ее подруга согласилась в надежде на помощь; и, хотя Эмма продолжала твердить, что Харриет справится сама, на деле каждое предложение было записано под ее строгим надзором. Перечитывая письмо мистера Мартина и сочиняя ответ, Харриет лишилась своей уверенности и смягчилась, так что Эмме пришлось продиктовать ей несколько решительных выражений. Подруга ее боялась причинить молодому человеку боль и переживала, что же скажут и подумают о ней его мать и сестры, не сочтут ли они ее неблагодарной, так что Эмма даже подумала: «Окажись Харриет сейчас в одной комнате с мистером Мартином, предложение его все-таки было бы принято».

Наконец ответ был написан, запечатан и отправлен. Дело было сделано, а Харриет спасена. Весь вечер она пребывала в унынии, и Эмма, понимая, какими та мучается угрызениями, старалась отвлечь ее, напоминая то об их крепкой дружбе, то о мистере Элтоне.

– Меня больше никогда не пригласят в Эбби-Мил, – опечаленно говорила Харриет.

– А если бы и пригласили, милая моя Харриет, то я бы вас никуда не пустила. Вы ведь нужны здесь, в Хартфилде, а не в Эбби-Мил.

– Мне и самой туда не захочется, ведь счастлива я лишь в Хартфилде.

Спустя некоторое время она воскликнула:

– Вот бы миссис Годдард удивилась, узнай она, что произошло. Да и мисс Нэш тоже: она считает, что ее сестра очень удачно вышла замуж, а ведь ее муж всего лишь торгует тканями.

– Харриет, разве стоит равняться на школьную учительницу, которой нет дела ни до достоинства, ни до утонченности? Смею предположить, что мисс Нэш позавидовала бы сейчас и вам. Даже такая партия показалась бы ей ценной. Однако она и не догадывается о том, что вас ожидает более завидный жених. Внимание одного известного нам с вами джентльмена едва ли успело сделаться в Хайбери предметом сплетен и пересудов. Я полагаю, что покамест только вы да я понимаем истинное значение его взглядов и поведения.

Харриет зарделась, улыбнулась и отметила, что даже странно, коль скоро она так нравится некоторым людям. Мысль о мистере Элтоне заметно ее приободрила, и все же спустя некоторое время ее мягкое сердце вновь преисполнилось муками из-за отвергнутого мистера Мартина.

– Он уже получил мое письмо, – тихо сказала она. – Интересно, что они сейчас делают... Знают ли его сестры? Если он расстроился, то и они тоже. Надеюсь, его это не слишком задело.

– Давайте лучше вспомним о тех наших друзьях, которые заняты более приятными делами! – воскликнула Эмма. – Мистер Элтон сейчас, наверное, показывает ваш портрет своей матери и сестрам, рассказывает, насколько оригинал красивее, и после настойчивых расспросов соглашается назвать им имя этой прекрасной дамы – ваше драгоценное имя.

– Мой портрет!.. Но ведь он оставил его на Бонд-стрит².

– Ах, ежели так, то я совсем ничего о нем не знаю! Но нет, милая моя, скромная Харриет, картина окажется на Бонд-стрит лишь завтра утром, как раз перед тем, как мистеру Элтону нужно будет выезжать назад. Сегодня же портрет весь вечер в его распоряжении, он его утешение и отрада. При помощи этого рисунка мистер Элтон открывает семье свои намерения, вводит вас в их круг, возбуждая приятнейшие чувства, свойственные человеку, – живое любопытство и теплое предрасположение. Представить только, сколько новых мыслей и сколько пищи для их радостного воображения принес с собой портрет!

Харриет улыбнулась вновь и заметно повеселела.

Глава VIII

На ночь Харриет осталась в Хартфилде. В последние недели она проводила здесь большую часть своего времени, и в конце концов ей отвели собственную спальню. Эмма рассудила, что покамест и спокойнее, и радостнее по возможности держать ее при себе. На следующее утро Харриет нужно было съездить на час-другой к миссис Годдард, однако было условлено, что она тут же вернется в Хартфилд и, по обыкновению, проведет здесь еще несколько дней.

В ее отсутствие зашел мистер Найтли и некоторое время побеседовал с мистером Вудхаусом и Эммой. До прихода гостя мистер Вудхаус собирался на прогулку и теперь сомневался, не отложить ли ее, однако вскоре Эмма и мистер Найтли вместе смогли побороть его высокие представления о радушии и убедили не откладывать необходимый ему моцион и оставить гостя с дочерью. Мистер Найтли, привыкший к краткости, своими лаконичными ответами являл забавную противоположность пространным извинениям и нерешительной учтивости мистера Вудхауса.

– Что ж, мистер Найтли, ежели вы меня извините, ежели не сочтете за грубость, то я послушаюсь совета Эммы и выйду на четверть часа прогуляться. Мне, пожалуй, стоит воспользоваться возможностью, пока светит солнце, и совершить свои три круга туда и обратно. Я с вами без церемоний, мистер Найтли. Мы, люди болящие, всегда считаем, что можем пользоваться некоторыми привилегиями.

– Что вы, мистер Вудхаус, ведь я вам не чужой.

– Оставляю вас на попечение моей замечательной дочери. Эмма с удовольствием займет вас. Ну а я, с вашего разрешения, отправлюсь на свою зимнюю прогулку – три круга туда и обратно.

– Прекрасное решение, сэр.

– Мистер Найтли, я бы мог, конечно, попросить вас составить мне компанию, однако я так медленно хожу, что вам бы такая прогулка быстро наскучила, и к тому же вам ведь еще предстоит долгая дорога назад в Донуэлл.

– Спасибо, сэр. Я и сам уже собирался уходить и полагаю, что чем раньше вы отправитесь на прогулку, тем лучше. Позвольте, я подам вам пальто и провожу до двери в сад.

² Бонд-стрит – торговая улица в Лондоне, известная своими престижными магазинами.

Мистер Вудхаус наконец ушел, однако мистер Найтли его примеру не последовал, а снова сел, по всей видимости намереваясь продолжить беседу. Он заговорил о Харриет, да притом с похвалами, которых дотоле Эмма от него по отношению к своей подруге не слышала.

– Я не могу так же высоко, как вы, оценить, ее красоту, – сказал он, – но она прелестное создание и нрава, склонен полагать, прекрасного. Ее характер полностью зависит от общества, в котором она проводит время, и в хороших руках из нее может получиться достойная женщина.

– Я рада, что вы такого мнения, а хорошие руки, надеюсь, уже нашлись.

– Вам, как я погляжу, не терпится получить комплимент, – ответил он. – Что ж, признаю: с вами она изменилась в лучшую сторону. Вы излечили ее от пансионского хихиканья, и перемены в ней действительно делают вам честь.

– Благодарю. Я бы сильно огорчилась, если бы мои старания прошли впустую, и все же не всякий готов одарить другого заслуженной похвалой. От вас, к примеру, я комплименты редко слышу.

– Если я правильно понимаю, она скоро должна прийти?

– С минуты на минуту. Ее нет уже дольше условленного.

– Что-то ее задержало – возможно, гости.

– Наверняка какие-нибудь скучные хайберийские сплетницы!

– Полагаю, для Харриет некоторые особы менее скучны, чем для вас.

Эмма, признавая его правоту, не стала возражать. А мистер Найтли, улыбаясь, добавил:

– Не могу сказать ничего точного о времени и месте, но позвольте сообщить: есть все основания полагать, что вскоре вашу подругу ожидают приятные новости.

– Неужели? Какие же? Какого рода?

– Весьма серьезные, уверяю вас, – ответил он, продолжая улыбаться.

– Весьма серьезные! Тогда речь может быть лишь об одном... Кто в нее влюблен? Кто поверяет вам свои тайны?

Эмма была полна надежд услышать имя мистера Элтона. Мистер Найтли почитался всеобщим другом и советчиком, и она знала, что мистер Элтон его мнение уважает.

– Есть основания полагать, – ответил он, – что скоро Харриет Смит получит предложение руки и сердца, притом от достойнейшего человека – Роберта Мартина. Похоже, ее летний визит в Эбби-Мил сыграл важную роль. Мистер Мартин без памяти влюблен и намеревается на ней жениться.

– Как любезно с его стороны, – сказала Эмма, – но уверен ли он, что и Харриет намеревается выйти за него замуж?

– Ну хорошо-хорошо, он намеревается сделать ей предложение. Так лучше звучит? Позавчера он заходил ко мне посоветоваться. Он знает, что я высокого мнения о нем и его семье, и считает меня, как я полагаю, одним из лучших своих друзей. Он меня спросил, считаю ли я благоразумным жениться в его возрасте и не слишком ли юна его избранница – иными словами, одобряю ли я его решение. К тому же, учитывая, что с некоторых пор и не без вашего участия она стала вхожа в общество, превосходящее его по положению. Его рассуждения меня очень порадовали. Редко встретишь такого здравомыслящего молодого человека. Он всегда говорит по существу, открыто, прямо и очень рассудительно. Он все мне поведал: о состоянии его и планах, в том числе как они все устроятся в случае его женитьбы. Он прекрасный сын и замечательный брат. Я, не колеблясь, одобрил его решение. Он убедил меня, что ему хватит средств на свадьбу и семейную жизнь, а в таком случае не вижу иных к тому препятствий. Похвалил я и выбор невесты, так что он ушел воодушевленным. Даже если он не ценил моего мнения прежде, то теперь уж точно проникся уважением и, смею предположить, почитает меня лучшим другом и наставником. Было это позавчера вечером. Полагаю, он не стал бы надолго откладывать разговор с дамой сердца, а поскольку, как я понимаю, вчера он с ней не виделся,

то весьма может статься, что он придет в пансион сегодня, а значит, задерживается мисс Смит из-за гостя, которого отнюдь не находит скучным.

– Позвольте, мистер Найтли, – начала Эмма, которая все это время молчаливо про себя улыбалась, – с чего же вы взяли, что мистер Мартин не объяснился с ней вчера?

– Конечно, я не знаю этого наверняка, но к такому выводу прийти нетрудно. Разве не провела она весь вчерашний день с вами? – удивился он.

– Что ж, мистер Найтли, расскажу и я вам кое-что. Он действительно завел этот разговор вчера – вернее, прислал письмо и получил на него отказ.

Мистер Найтли никак не мог поверить услышанному, а потому Эмме пришлось повторить еще раз. От удивления и неудовольствия лицо его побагровело. В негодовании он встал и заявил:

– В таком случае она куда глупее, чем я мог бы предположить. О чем эта простачка вообще думает?

– Ах, ну конечно, – возмутилась Эмма, – мужчине и в голову прийти не может, что у женщины есть выбор отказаться от предложения руки и сердца! Вы, верно, думаете, что мы готовы выскочить замуж за любого встречного.

– Вздор! Ничего подобного мужчины не думают. Как же это понимать? Харриет Смит отказала Роберту Мартину? Ежели так, то это полное безумие, и я надеюсь, что вы ошибаетесь.

– Я видела ее ответ! Вряд ли тут возможно ошибиться.

– Видели ее ответ! Эмма, да вы его и написали. Это все ваших рук дело. Вы убедили ее отказать ему.

– Даже будь оно и так, что совершенно далеко от истины, то я бы все равно не чувствовала никаких угрызений совести. Мистер Мартин – порядочный молодой человек, однако Харриет он не ровня. Я немало удивлена, что он вообще посмел сделать ей подобное предложение. Судя по вашему рассказу, у него были некоторые сомнения. Очень жаль, что он их отбросил.

– Не ровня Харриет! – с чувством вскричал мистер Найтли и, немного успокоившись и посуровев, продолжил: – Да, видно, и впрямь не ровня: он ее превосходит и по разуму, и по нынешнему положению. Эмма, ваше увлечение этой девицей вас ослепляет. Ни ее происхождение, ни характер, ни образование не ставят ее выше Роберта Мартина. Она внебрачная дочь бог знает кого, вероятно, безо всякого приданого, а без добропорядочной родни и подавно. Наверняка известно лишь то, что она постоянно живет при пансионе. Она не отличается ни умом, ни образованностью. Ничему полезному ее не научили, а в силу юного возраста и простоты научиться сама она не сумела. В ее лета у нее за плечами и не может быть никакого жизненного опыта, а с ее скудным умом она вряд ли научится чему-то полезному и в будущем. Она недурна собой и добродушна, только и всего. Одобряя его решение жениться, я сомневался лишь в избраннице, ведь для него эта партия явно не из лучших. Он определенно мог бы найти спутницу жизни и помощницу куда разумнее, да и с состоянием попрличнее. Но такие доводы я, разумеется, влюбленному приводить не стал и счел, что зла от нее тоже быть не может, а с таким нравом и в таких хороших руках, как у мистера Мартина, из нее даже может выйти толк. От этого брака выиграла бы только она, и, давая Роберту Мартину совет жениться, я не сомневался и не сомневаюсь и сейчас – все бы сочли, что ей невероятно повезло. Я полагал, что даже вы останетесь довольны и не станете жалеть, что ваша подруга покинула Хайбери ради такого выгодного союза, и, помнится, еще подумал: «Даже Эмма с ее пристрастным отношением к Харриет порадуетесь столь прекрасной партии».

– Диву даюсь, как плохо вы меня знаете, раз могли допустить такую мысль. Подумать только! Как это фермер – а при всех его достоинствах мистер Мартин всего лишь фермер – может быть прекрасной партией для моей близкой подруги! Что я не стану жалеть, если бы моя подруга покинула Хайбери ради человека, с которым я в жизни знакомство водить бы не стала! Удивляюсь, как вы могли так подумать! Мы с вами мыслим совершенно по-разному. И

я никак не могу согласиться с вашими утверждениями. Вы к Харриет несправедливы. Однако другие, в том числе и я, могут оценить ее по достоинству. Мистер Мартин, может, и состоятельнее, однако он, несомненно, ниже ее по положению в обществе. Она вращается в совсем иных кругах. Выйти замуж за такого человека значило бы уронить себя.

– Уронить себя! Кому – незаконнорожденному невежеству? Выйдя замуж за уважаемого, образованного и благородного фермера!

– Что касается обстоятельств ее рождения, то хоть согласно закону она никто, люди здравомыслящие с этим не согласятся. Она не обязана расплачиваться за чужие прегрешения и опускаться на уровень ниже тех, с кем воспитывалась. Едва ли возможно сомневаться, что ее отец – джентльмен, и притом весьма состоятельный. Ей выделено щедрое содержание, и на ее образование и удобство денег не жалеют. Для меня очевидно, что она дочь джентльмена, и никто, я полагаю, не станет отрицать, что в круг ее общения входят дочери джентльменов. Она стоит выше Роберта Мартина.

– Кто бы ни были ее родители, – отвечал мистер Найтли, – и кто бы ни был в ответе за ее судьбу, непохоже, чтобы они собирались вводить ее в так называемое хорошее общество. Получив поверхностное образование, она останется у миссис Годдард, предоставленная самой себе, – словом, вращаться в кругу людей того же положения, что и миссис Годдард. Ее друзья, очевидно, сочли, что этого ей довольно, и так оно и было. Она сама ничего лучше не желала. Пока вы не выбрали ее своей подругой, ей и в голову не приходило считать себя выше своего окружения. Летом на ферме у Мартинов она была счастлива. Тогда в ней не жило чувство собственного превосходства. Ежели оно есть теперь, то лишь от вас. Эмма, вы стали ей плохой подругой. Роберт Мартин никогда не зашел бы так далеко, если бы видел, что она к нему не расположена. Я его знаю. Он от природы очень чуток и не стал бы навязываться женщине лишь из чувства эгоистичной страсти. А что касается самонадеянности, то этого качества он лишен напроочь. Будьте уверены, у него были все причины надеяться.

Эмме было удобнее не отвечать на его утверждения, а продолжить свою прежнюю мысль.

– Вы очень добры к мистеру Мартину, однако, как я уже говорила, совершенно несправедливы к Харриет. Вы рисуете ее положение куда хуже, чем есть на самом деле. Да, умом она не отличается, но в ней гораздо больше здравого смысла, чем вы полагаете, и она совершенно не заслуживает, чтобы о ней отзывались столь пренебрежительно. Даже отбросив этот довод и предположив, что она, как вы сказали, всего лишь недурна собой и добродушна, то уж позвольте, это отнюдь не бесполезные качества. Она настолько красива, что, пожалуй, с этим согласятся девяносто девять людей из ста, и покуда мужчинам важна красота и они влюбляются в миловидное личико, а не в острый ум, то такая красавица, как Харриет, будет вызывать всеобщее восхищение и сможет выбирать среди многих. Не стоит пренебрегать и ее добродушным нравом. Она обладает мягким характером и приятными манерами, скромностью и невзыскательностью к другим. Не думаю, что ошибусь, если скажу, что редкий мужчина не сочтет такую красоту и такой нрав величайшими добродетелями, которыми может обладать женщина.

– Честное слово, Эмма, после ваших речей я почти готов с этим согласиться. Уж лучше быть недалекой, чем применять свой ум так, как вы.

– Вот-вот! – игриво подхватила Эмма. – Я знаю, именно так вы все и считаете. От таких женщин, как Харриет, все мужчины в восторге: ее красота завораживает, а ум не затмевает их собственный. Да! Харриет есть из кого выбирать. Даже для вас, вздумай вы жениться, она могла бы стать отличной партией. Ей семнадцать, она только вступает в жизнь, только заводит знакомства, так чему удивляться, если она не принимает первое же предложение руки и сердца? Нет уж, дайте ей время оглядеться.

– Я всегда считал вашу близкую дружбу ужасной глупостью, – отозвался мистер Найтли после небольшой паузы, – хотя держал свои мысли при себе. Но теперь я вижу, что Харриет она принесет одни несчастья. Вы до такой степени раздуваете ее самомнение о собственной красоте

и о том, на что она вправе претендовать, что через некоторое время она не захочет знаться ни с одним подходящим ей женихом. Тщеславие вкупе с малоумием несут лишь зло. Юной девице легко обмануться слишком высокими надеждами. Может статься, мисс Харриет Смит и не услышит обилия предложений, даже при том, что она девушка миловидная. Здравомыслящие мужчины, что бы вы ни говорили, не хотят себе глупых жен. Знатные не станут связывать себя с девушкой неизвестного происхождения, а предусмотрительные испугаются неудобного положения и позора, которые навлекло бы на них раскрытие тайны ее родословной. Дайте ей выйти замуж за Роберта Мартина, и она проживет спокойную счастливую жизнь. Если же вы поселите в ней надежды выйти замуж за состоятельного человека из высшего общества, то она навсегда останется в пансионе у миссис Годдард. Ну или, учитывая, что Харриет из тех девушек, которые так или иначе выходят замуж, отчаится и выскочит за сына какого-нибудь престарелого учителя чистописания.

– Мистер Найтли, мы с вами совершенно расходимся во мнениях, и далее разговоры наши ни к чему не приведут. Мы лишь еще больше разозлим друг друга. Что же до того, чтобы дать ей выйти замуж за Роберта Мартина, то это невозможно. Она ему отказала, и отказала так недвусмысленно, что больше он на подобное предложение не решится. Как бы то ни было, ей теперь придется стоять на своем. Я не стану отрицать, что оказала на нее некоторое влияние, однако, уверяю вас, от меня почти ничего не зависело. Против мистера Мартина и его внешность, и его грубые манеры. Даже если она и была к нему благосклонна когда-то, то теперь все изменилось. Допускаю, что он казался ей вполне сносным, пока она не знала никого другого. Он брат ее подруг, и он всячески старался ей угодить. Да, может, она и находила его приятным во время своего визита в Эбби-Мил, однако лишь потому, что мужчин лучше до того не видела, это и сыграло ему на руку. Но теперь все иначе. Теперь она знает, каков настоящий джентльмен, и лишь человек с достойным образованием и хорошими манерами сможет заполучить ее руку.

– Вздор, вы несете суший вздор! – вскричал мистер Найтли. – Роберт Мартин обладает прекрасными манерами: в них читаются и его здравый смысл, и искренность, и доброжелательность. В нем столько благородства, сколько Харриет Смит никогда даже оценить не сможет.

Эмма промолчала, напустив на себя бодрый и беззаботный вид, однако на самом деле ей стало не по себе и очень захотелось, чтобы мистер Найтли поскорее ушел. Она не раскаивалась в содеянном и по-прежнему считала себя куда лучшим, чем он, судьей в вопросах права выбора женщины и необходимых ей качеств. И все же она привыкла уважать его мнение, а потому ее сильно задело то, как открыто он выступил против нее. Сидеть напротив разгневанного мистера Найтли было неприятно. Несколько минут они провели в гнетущей тишине. Лишь раз Эмма попыталась заговорить о погоде, однако ее собеседник, погруженный в раздумья, промолчал. Через некоторое время он нарушил тишину:

– Для Роберта Мартина потеря невелика, надеюсь, он и сам вскоре это осознает. Вам лучше знать о ваших видах на Харриет, но поскольку вы не скрываете своей страсти к сватовству, то посмею предположить, что ваши планы и намерения именно такого характера. И, как ваш друг, хочу вас предостеречь: если в них входит мистер Элтон, то вы потратите силы зря.

Эмма рассмеялась и покачала головой. Он продолжал:

– Поверьте, с Элтоном у вас ничего не выйдет. Он хороший человек и уважаемый в Хай-бери викарий, однако Элтон не женится, хорошенько не пораздумав. Он не хуже других разбирается в деньгах. Элтон может быть чувствительным на словах, но поступать будет согласно доводам разума. Он хорошо знает себе цену, точно как вы знаете цену Харриет. Элтон знает, что он красив собою, что он повсюду желанный гость, и, судя по откровенным разговорам, когда в обществе, бывает, остаются одни мужчины, своего не упустит. Однажды он с большим воодушевлением рассказывал о некой большой семье, с которой водят дружбу его сестры, – в ней за каждой из дочерей приданое по двадцать тысяч фунтов.

– Весьма вам признательна, – вновь рассмеявшись, ответила Эмма. – Если бы я и правда задумала женить Харриет и мистера Элтона, то с вашей стороны было бы очень любезно открыть мне глаза на правду. Однако пока что я лишь хочу, чтобы Харриет оставалась при мне. Со сватовством я покончила. Никогда мне не повторить такого успеха, как с рэндалльской четой. Пожалуй, лучше отойти от дел, куда репутация моя не пострадала.

– Что ж, всего вам хорошего, – внезапно вскочив, произнес мистер Найтли и ушел. Он был ужасно раздосадован. С горечью он думал, как опечален Роберт Мартин, и испытывал унижение от того, что сам воодушевил его. Невероятно раздражала мистера Найтли и роль, которую, как он был уверен, сыграла во всем этом Эмма.

Раздосадована была и Эмма, однако она, в свою очередь, не могла понять точной причины этого чувства. В отличие от мистера Найтли, Эмма не была полностью уверена в своей правоте, в том, что исключительно ее суждения верны, а собеседника – ложны. Мистер Найтли оставил ее полной сомнений. Однако скорое возвращение Харриет быстро укрепило ее дух. Та все же чересчур надолго задержалась у миссис Годдард, и Эмма начала переживать: что, если мистер Мартин пришел в пансион и убедил Харриет дать согласие на его предложение? Страх подобного поражения немало ее беспокоил. Но Харриет, как оказалось, задержали совсем иного рода дела, и когда она явилась в бодром расположении духа, Эмма успокоилась и укрепила в своей правоте. Что бы ни думал или ни говорил мистер Найтли, все ее поступки можно оправдать женской дружбой и женскими чувствами.

Его слова о мистере Элтоне немного ее встревожили, однако Эмма рассудила, что мистер Найтли, сколько бы он ни насмеялся над ее склонностью к сватовству, не мог оценить избранника так же, как она, – с ее вниманием и знанием дела. Он наговорил все второпях и от досады, а потому скорее выдавал желаемое за действительное, чем знал что-то наверняка. Разумеется, в мужском кругу мистер Элтон говорит более откровенно, и наверняка он разбирается в деньгах и осмотрителен в подобных вопросах, однако мистер Найтли забывает, что сильные чувства корыстным побуждениям неподвластны. Мистер Найтли просто не встречал похожих случаев, а потому не принял их в расчет, а вот она, напротив, немало становилась свидетельницей таких примеров, а потому не сомневалась, что страстное чувство возобладает над разумной предосторожностью. Осторожностью же, превосходящей разумную, мистер Элтон, по ее мнению, не обладал.

При виде веселой Харриет повеселела и Эмма. Вернувшись, ее подруга заговорила не о мистере Мартине, а о мистере Элтоне. С восторгом она поведала новость, которую рассказала ей мисс Нэш. В пансионе заболел ребенок, и к ним приходил мистер Перри. Мисс Нэш с ним разговорила, и он поведал, что днем ранее, возвращаясь из Клейтон-парка, встретил мистера Элтона и, к величайшему своему удивлению, узнал, что мистер Элтон как раз направляется в Лондон и до следующего дня не вернется. А ведь вечером они собирались играть в вист, а вист мистер Элтон не пропускает никогда! Мистер Перри пытался его пристыдить – как же это так, лучший игрок и не придет! – и уговорить отложить поездку всего на один денечек, однако тот был полон решимости продолжить свой путь и сказал лишь, что едет по делу, не терпящему отлагательств, и что дело это весьма завидное, ведь в его распоряжение доверили нечто чрезвычайно ценное. Мистер Перри не вполне его понял, однако остался убежден, что тут не обошлось без дамы сердца, о чем и сообщил мистеру Элтону. Тот лишь многозначительно улыбнулся и в превосходном настроении поехал дальше. Рассказав ей все это, мисс Нэш еще немного повосхищалась мистером Элтоном, заявила, что, конечно, не будет притворяться, будто понимает, какое у него в Лондоне дело, но, бросив на нее выразительный взгляд, заключила: избранница его станет самой счастливой женщиной на свете, ведь по красоте и обаянию мистер Элтон ни с кем не сравнится.

Глава IX

С мистером Найтли Эмма повздорила, однако с собой в ссоре не была. Он так рассердился, что дольше обычного не заглядывал в Хартфилд. Когда же они все-таки встретились, своим мрачным видом он дал понять, что еще не простил ее. Эмму это огорчило, но в своих поступках она не раскаивалась. Напротив, события последующих дней еще больше укрепили в ней дорогие сердцу замыслы.

Вскоре по возвращении мистер Элтон вручил ей портрет в изящной рамке, который тут же занял место над камином в гостиной. Едва его повесили, мистер Элтон вскочил полюбоваться: от восторга он мог лишь сыпать бессвязными комплиментами и вздыхать, как и полагается влюбленному. Что же до Харриет, то ее чувства постепенно перерастали в сильную юношескую привязанность. Вскоре Эмма с удовольствием отметила, что если та и вспоминает мистера Мартина, то лишь для сравнений в пользу мистера Элтона.

Планы Эммы развить ум своей подружки полезным чтением и обсуждением прочитанного пока что не заходили дальше первых глав и обещаний продолжить на следующий день. Куда проще было болтать, а не заниматься, куда приятнее воображать будущее Харриет, а не учить ее понимать текст и запоминать сухие факты. Единственным литературным занятием Харриет, единственной духовной пищей, которую она, можно сказать, употребляла впрок, было собирание всяческих загадок. Она переписывала их в небольшой альбом, сшитый для нее Эммой из гладкой, украшенной вензелями и завитушками бумаги.

В наш просвещенный век такие собрания не редкость. Мисс Нэш, старшая учительница в пансионе, выписала похожих загадок по меньшей мере три сотни, и Харриет надеялась, что с помощью мисс Вудхаус сможет даже превзойти ее в этом занятии. Эмма призывала все свое вдохновение, память и вкус, а Харриет записывала строки красивым почерком, так что собрание обещало стать лучшим в своем роде как по содержанию, так и по внешнему виду.

Мистер Вудхаус увлекся занятием не меньше обеих девиц и частенько пытался припомнить хоть что-то для их альбома. Ах, вот в его молодости было столько хитроумных загадок, но почему-то сейчас ни одна на ум не приходит! Но ничего, он еще вспомнит... И всякий раз он рассказывал им лишь «Милая Китти была холодна».

Его друг мистер Перри, которому он поведал об этой затее, тоже не мог припомнить ни одной загадки, однако мистер Вудхаус попросил его держать ухо востро, ведь он много где бывает и наверняка что-нибудь подходящее услышит.

Дочь его при этом совершенно не намеревалась опрашивать лучшие умы Хайбери. За помощью она обратилась лишь к мистеру Элтону. Попросив его вспомнить любые хорошие загадки, шарады и головоломки, Эмма с удовольствием наблюдала за его стараниями. Ко всему прочему, он явно остерегался произнести что-либо недостойное слуха прекрасных дам. С его слов они записали две или три изящные загадки, а вспомнив еще одну, он пришел в неописуемый восторг и с чувством продекламировал:

Мой первый слог возлюбленный мечтает услышать,
Второй – младенцы самым первым произносят,
Нетрудно вместе их сложить и отгадать,
Кого о благосклонности нередко кто-то просит.

Мистер Элтон так радовался этой всем известной шараде, что Эмма даже немного расстроилась, признавшись, что они уже записали ее где-то на предыдущих страницах.

– Мистер Элтон, почему бы вам самому нам что-нибудь не сочинить? – предложила она. – В таком случае загадка точно будет новой. Я уверена, что вам это вовсе не составит труда.

– О нет! Я в жизни никогда ничего подобного не писал. Разве могу я? Боюсь, даже мисс Вудхаус, – тут он на мгновение замолчал, – или мисс Смит не смогли бы меня вдохновить.

Однако на следующий день мистер Элтон все же принес им плоды своего вдохновения. Заглянув всего на пару минут, он оставил листок с шарадой, которую, как он сказал, написал один его друг, посвятив некой юной даме – предмету его восхищения. По его поведению Эмма сразу же поняла, что автор – сам мистер Элтон и никто иной.

– Эта загадка не для собрания мисс Смит, – добавил он. – Я не вправе выставить на всеобщее обозрение шараду, которую написал мой друг, но, возможно, вам будет любопытно на нее взглянуть.

Говорил он это все, глядя на Эмму, а не на Харриет, что, по мнению Эммы, было вполне ожидаемо. От смущения он не мог даже в глаза посмотреть ее подруге и тут же ушел.

– Возьмите, – улыбаясь, сказала Эмма и протянула листочек Харриет. – Это ведь для вас. Берите, берите.

Но Харриет так трепетала, что даже не посмела к нему прикоснуться, и Эмма, будучи по природе более решительной, прочитала загадку первой.

К мисс...

ШАРАДА

Для первой части здесь глагол повелевает
Нам чувство нежное с тобою испытать,
Звучание второй в душе моей рождает
Желание скорее так тебя назвать.

Ты вместе части эти соединить спеши,
Дабы узнать, кому весь мир подвластен.
Она прекрасна, и ученые мужи,
И короли, и воины ей дарят свое счастье.

Твой острый ум то слово быстро отгадает,
И нежный взор ответ скрывать не станет.

Эмма взглянула на шараду, задумалась, отгадала необходимое слово, перечитала стих, чтобы еще раз убедиться в догадке, и затем передала его Харриет. Пока та, преисполненная надежд, ломала голову, Эмма молча улыбалась и думала: «Что ж, мистер Элтон, весьма недурно. Я читывала шарады и похуже. «Любимая» – куда яснее! Отдаю вам должное. Первый осторожный шаг совершен. Стих прямо говорит: «Умоляю, мисс Смит, позвольте за вами ухаживать. Примите мою шараду и мои чувства».

И нежный взор ответ скрывать не станет...

Точь-в-точь Харриет. «Нежный взор» – да-да! А какой замечательный эпитет, как он ей подходит!

Твой острый ум то слово быстро отгадает...

Хм-м, острый ум – и это у Харриет? Оно и к лучшему. Должно быть, бедняга влюблен без памяти, раз готов так ее описывать. Ха, мистер Найтли! Были бы вы здесь, убедились бы, что раз в жизни все-таки оказались неправы. В самом деле, замечательная шарада! И невероятно кстати. Недолго и до признания ждать осталось».

Эмма была вынуждена оторваться от своих увлекательных размышлений, которые могли бы занять ее еще надолго, из-за потока вопросов от Харриет:

– Мисс Вудхаус, что же это может быть? Что же... Я совершенно не понимаю, никаких догадок нет... Что же это за слово? Мисс Вудхаус, помогите, прошу вас! Я такой трудной

шарады в жизни не встречала. Может, это «удача»? Интересно, кто же этот друг... и кто эта дама! Как вам шарада? Хороша? Может, это «война»?

И короли, и воины ей дарят свое счастье...

Или «победа»?

Ученые мужи...

Или «наука»? Или «ум»? Ах, нет! «Ум» ведь мужского рода, а здесь сказано «она»... Должно быть, разгадка очень хитроумная, раз он принес нам эту шараду. Ох, мисс Вудхаус, думаете, мы когда-нибудь догадаемся?

– Войны и победы! Что за вздор! Дорогая моя Харриет, о чем вы? С чего бы ему вдруг приносить нам шараду от друга о войнах или победах? Дайте-ка мне листок и слушайте. «К мисс...» Читать следует: «К мисс Смит».

Для первой части здесь глагол повелевает
Нам чувство нежное с тобою испытать,

Это «люби».

Звучание второй в груди моей рождает
Желание скорее так тебя назвать.

А это «моя», а раз «звучание», то может быть и «мая». Проще простого. Ну и самое интересное:

Ты вместе части эти соединить спеши,
Дабы узнать, кому весь мир подвластен.
Она прекрасна, и ученые мужи,
И короли, и воины ей дарят свое счастье.

Как красиво написано! И далее еще следует предложение, уж его, милая моя Харриет, вы точно поймете без труда. Перечитайте его сами. Никаких сомнений нет: стих написан для вас и про вас.

Харриет легко было убедить в столь лестных выводах. Она перечитала последние строки и счастливо зарделась не в силах вымолвить ни слова. Но говорить ей и не надо было – ей довольно было лишь чувствовать, а сказала все за нее Эмма.

– В этой шараде все написано столь ясно и столь недвусмысленно, – сказала она, – что в намерениях мистера Элтона нельзя ошибиться. Вы – предмет его восхищения, и скоро получите полнейшее тому доказательство. Я так и предполагала, однако теперь исчезли любые сомнения, его чувства ясны как день и столь же определенны, сколь мои пожелания на этот счет с первого же дня нашего с вами знакомства. Да, Харриет, с тех самых пор я мечтала, чтобы все случилось именно так. Не могу даже сказать, какой мне видится ваша с мистером Элтоном взаимность: более желаемой или более естественной. Она и возможна, и уместна в равной степени! Я так счастлива. Поздравляю вас, дорогая моя Харриет, от всего своего сердца. Такой привязанностью вправе гордиться любая женщина. Это достойная партия, которая принесет вам лишь благо. Ваш союз подарит все, о чем можно мечтать: положение, независимость, достойный дом и круг ваших истинных друзей! Вы станете жить вблизи от Хартфилда и от меня, и мы навсегда скрепим нашу дружбу. Харриет, за такой союз не придется краснеть ни мне, ни вам.

Харриет только и могла что обнимать ее, причитая: «Ах, мисс Вудхаус!» да «Дорогая мисс Вудхаус!». Когда же она вновь обрела дар связной речи, у Эммы не осталось сомнений,

что ее подруга все понимает и чувствует так, как ей и полагается, должным образом представляет будущее и предается воспоминаниям о прошлом. Хвала достоинствам мистера Элтона не знала устали.

– Что бы вы ни сказали, всегда все сбывается! – вскричала Харриет. – И потому я полагаю, и верю, и надеюсь, что все так, как вы говорите. Иначе бы я и помыслить о подобном не могла! Разве же я всего этого заслуживаю? Мистер Элтон может выбрать любую другую! О нем все прекрасного мнения. Он обладает столькими достоинствами. Взять хоть вот эти стихи – «К мисс...» Ах, какие чудесные! Неужели они и впрямь про меня?

– Разумеется, я в этом даже не сомневаюсь. Это вопрос решенный. Положитесь на мое чутье. Стихи – всего лишь пролог к пьесе, эпиграф к главе, и за ними последует вполне определенная проза.

– Кто бы мог представить! Уверена, месяц назад я бы всему этому не поверила! Просто чудо какое-то!

– Когда такие вот мисс Смит и мистер Элтон встречаются – это действительно чудо. Невероятно, когда сбывается что-то настолько очевидное, настолько желаемое даже другими людьми, когда такое знакомство сразу же приобретает необходимую форму. Вам с мистером Элтоном самой судьбой уготовано быть вместе, по всем обстоятельствам вы предназначены друг другу. Ваш союз станет столь же прекрасен, сколь рэндалльский. Кажется, в Хартфилде и впрямь витает некий ветерок, несущий любовь в верную сторону, направляющий ее в нужное русло. Шекспир пишет: «Путь истинной любви не может быть спокоен»³, – но если бы эту пьесу издавали в Хартфилде, то к этой строчке понадобилось бы огромное примечание.

– Подумать только, чтобы мистер Элтон влюбился не в кого-нибудь еще, а в меня, а ведь до Михайлова дня⁴ мы даже представлены не были, словечком не обмолвились! А он так хорош собой – красивее всех на свете! И у всех он в почете, совсем как мистер Найтли! Ему всегда всюду рады, и говорят, что, если бы он захотел, то мог бы вообще никогда не садиться за стол в одиночку: у него больше приглашений, чем дней в неделе. А как он читает проповеди! Мисс Нэш записывает за ним всякий раз с тех пор, как его назначили в наш приход. Боже мой! Помню, как увидела его впервые! Разве могла я тогда вообразить! Когда мы с сестричками Эббот слышали, что он идет мимо, то сразу побежали к окну, но пришла мисс Нэш, наругала нас и прогнала, а сама осталась поглядеть, правда, тут же сжалилась и позвала меня к себе. Как он тогда был красив! Они шли рука об руку с мистером Коулом.

– Это союз, который непременно устроит ваших неизвестных покровителей, ежели они, конечно, в здравом уме, а с глупцами нам и считаться ни к чему. Если они желают, чтобы вы были счастливы в браке, то вот человек, добрый нрав которого тому поспособствует. Если они хотят, чтобы вы оставались в том краю и в том круге людей, которых они для вас выбрали, то союз этот тоже к стати. Если же они считают, что главное вас, как говорится, удачно выдать замуж, так и с этим повезло: здесь вам и приличное состояние, и уважение, и прочное положение в хорошем обществе.

– Да, так и есть! Как вы хорошо говорите, я так люблю вас слушать. Вы все понимаете. Вы и мистер Элтон оба так умны. Что за шарада! Я бы год гадала и все равно ничего не поняла.

– Даже по вчерашнему его отнекиванию было ясно, что он все же захочет испробовать свои силы.

– Мне кажется, это лучшая на свете шарада!

– Во всяком случае более подходящей к случаю я не видывала.

– И какая длинная! У нас таких – по пальцам перечесть.

³ «Путь истинной любви не может быть спокоен» – строка из пьесы У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» (акт I, сцена 1).

⁴ Михайлов день – христианский праздник. Отмечается англиканской церковью 29 сентября.

– А вот длина – вовсе не исключительное достоинство. Такие сочинения и не могут быть короткими.

Харриет, в упоении перечитывавшая строки, уже ее не слышала. В голову ей приходили благоприятные для мистера Элтона сравнения.

– Одно дело, – заговорила она, зардевшись, – когда человек, как и все вокруг, обладает достаточным здравым умом и может написать короткое письмо по бытовым вопросам, и совсем другое – когда человек может придумывать такие шарады и сочинять такие стихи!

Более горячего неприятия мистера Мартина с его коротенькой прозой Эмма и пожелать не могла.

– Какие они чудные! – продолжала Харриет. – Особенно две последние строчки! Но как же мне вернуть ему листочек, как же сказать, что я ее разгадала? Ах, мисс Вудхаус, что же нам делать?

– Положитесь на меня. Вам ничего делать не нужно. Он, полагаю, придет сегодня вечером, и тогда я верну ему листок, мы поговорим о какой-нибудь чепухе, а вы не будете скомпрометированы. Ваши прекрасные глаза сами засияют для него в подходящий момент. Доверьтесь мне.

– Ах, мисс Вудхаус! Как жаль, что я не могу переписать к себе такую красивую шараду! Она куда лучше остальных.

– Выкиньте последние две строки и можете смело переписывать.

– Ах, но ведь эти строки...

– Самые лучшие. Разумеется, однако ими наслаждаться нужно наедине. Они не станут хуже от того, что их отделили от остального послания. Ни сами строки, ни их смысл не изменятся. Если их убрать, то намек на вдохновительницу шарады исчезнет и останется лишь изящная загадка, способная украсить любое собрание. Будьте уверены, пренебрежение плодом его стараний равносильно пренебрежению его чувствами. Влюбленного поэта нужно поощрять и как влюбленного, и как поэта – либо же не поощрять вовсе. Дайте мне альбом, я сама все перепишу, тогда никакого намека на вас точно не будет.

Харриет уступила, хотя рассудок ее едва мог представить строфы по отдельности, а чувство было такое, словно в альбом записывают признание в любви. Стихи казались ей до того сокровенными, что она не хотела, чтобы их увидел кто-либо еще.

– Теперь я этот альбом никогда из рук не выпущу, – сказала она.

– Замечательно, – откликнулась Эмма, – это вполне естественное чувство. И чем дольше оно будет длиться, тем я буду довольнее. Но вот идет мой батюшка, вы же не станете возражать, если я зачту шараду ему? Он будет в восторге! Он обожает всякие загадки, а особенно те, в которых превозносится женщина. Батюшка мой с такой нежностью ко всем нам относится! Позвольте же зачитать стихи ему.

Харриет помрачнела.

– Дорогая моя Харриет, не стоит относиться к этой шараде столь серьезно. А иначе вы рискуете ненароком выдать свои чувства, если будете слишком задумчивы или поспешны во взаимности, и выйдет, что вы придаете ей даже большее, чем в нее заложено, значение. Не дайте свести себя с ума такому крошечному проявлению восхищения. Если бы он хотел держать все в тайне, то не стал бы передавать листок в моем присутствии. Он же, напротив, подвинул его скорее в мою сторону, чем в вашу. Не будем же приписывать этому знаку внимания чрезмерную торжественность. Он получил достаточное поощрение на дальнейшие шаги, и незачем сидеть и вздыхать над этой шарадой.

– Ах да! Надеюсь, я не выставлю себя нелепо... Поступайте как вам угодно.

Вошел мистер Вудхаус и очень скоро сам завел разговор о волнующей их теме, осведомившись, как это было заведено:

– Ну, милые мои, как там ваше собрание? Нашли что-нибудь новенькое?

– Да, папа, как раз хотим вам прочесть. Нашли сегодня утром на столе листочек с одной чудесной шарадой – фея, должно быть, оставила. Мы ее только что к себе переписали.

Эмма прочла стихи вслух так, как любил мистер Вудхаус: медленно и четко, несколько раз подряд и с пояснениями каждой части. Он, как и ожидалось, остался в восторге, особенно от хвалебных заключительных строк.

– Да, точно, очень точно подмечено. Совершенно верно. «Кому весь мир подвластен». Замечательная шарада, голубушка моя, и я без труда догадаюсь, что за фея ее принесла. Только ты, милая Эмма, могла так складно написать.

В ответ Эмма лишь кивнула и улыбнулась. Немного пораздумав, мистер Вудхаус с нежным вздохом добавил:

– Да, сразу видно, в кого ты пошла. Твоя дорогая матушка мастерица была по этой части! Мне бы ее память! Но я ничего не могу вспомнить... Даже в той загадке, о которой я тебе уже говорил, помню только первую строфу, а ведь их там несколько.

Милая Китти была холодна,
Но страннику мигом огонь разожгла.
К нему слишком близко не стоит садиться,
Костер ворошить можно лишь в рукавицах.

Вот и все, что я помню, а ведь к концу там так хитро сказано. Но помнится, голубушка, ты говорила, что у вас она уже записана.

– Да, папа, на второй странице. Ее составил Гаррик⁵, а выписали мы ее из «Отрывков из изящной словесности».

– Да-да, точно. Жаль, не помню дальше... «Милая Китти была холодна»... Это имя мне всегда напоминает о нашей бедной Изабелле, мы ведь чуть не окрестили ее Кэтрин в честь бабушки. Надеюсь, она приедет на следующей неделе. Голубушка, ты уже думала, в какие комнаты их всех разместить?

– Да! Она, конечно же, займет свою комнату, как обычно, а для детей есть детская. Зачем что-то менять?

– Не знаю, милая, так давно они здесь не были! С Пасхи, да и тогда приезжали всего на пару дней. До чего у мистера Джона Найтли неудобное занятие – адвокат. Бедняжка Изабелла! Как жаль, что она от нас так далеко! Как расстроится она, когда, приехав, не застанет здесь мисс Тейлор!

– Папа, для нее во всяком случае это не станет неожиданностью.

– Не знаю, душенька. Уж какой для меня стало неожиданностью, когда я впервые услышал, что мисс Тейлор выходит замуж!

– Когда Изабелла приедет, нужно непременно пригласить мистера и миссис Уэстон отужинать с нами.

– Да, голубушка, если успеем. Но, – добавил он весьма печально, – она приедет всего на неделю. У нас ни на что не хватит времени.

– Конечно, жаль, что они не могут погостить у нас подольше, но ничего не поделаешь. Мистеру Джону Найтли нужно вернуться в Лондон к двадцать восьмому числу, и нам, папа, даже радоваться надо, что они смогут провести все время у нас и не заезжать в Донуэлл. На Рождество мистер Найтли пообещал нам уступить, хотя, ты знаешь, в прошлый раз они ведь тоже гостили только у нас.

– Да, милая моя, было бы и впрямь ужасно, если бы бедняжке Изабелле пришлось останавливаться где-то еще.

⁵ Дэвид Гаррик (1717–1779) – английский актер, драматург и директор лондонского театра «Друри-Лейн».

Мистер Вудхаус никогда не признавал права мистера Найтли принимать у себя брата или же права кого-либо еще принимать у себя Изабеллу. После некоторых раздумий он сказал:

– Не понимаю, почему Изабелла тоже должна уезжать так скоро. Эмма, я думаю, стоит убедить ее остаться у нас подольше. Ни ей, ни детям спешить в Лондон незачем.

– Ну что вы, папа, вам ведь еще никогда не удавалось убедить ее остаться. Изабелла не любит отлучаться от мужа.

Мистер Вудхаус знал: это неоспоримая правда. И хотя она была ему неприятна, оставалось лишь смиренно вздохнуть. Видя, как сильно он опечален мыслью о привязанности его дочери к мужу, Эмма постаралась направить его мысли в более веселое русло.

– А пока они здесь, Харриет следует посещать нас как можно чаще. Я уверена, что ей понравятся дети. Мы ведь ими очень гордимся, да, папа? Интересно, кто ей покажется красивее: Генри или Джон?

– Да, интересно! Ах, бедняжки, как хорошо, что они приедут. Харриет, вы знаете, им так нравится в Хартфилде.

– Еще бы, сэр. Кому же здесь не понравится?

– Генри – хорошенький мальчик, а Джон – точь-в-точь как его мать. Генри – старший, и называли его в честь меня, а не отца! А вот Джона, второго, – в честь отца. Люди, бывает, удивляются, почему это не старшего, но Изабелла пожелала назвать его Генри, и я был очень тронут. Он и впрямь очень умненький мальчик. Они все умненькие и ведут себя иногда так очаровательно. Бывает, встанет кто-нибудь у моего кресла и говорит: «Дедушка, не дадите ли вы мне веревочку?» А Генри однажды попросил у меня ножик, но я сказал ему, что ножики делают только для дедушек. Мне кажется, их отец частенько с ними слишком строг.

– Это вам так кажется, – сказала Эмма, – потому что вы сам всегда чересчур мягки. Если бы вы сравнили его с другими отцами, то совсем бы так не думали. Он хочет, чтобы мальчики выросли здоровыми и крепкими, а когда они распахнутся, то может их и осадить. Но он в них души не чаёт, да-да, мистер Джон Найтли – очень любящий отец. Дети его обожают.

– А их дядя! Подбрасывает их до самого потолка, смотреть страшно!

– И они это, папа, больше всего на свете любят. Если бы их дядя не установил среди них специальный порядок, то они бы ни за что в жизни друг другу не уступали.

– Совершенно этого не понимаю.

– Так всегда и бывает. Одной половине человечества непонятны удовольствия другой.

Немного позже, как раз когда девушки прощались, условившись встретиться вновь в четыре часа за обедом, снова явился автор несравненной шарады. Харриет отвернулась, Эмма же приняла его как ни в чем не бывало, со своим обычным радушием. Зоркий взгляд ее тотчас отметил вид мистера Элтона: он будто знал, что пути назад нет, ставки сделаны! И сейчас он, по всей видимости, пришел проверить, что же из этого вышло. Тут вдруг и случай так удобно подвернулся, мол, узнать, состоится ли у мистера Вудхауса вечером без него партия. Если он непременно нужен в Хартфилде, то любые иные дела, безусловно, меркнут, если же нет – его друг Коул так давно его зазывает на ужин и придает этому столь большое значение, что мистер Элтон пообещал ему по возможности прийти.

Эмма поблагодарила его, сказав, что никак не допустит, чтобы из-за них он разочаровал друга, и что партия, конечно, соберется. Он еще раз выказал готовность отклонить приглашение, она снова уверила его, что все в порядке. Тогда он уж было собирался откланяться, как вдруг Эмма взяла со стола листок и протянула ему со словами:

– Ах да! Вот шарada, которую вы так любезно нам оставили. Спасибо, что позволили взглянуть. Мы остались в таком восторге, что я осмелилась переписать ее для собрания мисс Смит. Надеюсь, ваш друг не обидится. Конечно же, мы перенесли лишь первые два четверостишия.

Мистер Элтон совершенно не нашелся что ответить. Вид у него был неуверенный и смущенный, он пробормотал что-то про «честь», взглянул на Эмму, затем на Харриет, затем увидел на столе открытый альбом, взял его и принялся внимательно читать. Чтобы избежать неловой тишины, Эмма с улыбкой заметила:

– Принесите мои извинения вашему другу, но шарада его так хороша, что ее никак нельзя ограничить двумя-тремя читателями. Он может быть уверен: покуда он так изящно пишет, ни одна женщина перед ним не устоит.

– Скажу без колебаний... – ответил мистер Элтон голосом, который явно выдавал его колебания, – скажу без колебаний... что если мой друг чувствует то же, что и я... Я ничуть не сомневаюсь, что если бы он увидел, какой великой чести удостоились его скромные стишки, – продолжал он, вновь бросая взгляд на альбом и кладя его на стол, – то счел бы эту минуту счастлившей в своей жизни.

С этими словами он поспешил уйти. И очень вовремя, как подумала Эмма, потому что при всех похвальных достоинствах речам его была свойственна такая напыщенность, от которой ее просто разбирал смех. Не в силах более сдержаться, она поскорее убежала к себе, оставив Харриет в плену более нежных и возвышенных чувств.

Глава X

Хотя на дворе стояла середина декабря, погода все еще позволяла двум подругам частенько прогуливаться, и однажды утром Эмма собралась нанести благотворительный визит одной бедной семье, живущей неподалеку от Хайбери.

Путь к их уединенному домику лежал вдоль Пастырской дороги, которая под прямым углом отходила от широкой, местами сужающейся главной улицы. На этой дороге, как нетрудно было понять из названия, находилась благословенная обитель мистера Элтона. Сначала нужно было с четверть мили пройти вдоль хиленьких домишек, и там, почти вплотную к дороге, и возвышался дом приходского священника – старенький и не самый крепкий. Хорошим местоположением он похвастать тоже не мог, однако стоило отдать должное его нынешнему хозяину, благодаря стараниям которого домик сильно похорошел. Как бы то ни было, подружки не могли пройти мимо, не замедлив шаг и не обратив к нему любопытные взоры. Эмма заметила:

– Вот и он. Дом, в котором скоро окажетесь вы и ваш альбом с загадками.

Харриет же воскликнула:

– Ах, какой чудесный дом! Какой красивый! И вот они – эти желтые занавесочки, которыми так восхищается мисс Нэш!

– Сейчас-то я в эту сторону нечасто хожу, – продолжала Эмма, – однако когда вы тут поселитесь, у меня появится необходимый повод постепенно, день за днем знакомиться ближе со всеми этими кустиками и деревьями, калитками и прудиками.

Харриет, как оказалось, ни разу не бывала в самом доме, и любопытство ее было столь велико, что, учитывая все обстоятельства, Эмма сочла это таким же свидетельством любви, как и то, что мистер Элтон разглядел в Харриет острый ум.

– Что б такого выдумать, чтобы нам туда зайти... – вслух размышляла Эмма. – Ничего в голову не приходит. Ни служанки, о которой я хотела бы навести справки у его экономки, ни послания от отца...

Так ничего она и не придумала. Спустя некоторое время Харриет вновь нарушила тишину:

– Мисс Вудхаус, но я никак не пойму, отчего же вам кажется, что вы не выйдете замуж. Ведь вы с легкостью можете очаровать любого!

Эмма засмеялась и ответила:

– Харриет, того, что я такая очаровательная, в этом деле еще недостаточно. Необходимо, чтобы и другие люди – хотя бы один – тоже смогли меня очаровать. И мне не просто кажется, что я не выйду замуж, я вообще замуж не собираюсь.

– Ах, это вы так говорите, однако же я вам совсем не верю!

– Переменить решение меня заставит лишь человек, достоинствами превосходящий всех моих знакомых. Мистер Элтон, как вы понимаете, – спохватилась она, – не в счет. Да я и не желаю встречать подобного человека и бороться с искушением. Мне нравится моя жизнь такой, какая она есть. И если бы я вышла замуж, то непременно об этом бы пожалела.

– Помилуйте! Как странно слышать от женщины такие слова!

– У меня нет тех причин, по которым женщины обычно вступают в брак. Конечно, если бы я полюбила, то тут уж совсем другой разговор! Однако я никогда не любила и вряд ли когда-нибудь полюблю, это совершенно не в моем характере. А без любви менять что-то в моей жизни было бы просто глупо. Богатства мне не нужны, занятия я не ищу, положения тоже. Полагаю, редкая женщина – такая же полновластная хозяйка в доме мужа, как я в Хартфилде. К тому же ни один мужчина на свете не сможет любить и уважать меня, ставить во всем на первое место и считать всегда правой так, как мой батюшка.

– Но ведь вы станете старой девой, как мисс Бейтс!

– Харриет, я с вами согласна, это ужасающее будущее, и если бы я рисковала стать как мисс Бейтс – такой же глупой, вечно бодрой и улыбающейся без повода, нудной, неразборчивой и невзыскательной, такой же болтливой и норовящей всем вокруг рассказать все и обо всех... Да я бы завтра же выскочила замуж! Но я уверена: между нами нет иных сходств, кроме того, что мы обе не замужем.

– Но ведь вы все равно станете старой девой! Как ужасно!

– Не беспокойтесь, Харриет, мне не грозит стать бедной старой девой – а именно бедность и вызывает у общества презрение к безбрачию. Незамужняя женщина с крошечным состоянием и становится той самой нелепой и всем противной старой девой! Предметом насмешек детворы. А вот незамужняя дама с приличным состоянием, напротив, пользуется всеобщим уважением и, вероятно, так же разумна и приятна в общении, как и все остальные члены общества. Разделение такое на первый взгляд может показаться несправедливым и предвзятым, однако же не стоит забывать, что скудный доход нередко оскверняет ум и портит нрав. Те, кто едва сводит концы с концами и кто вынужден вращаться в очень узком и, как правило, низшем кругу общества, становятся грубыми и озлобленными. Тем не менее к мисс Бейтс это не относится. Она лишь мне кажется чересчур благожелательной и глупой, а остальным вполне нравится, даже будучи незамужней и бедной. Бедность ее ничуть не осквернила, и полагаю, даже свой последний шиллинг она бы раздала другим. Ее никто не боится, и это несомненное достоинство.

– Помилуйте! Но что же вы будете делать? Чем же вы будете занимать себя на старости лет?

– Харриет, я думаю, что обладаю вполне живым и деятельным умом, способным на всякие выдумки, а потому не вижу причин, по которым лет в сорок-пятьдесят мне было бы труднее занять себя, свои руки и голову, чем в двадцать один. Обычные женские занятия останутся для меня все так же доступны, может, лишь интересы немного изменятся. Если перестану рисовать, то буду больше читать, если заброшу музыку, то начну вышивать. Что же до предмета заботы и привязанности – то его незамужней женщине и вправду может не хватать. Однако мне бояться нечего, ведь дети есть у моей любимой сестры. И я уверена, детишек этих будет предостаточно, чтобы их тетушка могла порадоваться на старости лет. С ними мне хватит и надежд, и забот, и хотя, конечно, любовь моя будет отлична от родительской, я полагаю, что она подойдет мне куда больше, чем чересчур горячая и слепая любовь матери. Мои племянники и племянницы!.. Надеюсь, племянницы будут гостить у меня почаще.

– А вы знаете племянницу мисс Бейтс? То есть наверняка вы ее сотни раз видели, но представлены ли вы?

– О да! Представлены, и всякий раз, как она приезжает в Хайбери, нас непременно заставляют знать. Да уж, этого примера, к слову, предостаточно, чтобы никогда и никому не рассказывать о своих племянницах. Боже упаси! Во всяком случае, я не способна так докучать людям со всеми маленькими Найтли, как она со своей Джейн Фэрфакс. Тошнит уже при одном ее упоминании. Каждое ее письмо непременно перечитывается по сто раз, снова и снова передаются приветствия друзьям, а если уж она вдруг пошлет тете фасон корсажа или свяжет для бабушки подвязки, то разговоров об этом хватит на месяц. Я желаю Джейн Фэрфакс только добра, но рассказы о ней надоели мне до смерти.

Подруги уже подходили к нужному домику, и их праздный разговор постепенно затих. Несчастья бедняков всегда внушали Эмме великое сострадание и позволяли облегчить не только ее совесть, давая свободу таким качествам, как заботливость, доброта, милосердие и терпение, но и ее кошелек. Она снисходительно относилась к невежеству и соблазнам, преподносимым им судьбой, и не тешила себя романтическими надеждами повстречать выдающиеся добродетели у тех, кого не коснулось просвещение. Эмма с готовностью сочувствовала их невзгодам и всегда предлагала помощь столь же искусно, сколь добросердечно. На этот раз она пришла к семье, бедность которой отягощалась еще и недугами, и, пробыв у них столько, сколько требовалось, чтобы утешить и помочь советом, Эмма покинула дом под сильным впечатлением и снаружи сказала Харриет:

– Бывают картины, на которые посмотреть полезно. Как меркнут в сравнении с ними любые мелкие невзгоды!.. Сейчас мне кажется, что я весь день смогу думать лишь об этих несчастных, и все же кто знает, сколь скоро я о них позабуду.

– Как вы правы, – ответила Харриет. – Бедняжки! Невозможно думать о чем-то другом.

– По правде говоря, полагаю, впечатления наши не скоро изгладятся, – продолжала Эмма, выходя за низкую живую изгородь и аккуратно спускаясь на дорогу по шатким ступенькам, которыми заканчивалась узенькая скользкая тропинка через сад. – Да, думаю, не скоро, – повторила она, оглядев еще раз разваливающийся домик и вызвав в памяти картины еще большей нищеты внутри него.

– Разумеется, нет! – отвечала ее спутница.

Они продолжили путь. Дорога сделала некрутой поворот, и за ним подруги наткнулись на мистера Элтона. Причем предстал он так близко, что Эмма только и успела сказать:

– А вот, Харриет, и неожиданное испытание наших благих помыслов. Что ж, – улыбнулась она, – надеюсь, наше сострадание принесло несчастным облегчение, а это значит, что главное дело сделано. Если нам их жаль, значит, нужно сделать все, что в наших силах, чтобы им помочь, а все остальное – лишь пустое сочувствие, мучительное для нас самих.

Харриет успела пробормотать только: «Да, разумеется», – как молодой человек поравнялся с ними. Разговор их зашел в первую очередь о нуждах и страданиях бедной семьи. Мистер Элтон как раз направлялся к ним, однако теперь решил отложить свой визит. Они обсудили, что можно и нужно сделать для несчастных, и мистер Элтон решил проводить дам.

«Какое совпадение благих побуждений! – размышляла Эмма. – Это, несомненно, укрепит их нежные чувства. Я бы не удивилась, если бы все это послужило толчком к объяснению. Да! Если бы только меня здесь не было».

Желая как-то от них отделиться, она вскоре пошла по узкой тропинке немного поодаль от главной дороги, на которой остались влюбленные. Однако не прошло и двух минут, как она обнаружила, что Харриет, привыкшая подражать Эмме и зависеть от нее, пошла следом и что, другими словами, скоро парочка окажется совсем рядом с ней. Это никуда не годилось, и Эмма тотчас остановилась якобы перешнуровать ботинок. Она нагнулась, загородив собой тропинку, и попросила спутников ее не дожидаться – через полминуты она сама их нагонит.

Те ушли вперед, и Эмма не спеша отсчитала время, которого как раз хватило бы, чтобы разобраться со шнурком. Тут же, к ее внезапной радости, появился новый повод задержаться: вслед за ними по дороге шла девочка из той самой семьи бедняков. По распоряжению мисс Вудхаус она направлялась в Хартфилд за бульоном. Эмма вполне естественно пошла с ней рядом, заведя беседу. Вернее, поведение ее можно было счесть естественным, однако действовала она умышленно. Так друзья ее могли продолжать свой путь, не дожидаясь ее. И все же невольно она их нагнала: девочка шла быстро, а они – довольно медленно. Эмма забеспокоилась, тем более что оба были явно увлечены беседой: мистер Элтон о чем-то оживленно рассказывал, а Харриет довольно слушала. Эмма отправила девочку вперед, а сама уже стала было раздумывать, какой бы еще найти предлог, как вдруг оба ее спутника обернулись, и ей пришлось вновь к ним присоединиться.

Мистер Элтон продолжал увлеченно о чем-то говорить, и, поравнявшись с ними, Эмма испытала некоторое разочарование, услышав, что он всего лишь пересказывает Харриет свой вчерашний ужин у Коула. Описание как раз дошло до изысканных сыров (стилтонского и уилтширского), масла, сельдерея, свеклы и различных десертов.

«Вскоре они, конечно же, перешли бы и к более серьезным вещам, – утешала себя Эмма. – Для влюбленных важна любая мелочь, и любая мелочь может послужить вступлением к тому, что лежит на сердце. Если б только я смогла задержаться подольше!»

Теперь они молча шли втроем, пока впереди не показался домик пастыря. Тут Эммой овладела внезапная решимость хотя бы завести Харриет в сам дом, а потому она вновь сделала вид, что ей нужно поправить ботинок, и немного отстала. Ловко порвав шнурок и поспешно выбросив его в канаву, Эмма остановила своих спутников и призналась, что не сможет дойти до дома благополучно.

– У меня оторвался шнурок, – сказала она, – не знаю даже, как с таким дойти до дома. Я понимаю, что доставляю вам обоим множество неудобств, однако хочется надеяться, что со мной такое случается нечасто. Мистер Элтон, я вынуждена просить у вас позволения зайти к вам и попросить у вашей экономки что-нибудь, чтобы на время заменить шнурок – может, кусочек тесемки или веревки.

Мистер Элтон был только рад такому предложению и с бойкостью и предупредительностью, которые ничто, казалось, не могло бы унять, пригласил дам в дом и представил все в лучшем виде. Комната, в которую их провели, выходила окнами на дорогу, и в ней хозяин, по всей видимости, и проводил свой досуг. За ней располагалась другая комната, куда прошли Эмма с экономкой, чтобы без помех починить несчастный шнурок. Эмма не могла закрыть дверь сама, однако не сомневалась, что ее закроет мистер Элтон. Тем не менее дверь так и осталась приоткрытой, и Эмма завела с экономкой безумолчный разговор, надеясь, что молодой человек воспользуется положением и заговорит наконец о важном. Целых десять минут она слышала лишь звук своего голоса. Но дольше так продолжаться не могло. Эмма вынуждена была завершить разговор и вернуться к друзьям.

Возлюбленные вместе стояли у окна. Картина эта казалась благоприятной, и Эмма на мгновение исполнилась чувством триумфа: ее старания окупались. Однако радость была недолгой. Оказалось, мистер Элтон так и не дошел до самого главного. Он держался как нельзя приветливее, как нельзя обходительнее, рассказал Харриет, что увидел их в окно, а потому умышленно пошел вслед, отпускал любезности и делал намеки, однако ничего серьезного так и не сказал.

«Осторожничает, – подумала Эмма, – он продвигается шаг за шагом и ничего не примет, пока полностью не убедится, что его ждет успех».

И хотя ее хитроумный замысел пока ни к чему не привел, она тешила себя мыслью о том, что это маленькое происшествие позволило влюбленным провести больше времени вдвоем и приблизиться к неизбежной развязке.

Глава XI

Мистера Элтона теперь следовало предоставить самому себе. Руководить его счастьем и склонять к новым шагам было больше не в силах Эммы. Вот-вот ожидался приезд ее сестры, и все мысли, а затем и все ее время были заняты лишь гостями. За те десять дней, что семейство Найтли пробыло в Хартфилде, Эмма не могла – да и не собиралась – оказывать влюбленным особенную помощь, разве что при удобном случае. Впрочем, при желании они могли бы уладить все дело очень быстро, но так или иначе все в конце концов разрешится и само по себе. Эмме даже и не хотелось уделять им сейчас свое внимание. Существуют люди, для которых чем больше делаешь, тем меньше делают они для себя сами.

Мистер и миссис Найтли давно не приезжали домой в Суррей, а потому вызывали повышенный интерес. Все предыдущие годы чета неизменно навещала на долгие праздники Хартфилд или Донуэлл, в этом же году осенью они повезли детей на море, а потому многие месяцы в родном краю не появлялись. Причем с мистером Вудхаусом они все это время не виделись вовсе, ведь он и помыслить не мог поехать в Лондон – в такую даль! – даже ради бедняжки Изабеллы. Теперь же он испытывал смесь счастья и беспокойства, предвкушая их чересчур короткий визит.

Он все время тревожился, как же она перенесет дорогу, и волновался – хоть и не так сильно – за лошадей и кучера, которым предстояло везти семейство вторую половину пути. Опасения его оказались напрасны, и, преодолев все шестнадцать миль, мистер и миссис Найтли, их пятеро детей и достаточное для них число нянек благополучно добрались до Хартфилда. Их радостный приезд произвел столько шума и суеты – со всеми надо было поговорить, всех поприветствовать, расспросить, обласкать и разместить, – что при любых иных обстоятельствах нервы мистера Вудхауса не выдержали бы, да и теперь выдерживали едва ли. К счастью, миссис Найтли очень уважала обычаи Хартфилда и чувства отца, а потому, несмотря на материнское беспокойство о своих малютках, которых следовало тут же непременно окружить заботой, накормить, напоить, уложить спать, развлечь и так далее, она все же не позволяла им чересчур досаждать дедушке или становиться предметом его чрезмерной заботы.

Миссис Найтли была миловидной, изящной молодой особой с мягким и тихим нравом, приветливым и ласковым характером, всецело поглощенная своей семьей. Оставаясь преданной женой и любящей матерью, она была так нежно привязана к отцу и сестре, что, если бы не высшие узы брака, то любовь горячее представить было бы сложно. Ни в ком из близких она не видела ни одного изъяна. Ни живостью, ни остротой ума миссис Найтли не отличалась и во многом остальном тоже походила на отца: унаследовав его хрупкое здоровье сама, она дрожала и над детьми, всего боялась, за все беспокоилась и, подобно тому, как мистер Вудхаус держался за мистера Перри, держалась за своего лондонского лекаря мистера Уингфилда. Помимо прочего, отец и дочь схожи были доброжелательностью характера и привычкой поддерживать связь со старыми знакомыми.

Мистер Джон Найтли, благовоспитанный мужчина высокого роста и исключительного ума, в работе добивался блистательных успехов, а в частной жизни был почтенным семьянином. Однако подчас он бывал не в духе, а его сдержанность порой отталкивала людей. Его нельзя было назвать раздражительным или упрекнуть во вспыльчивости, однако нрав его все же был далек от совершенства, а при такой благоговееющей жене от природных недостатков избавиться трудно. Ее кротость на нем сказывалась не лучшим образом. В отличие от Изабеллы мистер Джон Найтли обладал ясным и острым умом и иногда мог повести себя нелюбезно или сказать резкое слово.

У своей очаровательной свояченицы он успехом не пользовался. Она подмечала все его недостатки и переживала все мелкие насмешки в сторону Изабеллы, которых та вовсе не заме-

чала. Возможно, Эмма закрыла бы глаза на все его изъяны, если бы зять выказывал ей больший восторг, однако он с ней держался спокойно, как добрый друг и брат, не воздавая всяческих почестей и слепых похвал. Но даже если бы он рассыпался перед ней в комплиментах, Эмма никогда не смогла бы простить ему величайший, на ее взгляд, недостаток: порой мистер Джон Найтли не обнаруживал должной терпимости по отношению к ее отцу. Маленькие странности и причитания мистера Вудхауса вызывали в нем резкое неприятие и логичные возражения, преподносимые не самым лучшим образом. Случалось это нечасто, ибо мистер Джон Найтли, разумеется, тестя почитал и обыкновенно держался подобающим для своего положения образом, однако и то было слишком часто, на взгляд привыкшей быть снисходительной к отцу Эммы. Труднее всего ей было вынести постоянное предчувствие беды, хотя самой беды за ним обычно не следовало. Впрочем, в начале каждого визита радость встречи затмевала все другие чувства, и поскольку в силу необходимости в этот раз гости приехали ненадолго, ничто не обещало омрачить всеобщую сердечность. Не успели все устроиться и рассестись, как мистер Вудхаус, опечаленно вздохнув и покачав головой, привлек внимание старшей дочери к грустной перемене, произошедшей в Хартфилде с ее последнего визита.

– Ах, голубушка, – начал он, – бедная мисс Тейлор!.. Как это все прискорбно.

– О да, сэр, – с готовностью выражать сочувствие воскликнула Изабелла, – как вы, должно быть, по ней скучаете! И наша милая Эмма! Какая горькая для вас утрата! Как я за вас огорчилась... Не могу даже представить, как вы без нее обходитесь... Поистине печальная перемена... Но у нее, надеюсь, все благополучно?

– Благополучно, милая, надеюсь, что благополучно... Не знаю наверняка, но, по-моему, на новом месте она чувствует себя вполне сносно.

Тут мистер Джон Найтли тихо спросил у Эммы, действительно ли в Рэндаллсе все в порядке.

– Ах да, конечно! Никогда не видела миссис Уэстон такой счастливой и цветущей. Папа всего лишь выражает свои собственные сожаления.

– Это делает честь им обоим, – ответил он учтиво.

– Но вы хотя бы часто видите? – печально спросила Изабелла, поддерживая горестные чувства отца.

Мистер Вудхаус заколебался:

– Не так часто, как хотелось бы, голубушка.

– Папа, что вы! – возмутилась Эмма. – С тех пор как они поженились, мы не виделись всего один день. Каждый день, утром или вечером, за исключением одного-единственного раза, мы видимся либо с мистером Уэстоном, либо с миссис Уэстон, а чаще всего с ними обоими, либо в Рэндаллсе, либо у нас, но чаще – как ты, Изабелла, догадываешься – у нас. Они очень, очень щедры на визиты. И мистер Уэстон супруге в этом ничуть не уступает. Папа, если вы будете так удрученно обо всем рассказывать, то Изабелла составит о нас всех ложное представление. Разумеется, нам недостает мисс Тейлор, однако нельзя забывать и о том, что благодаря стараниям мистера и миссис Уэстон утрата наша не ощущается так тяжело, как мы опасались.

– Отрадно это слышать, – заметил мистер Джон Найтли, – все в точности так, как я представлял из ваших писем. Разумеется, она желает оказать вам необходимое внимание, и дело сильно упрощает то, что он человек общительный и свободных взглядов. Дорогая, как я тебе и говорил, перемена в Хартфилде не столь ужасна, сколь ты предполагала. Надеюсь, слова Эммы тебя успокоили.

– Спору нет, – сказал мистер Вудхаус, – не стану отрицать, что миссис Уэстон – ах! бедняжка миссис Уэстон – и в самом деле приходит к нам довольно часто, но ведь всякий раз ей снова приходится уходить.

– Папа, а как же мистер Уэстон? Ему пришлось бы тяжело, если бы она не возвращалась домой. Вы совсем о нем забываете.

– Полагаю, – весело подхватил Джон Найтли, – что мистер Уэстон тоже имеет здесь некоторые права. Мы с вами, Эмма, отважимся встать на сторону бедного мужа. Я, сам будучи мужем, и вы, не будучи женою, одинаково признаем за ним определенные притязания. Что же до Изабеллы, то после стольких лет в браке она склонна полагать, что всяких там мистеров Уэстонов дамам стоит избегать.

– Дорогой, я?! – вскричала его жена, понимая их разговор лишь отчасти. – Ты говоришь обо мне? Уверена, на свете нет большего поборника брака, чем я. Если бы не такое несчастье, как необходимость покинуть Хартфилд, то я сочла бы ее счастливейшей женщиной на свете. Что же до мистера Уэстона, замечательнейшего мистера Уэстона, то он несомненно достоин всех благ. Я не встречала мужчины, который обладал бы столь прекрасным характером, за исключением тебя, дорогой мой, и твоего брата. Никогда не забуду, как на Пасху мистер Уэстон запустил для Генри змея, тогда был такой ветреный день! А в прошлом году в сентябре отправил мне письмо в полночь, чтобы заверить, что в Кобэме нет скарлатины! С тех пор я убеждена, что нет в мире ни сердца отзывчивее, ни человека добрее. Если кто и заслуживает провести с ним жизнь, так это мисс Тейлор.

– А что его сын? – спросил мистер Джон Найтли. – Приезжал он по такому случаю или же нет?

– Еще не приезжал, – ответила Эмма. – Все надеялись на его визит вскоре после свадьбы, однако до этого так и не дошло. И в последнее время о нем ничего не слышно.

– Расскажи им про письмо, голубушка, – напомнил ее отец. – Он написал бедной миссис Уэстон письмо с поздравлениями, такое замечательное, такое любезное. Она мне его показывала. Это, конечно, весьма похвально. Трудно сказать, самому ли ему это пришло в голову. Он еще так молод, может, его дядя...

– Дорогой папа, ему двадцать три. Вы забываете, как быстро летит время.

– Двадцать три! Неужели? Никогда бы не подумал... А ведь ему было всего два, когда не стало его бедной матушки! Да, время-то летит! А с памятью у меня плоховато. Однако письмо было отличное, просто превосходное, и доставило мистеру и миссис Уэстон такое удовольствие. Помню, написано оно было двадцать восьмого сентября из Уэймута и начиналось так: «Любезная миссис Уэстон...» – дальше я забыл, и в конце подпись: «Ф. Ч. Уэстон Черчилль». Это я точно помню.

– Как это отрадно! Как благородно с его стороны! – горячо воскликнула миссис Найтли. – Не сомневаюсь, что он прекраснейший молодой человек. Но как печально, что он живет не с отцом! Ужасно, когда ребенка разлучают с родителями, увозят из родного дома! Мне никогда не понять, как мистер Уэстон смог такое выдержать. Отдать собственное дитя! Не знаю, как можно хорошо относиться к людям, способным предложить такое родителю.

– Полагаю, никто к Черчиллям хорошо и не относится, – холодно заметил мистер Джон Найтли. – Однако не воображайте, будто мистер Уэстон испытывал то же, что испытывали бы вы, отдавая кому-то Генри или Джона. Мистер Уэстон – человек легкого и веселого нрава и не принимает все так близко к сердцу. Он полагает жизнь такой, какая она есть, и умеет находить во всем хорошее. Ему, подозреваю, блага так называемого «общества», то есть возможность пять раз на неделе посещать соседей на обед или ужин и партию в вист, приносят большее удовольствие, чем семейный уют и прочие домашние радости.

Такой отзыв на грани с упреком Эмме не понравился, и она уж было собиралась встать на защиту мистера Уэстона, однако совладала с собой и промолчала, предпочтя сохранить мир и покой. К тому же ее зять всегда осуждал стремление людей к обществу лишь потому, что сам ставил семью и дом превыше всего и больше ни в ком не нуждался. Эмма находила эту черту благородной и похвальной. За нее она была готова простить ему подобные упреки.

Глава XII

К обеду пригласили мистера Найтли – против воли мистера Вудхауса, который ни с кем не желал делить первый день Изабеллы в Хартфилде. Однако чувство справедливости не позволило Эмме поступить иначе. К тому же, помимо рассуждений о том, что братья имеют полное право на эту встречу, ею двигало желание увидеть мистера Найтли после их недавней ссоры.

Она надеялась, что они смогут забыть о своих разногласиях. Пора ведь уже и помириться. Разумеется, это не подразумевало уступок. Она, несомненно, была права, а он бы ни за что в жизни не признал свою неправоту. И все же настало время забыть об этой ссоре, и Эмма надеялась, что примирению поспособствует картина, которую он увидит, войдя в комнату, – как она нянчится с племянницей, премиленькой малышкой восьми месяцев от роду, которую привезли в Хартфилд впервые. Уловка и впрямь помогла, и, хотя поначалу взгляды мистера Найтли были мрачны, а вопросы сдержанны, вскоре он заговорил в своей привычной манере, а затем с обычной дружеской простотой и без лишних церемоний забрал племянницу из ее рук. Эмма почувствовала облегчение и поняла, что они снова друзья. Видя, как он восхищается малышкой, она отважилась сказать:

– Как отрадно, что наши племянники и племянницы вызывают у нас схожие чувства. Наши суждения о мужчинах и женщинах могут отличаться, однако когда дело касается этих детей, мы всегда сходимся.

– Если бы в оценке мужчин и женщин вы, как и с этими детьми, больше руководствовались природою, а в отношениях с ними меньше следовали своим прихотям и фантазиям, то мы всегда бы мыслили одинаково.

– Разумеется, ведь все наши разногласия происходят лишь из того, что я не права.

– Верно, – с улыбкой ответил он, – и по известной причине. Когда вы родились, мне было уже шестнадцать.

– Тогда это была существенная разница, – отвечала Эмма, – сомнений нет: в ранние годы моей жизни вы превосходили меня в рассудительности. Но разве за двадцать один год не стала эта разница меньше?

– Да, меньше стала.

– Но не настолько, чтобы допустить, что я могу быть права, если вдруг вы мыслите иначе?

– Я ведь все так же старше вас на шестнадцать лет, а потому жизненного опыта у меня больше. К тому же у меня есть и иное преимущество: я не миловидная девица и не избалованный ребенок. Полно, дорогая Эмма, забудем нашу ссору и останемся друзьями. А ты, малютка Эмма, скажи своей тете, чтобы подавала тебе хороший пример и не ворошила старые обиды. Ежели она и не совершила ошибку прежде, то уж точно совершает ее теперь.

– Верно, – воскликнула она, – совершенно верно! Малютка Эмма, стань лучше тетки: в тысячу раз ее умнее и в половину не такой горделивой. И все же, мистер Найтли, еще пара слов, и на этом покончим. По части благих намерений правы были мы оба, и хочу отметить, что никакие события по-прежнему не доказали моей неправоты. Я лишь хочу надеяться, что мистер Мартин не слишком сильно огорчен.

– Сильнее некуда, – коротко ответил мистер Найтли.

– Ох! Искренне сочувствую... Ну же, пожмем скорее руки.

С большой сердечностью они пожали друг другу руки, и в этот момент в комнату вошел Джон Найтли. Мужчины поздоровались сдержанно, в истинно английской манере:

– Здравствуй, Джордж.

– Джон. Как поживаешь?

Однако за этим внешне хладнокровным безразличием скрывалась глубокая привязанность братьев, которые друг ради друга пошли бы на что угодно.

Вечер прошел за тихими разговорами. От карт мистер Вудхаус отказался вовсе, дабы полностью посвятить себя беседе с дорогой Изабеллой, и их небольшая компания естественным образом разделилась надвое: с одной стороны – отец и дочь, а с другой – братья Найтли. Темы их разговоров, понятное дело, отличались, совпадая лишь изредка, Эмма же общалась то с теми, то с другими.

Братья вели беседу о делах, преимущественно уделяя внимание заботам старшего, который от природы был более общителен и разговорчив. Будучи мировым судьей⁶, он всегда стремился посоветоваться с Джоном о той или иной тонкости закона, а иногда и просто делился каким-нибудь любопытным случаем из практики. А будучи хозяином их имения Донуэлл и фермы при нем, он рассказывал, какой и на каком поле ожидается в следующем году урожай, и сообщал все местные новости, зная, что его брат, проводя в их доме большую часть своей жизни, сильно к нему привязан и всегда с удовольствием слушает подобные рассказы. План водосточной канавы, новый забор, упавшее дерево, судьба каждого акра пшеницы, репы и яровых хлебов – все в равной степени интересовало Джона, хоть внешне он и оставался невозмутим. Если же брат о чем-то упомянуть забывал, то Джон с готовностью его об этом расспрашивал.

Мистер Вудхаус в это время наслаждался беседой с дочерью, с головой погружившись в счастливые сожаления и полные любви опасения.

– Милая моя, бедная моя Изабелла, – причитал он, беря ее за руку и ненадолго отрывая от усердного шитья для кого-то из пятерых детей, – как же давно, как ужасающе давно ты к нам не приезжала! Как ты, должно быть, устала с дороги! Тебе стоит лечь спать пораньше, душенька, а перед сном я бы посоветовал тарелочку каши. Давай вместе немножко съедем. Эмма, милая, полагаю, никто от овсянки не откажется.

Эмма же полагала – и не без основания, – что оба Найтли, как и она, подобную затею вряд ли поддержат, а потому попросила принести только две порции. Произнеся еще несколько хвalebных речей овсянке и подивившись, почему же не все едят ее каждый вечер, мистер Вудхаус перешел к другой теме, с печально-задумчивым видом заметив:

– Как жаль, милая моя, что осень вы провели в Саут-Энде, а не у нас. По-моему, от морского воздуха пользы мало.

– Мистер Уингфилд настоятельно нам его рекомендовал, а иначе мы бы и не поехали. Он сказал, что для всех деток, а особенно для малышки Беллы с ее больным горлышком, очень подойдут и морской воздух, и купания.

– Ах, голубушка, Перри вот сомневается, так ли уж ей полезно море. А сам я давно убежден, хотя, возможно, раньше тебе и не успел сказать, что море редко кому подходит. Меня оно однажды чуть не погубило.

– Полно, полно! – вскричала Эмма, почувствовав, что разговор становится опасным. – Прошу, не говорите о море, а то меня берут зависть и досада, я ведь на море никогда не была! Запрещаю вам говорить о Саут-Энде. Изабелла, дорогая, спроси-ка лучше, как у мистера Перри дела, он-то про тебя всегда спрашивает.

– Ах да! Сэр, как поживает мистер Перри?

– Все хорошо, да вот только... От разлития желчи страдает. У бедного Перри совсем нет времени подумать о себе. Да, он мне рассказывал, что совершенно подумать о себе не успевает, это так печально, но что поделать, он ведь постоянно кому-то нужен. Думаю, не сыщется врача с более обширной практикой. Да и такого знающего тоже.

– А миссис Перри как поживает? Как детишки? Растут? Мистер Перри – замечательный человек. Надеюсь, он сможет к нам заглянуть. Как он будет рад увидеть моих малюточек!

⁶ Мировой судья – неоплачиваемая должность, которую занимали видные представители поместного дворянства. До введения в 1889 году выборных советов графства мировые суды занимались всеми местными делами.

– Надеюсь, он зайдет завтра, мне нужно кое о чем с ним посоветоваться. Душенька, обязательно попроси его осмотреть Беллу.

– Ах, не стоит волноваться, ее горлышко почти прошло. То ли это купания так помогли, то ли превосходные припарки мистера Уингфилда, мы их с августа ставим.

– Вряд ли это купания, милая, и, если бы я знал, что тебе нужны припарки, я бы поговорил с...

– Изабелла, а о миссис и мисс Бейтс ты не забыла? – прервала его Эмма. – Справилась ли ты уже об их здоровье?

– Ах, славные Бейтсы! Мне так стыдно... Но все же ты упоминаешь о них почти во всех своих письмах. Надеюсь, у них все хорошо. Милая старушка миссис Бейтс... Завтра же к ним загляну с детишками. Они всегда так рады их видеть. Ах, и наша добрая мисс Бейтс! Достоинейшие люди! Сэр, как же они поживают?

– Все хорошо, голубушка, в общем хорошо. Вот только месяц тому назад бедняжка мисс Бейтс сильно простудилась.

– Какая жалость! Осень в этом году выдалась особенно опасной на простуды. Мистер Уингфилд говорит, что никогда прежде не встречал столько случаев, да еще и таких тяжелых! Разве только когда ходила эпидемия гриппа.

– Да, милая, это верно, но, судя по твоим рассказам, у нас дело обстояло получше. Перри говорит, что случаев в этом ноябре было много, но все же меньше обыкновенного. Перри считает, что эта пора не так уж опасна для здоровья.

– Да, кажется, и мистер Уингфилд так считает, разве что...

– Ах, бедняжка моя! Все дело в том, что в Лондоне любая пора опасна для здоровья. Там вечно все болеют, иначе и быть не может. Какой ужас, что ты еще и вынуждена там жить! Да так от нас далеко! И дышать этим скверным воздухом!

– Да нет, сэр, что вы, у нас-то воздух ничуть не скверный. Наша часть города во многом превосходит прочие! Не стоит приравнивать Брансуик-сквер к остальному Лондону, там все совершенно иначе. А у нас столько воздуха! В любом другом месте в Лондоне, готова признаться, я бы жить не хотела, вряд ли бы оно подошло для моих детишек. А у нас прекрасный воздух! В этом отношении мистер Уингфилд считает Брансуик-сквер и окрестности самой благоприятной частью города.

– Ах, голубушка, но ведь это не Хартфилд! Разумеется, вы живете не в самом плохом месте, но погостив в Хартфилде неделю, воистину преображаетесь, даже не узнать! Вот и сейчас, вынужден заметить, вы все выглядите неважно.

– Очень жаль, что вам так кажется, сэр, но спешу вас заверить: я чувствую себя прекрасно, если не считать легких приступов головной боли и учащенных сердцебиений, от которых меня ни одно место не сможет избавить. А ежели детки показались вам сегодня бледными, то это лишь потому, что они устали больше обычного – сказались дорога и радостные волнения перед встречей. Надеюсь, завтра их вид вам понравится больше. Мистер Уингфилд даже сказал, что никогда еще мы не уезжали из Лондона в таком хорошем состоянии. Полагаю, хотя бы мистер Найтли не кажется вам плох. – На этих словах она с нежным беспокойством обратила взгляд к своему мужу.

– Так себе, голубушка. Не могу сказать ничего радостного. Мистер Джон Найтли совсем не выглядит здоровым.

– Сэр, что такое? Вы ко мне обратились? – услышав свое имя, встрепенулся мистер Джон Найтли.

– К несчастью, дорогой, батюшка находит, что у тебя нездоровый вид, но надеюсь, это всего лишь от усталости. Хотя мне, конечно же, было бы спокойнее, покажись ты перед отъездом мистеру Уингфилду.

– Дорогая моя Изабелла, – воскликнул он в сердцах, – прошу, не беспокойся о моем виде. Лечи и кутай себя и детей, а о себе я и сам прекрасно позабочусь.

– Я не совсем поняла то, что вы рассказывали брату о вашем друге мистере Грэме, – вступила Эмма. – Он собирается нанять в свое новое имение управляющего из Шотландии? Но что же из этого выйдет? Не слишком ли глубоко сидят в англичанах и шотландцах предубеждения друг против друга?

Таким образом, Эмма продолжала управлять разговором так долго и успешно, что, когда она в очередной раз была вынуждена повернуться к отцу и сестре, те говорили всего лишь о Джейн Фэрфакс и ее делах. И хотя Эмма вообще-то Джейн Фэрфакс не жаловала, сейчас она была рада услышать хвалебные речи сестры.

– Милая, любезная Джейн Фэрфакс! – восклицала миссис Найтли. – Как давно я с ней не виделась, разве что иногда случайно встречала в городе! Как, должно быть, радуются ее славная бабушка и замечательная тетушка, когда она к ним приезжает! Мне всегда было так обидно, что Джейн не может бывать в Хайбери почаще и составлять компанию Эмме, а теперь, когда мисс Кэмпбелл вышла замуж, полковник и миссис Кэмпбелл и вовсе ее никуда не отпустят. А ведь она могла бы стать такой прекрасной подругой для нашей Эммы.

Мистер Вудхаус с дочерью согласился, однако все же добавил:

– Впрочем, наша маленькая подружка Харриет Смит – тоже прекрасная молодая леди. Она тебе обязательно понравится. Эмме невероятно повезло с такой подругой.

– Отрадно слышать, однако, насколько я знаю, Джейн Фэрфакс еще и получила прекрасное образование, обладает наилучшими качествами и Эмме ровесница.

Они мирно поговорили о Джейн Фэрфакс, затем перешли на другие темы, и в такой гармонии прошел весь вечер. Однако без разногласий все же не обошлось. Подали овсянку, начались всяческие восхваления и отступления, беседа зашла о ее полезных свойствах для всех и каждого, не обошлось без суровых филиппик против домов, в которых не умеют варить ее сносно. К несчастью, самым недавним и оттого ярким в памяти Изабеллы примером оказалась ее собственная кухарка в Саут-Энде, которую они наняли на время пребывания там. Она никак не могла понять, что же миссис Найтли называет тарелочкой вкусной овсянки – «без комочков, не слишком густой, но и не слишком жидкой». Сколько бы раз Изабелла ни просила приготовить кашу, результат так и не достиг желаемого. Здесь-то их беседа и сделала опасный поворот.

– Ох! – промолвил мистер Вудхаус, качая головой и устремляя на дочь взгляд, полный нежного беспокойства. Эмма в голове продолжила это восклицание: «Ох! Конца не видно печальным последствиям вашей поездки в Саут-Энд. Даже слов не нахожу». На некоторое время она понадеялась, что слов он так и не найдет, что все закончится на молчаливых размышлениях и отец ее вскоре продолжит смаковать свою безупречно приготовленную овсянку. И все же через несколько минут он продолжил:

– Никогда не перестану жалеть, что вы поехали осенью на море, а не к нам.

– О чем же здесь жалеть, сэр? Уверю вас, детям это пошло на пользу.

– И к тому же если вам непременно нужно было поехать на море, то уж лучше бы не в Саут-Энд. Это нездоровое место. Перри удивился, услышав, что вы выбрали именно Саут-Энд.

– Сэр, знаю, многие так думают, но это лишь заблуждение. Мы все прекрасно себя там чувствовали, грязь не доставила ни малейших трудностей, и мистер Уингфилд уверен, что Саут-Энд совершенно не стоит называть нездоровым. А я знаю, что на него можно положиться, ведь он прекрасно разбирается в свойствах целебного воздуха, и к тому же его брат с семьей часто там отдыхают.

– Если уж вам так надо было поехать на море, душенька, то лучше бы вы поехали в Кромер. Перри там как-то раз был и уверен, что лучше места для купаний не найти. Превосходное море, чистейший воздух. И, как я понял из его рассказов, жилье можно найти подальше от воды, где-то за четверть мили, это очень удобно. Тебе стоило посоветоваться с Перри.

– Сэр, но представьте только, как Кромер далеко! Ехать за сто миль вместо сорока.

– Ах, милая, как говорит Перри, когда на кону здоровье, то все прочее значения не имеет. Если уж надобно куда-то ехать, то разница невелика: сорок миль или сто. Лучше тогда совсем никуда не ехать, лучше даже остаться в Лондоне, чем отправляться за сорок миль в место, где воздух еще хуже. Так Перри и сказал. Он считает, зря вы туда поехали.

Эмма пыталась остановить отца, но все тщетно. Когда же после подобного замечания вспыхнул ее зять, она совсем не удивилась.

– Мистера Перри, – вступил он, явно раздраженный подобным разговором, – никто не спрашивал. Какая ему разница? С чего бы ему удивляться тому, куда я везу свою семью и в какой город? Полагаю, я не хуже мистера Перри могу положиться на свое собственное суждение. Я не нуждаюсь ни в его советах, ни в его лекарствах. – Он замолчал и, несколько остыв, тут же сухо и насмешливо добавил: – Если мистер Перри расскажет мне, как перевезти жену и пятерых детей за сто тридцать миль при тех же расходах, что и за сорок, то и я, несомненно, подобно ему, предпочту Кромер Саут-Энду.

– Что верно, то верно! – с готовностью вмешался мистер Найтли. – Такие вещи, разумеется, стоит иметь в виду. Однако, Джон, давай вернемся к моим планам. Так вот, я хочу немного сдвинуть дорогу до Лэнгэма вправо, чтобы она шла не через наши пастбища, никаких тому затруднений не предвидится. Я бы не посмел ничего предпринять, если бы мои задумки мешали удобству жителей Хайбери, однако если ты вспомнишь, как дорога пролегает сейчас... А впрочем, без карты тут ничего не понять. Надеюсь, ты заглянешь завтра утром в Донуэлл, тогда мы изучим все подробнее, и ты скажешь мне, что думаешь.

Мистер Вудхаус не на шутку разволновался после таких резких слов в сторону его друга Перри, которому он, хоть и неосознанно, но приписал множество своих собственных чувств и соображений. И все же нежное внимание дочерей постепенно его успокоило, а поскольку один из братьев теперь был начеку, а второй лучше держал себя в руках, новых вспышек не последовало.

Глава XIII

Вряд ли бы нашелся на свете человек счастливее миссис Найтли во время этого краткого визита в Хартфилд. Каждое утро она со своими пятью детками навещала всех старых знакомых, а каждый вечер в красках пересказывала день отцу и сестре. Ей лишь хотелось, чтобы время текло не столь скоротечно, но и тому вопреки, визит был самый что ни на есть прекрасный, а восторгу ее не имелось предела.

Утро они коротали в обществе друзей и знакомых, а вечер – в узком семейном кругу, однако все же один из вечеров, причем рождественский, им предстояло провести вне дома. Мистер Уэстон не желал слушать никаких отказов – всех ждали в Рэндаллсе. Даже мистера Вудхауса удалось убедить поехать в гости, а не праздновать одному дома.

Его обыкновенные беспокойства по поводу того, как же им всем туда добраться, в этот раз быстро разрешились: сейчас в Хартфилде стоял экипаж и лошади его зятя, а потому трудностей возникнуть не могло. Более того, Эмма быстро убедила отца, что в одной из повозок даже найдется место для Харриет.

Харриет, мистер Элтон и мистер Найтли также были удостоены чести получить приглашение в Рэндаллс. Иных гостей не предполагалось, и собирались они не слишком поздно – все делалось с учетом привычек и вкусов мистера Вудхауса.

Вечер накануне великого события (а то, что мистер Вудхаус собрался в гости, да еще и в сочельник, было поистине великим событием) Харриет провела в Хартфилде и домой ушла с такой жуткой простудой, что, если бы не ее собственное желание предоставить себя заботам миссис Годдард, то Эмма бы никуда и ни за что ее не отпустила. На следующий день она

заглянула навестить подругу и поняла, что в Рэндаллс той в тот вечер попасть не суждено. Ее лихорадило, а горло сильно болело. Заботливая миссис Годдард не отходила от постели больной и подумывала послать за мистером Перри. Пустить ее в таком состоянии на долгожданную встречу она никак не могла, а у самой Харриет не было сил сопротивляться этому решению, и упоминать о своей потере она могла лишь со слезами на глазах.

Эмма, сколько могла, посидела с больной, ухаживая за ней в те моменты, когда миссис Годдард вынуждена была отходить. Она старалась всячески ободрить Харриет, рассуждая о том, как, должно быть, огорчится мистер Элтон, узнав о ее болезни. Благодаря таким разговорам Харриет несколько воспряла духом, и оставила ее Эмма осчастливленной мыслями о том, что мистеру Элтону, да и всем им, будет сильно недоставать ее за праздничным столом. Едва только Эмма отошла от дома миссис Годдард, как столкнулась с самим мистером Элтоном, который, по всей видимости, туда и направлялся. Разговор зашел о Харриет: мистер Элтон, узнав, что она заболела, как раз спешил осведомиться о ее здоровье, чтобы затем принести свежие вести в Хартфилд. Тут их по пути из Донуэлла нагнали мистер Джон Найтли и два его старших сына. Их здоровые сияющие лица доказывали всю пользу прогулок на свежем деревенском воздухе, а вид не оставлял сомнений: с жареным барашком и рисовым пудингом, которые уже поджидали их в Хартфилде, они справятся в два счета. Все вместе они продолжили свой путь. Эмма как раз описывала, что же стряслось с ее подругой: воспаленное горло, сильный жар, слабый и частый пульс и так далее. К тому же миссис Годдард рассказала, что Харриет вообще сильно подвержена болям в горле и такие простуды приносят ей немало беспокойств. Мистер Элтон встревоженно воскликнул:

– Боли в горле! Надеюсь, это не заразно. Нет ли у нее там гноя? Перри ее уже осмотрел? Вам стоит заботиться и о себе, не только о вашей подруге. Умоляю, не подвергайте себя таким рискам. Почему Перри ее не осмотрел?

Сама Эмма вовсе не была напугана и постаралась немного успокоить его, заверив, что больная находится в опытных и заботливых руках миссис Годдард. Впрочем, мистеру Элтону поволноваться по такому поводу было полезно, а потому вскоре она решила в некоторой степени даже подкрепить его тревогу, добавив, как бы невзначай:

– Как же сегодня холодно! И похоже, даже снег пойдет. Если б ехать нужно было в другой дом и к другому обществу, то я сама бы непременно осталась в Хартфилде и батюшку выходить отговорила. Но он уже твердо решил поехать и, кажется, к холоду не слишком чувствителен, так что ничего предпринимать не стану. Тем более что огорчать мистера и миссис Уэстон не хочется. Но на вашем месте, мистер Элтон, я бы точно никуда не поехала. Вы, кажется, уже немного охрипли, и учитывая, что завтра вам понадобятся и ваш голос, и ваши силы, было бы разумно остаться дома и подлечиться.

Мистер Элтон казалось, не знал, что и ответить. Так оно и было: с одной стороны, ему невероятно польстила добрая забота прекрасной дамы и он ни в коем случае не хотел противиться ее советам, с другой же, от приглашения отказываться вовсе не желал. Однако Эмма, увлеченная собственными мыслями и придумками, не могла смотреть на него или слушать его непредвзято. Когда он пробормотал что-то о том, что «сегодня действительно холодно, очень холодно», она весело продолжила путь, радуясь, как ловко освободила его от надобности ехать в Рэндаллс и подарила возможность ежечасно справляться о здоровье Харриет.

– Вы поступаете правильно, – сказала она, – мы передадим мистеру и миссис Уэстон ваши извинения.

Не успела она закончить свою мысль, как ее зять уже любезно предлагал мистеру Элтону место в их экипаже, коль скоро плохая погода – единственное его препятствие на пути в Рэндаллс, а тот счастливо соглашался. Дело было решено – мистер Элтон ехал с ними. Никогда еще его круглое красивое лицо не выражало такого ликования, не сияло такой широкой улыбкой, а глаза не сверкали так радостно, как в следующее мгновение, когда он взглянул на нее.

«Хм, – подумала она, – как странно! Я придумала ему такую хитрую отговорку, а он все равно выбрал поехать и бросить больную Харриет одну! Очень странно! Видимо, большинство мужчин, особенно неженатых, не могут устоять перед приглашением в общество. Званный ужин для них – высшее удовольствие, приятнейшее занятие и едва ли не обязанность, и все остальное рядом с ним меркнет. Значит, и мистер Элтон таков. Без сомнений, он самый достойный, любезный и приятный молодой человек и без памяти влюблен в Харриет, но при этом все же не может отклонить приглашение и непременно должен поехать, раз его зовут. Какая странная вещь – любовь! Разглядел в Харриет острый ум, а отужинать в одиночестве ради нее не может».

Вскоре мистер Элтон их покинул, и стоило отдать ему должное за то, с каким чувством он упоминал Харриет при прощании, уверяя Эмму, что, прежде чем иметь счастье увидеться с ней вновь, он обязательно заглянет к миссис Годдард и справится о ее прекрасной подруге в надежде принести благие вести. Перед расставанием он вздохнул и улыбнулся так, что смог вернуть некоторое расположение Эммы.

Спустя несколько минут Джон Найтли нарушил молчание:

– В жизни не встречал человека, который бы так стремился понравиться. Перед дамами мистер Элтон рассыпается в любезностях. С мужчинами он держится спокойно и непринужденно, но как только дело касается дам, то лезет из кожи вон.

– Манеры мистера Элтона небезупречны, – откликнулась Эмма, – но за желание угодить многое следует прощать, и многое действительно прощается. Когда человек, обладающий лишь скромными достоинствами, старается изо всех сил, он получает преимущество перед человеком совершенным, но равнодушным. Невозможно не ценить доброжелательность и мягкосердечие мистера Элтона.

– Да, – лукаво подхватил мистер Джон Найтли, – по отношению к вам он и впрямь невольно мягкосердечен.

– Ко мне! – изумленно воскликнула она. – Неужто вы воображаете, будто бы мистер Элтон ко мне неравнодушен?

– Признаю, Эмма, закралась мне такая мысль. И ежели вы об этом еще не задумывались, то теперь самое время обратить внимание.

– Мистер Элтон влюблен в меня! Какая нелепая мысль!

– Не осмелюсь ничего утверждать наверняка, но советую вам надо всем этим поразмыслить и вести себя соответственно вашим намерениям. Я нахожу, что своими действиями вы его поощряете. Я говорю это как ваш друг. Вам следует быть внимательнее, понять, чего вы хотите и как вам держаться.

– Благодарю вас, но, уверяю, вы ошибаетесь. Мы с мистером Элтоном всего лишь очень хорошие друзья и не более, – и она гордо продолжила свой путь, развлекая себя мыслями о том, какие же смешные предположения могут возникнуть у людей, незнакомых со всеми обстоятельствами дела, и какие глупые ошибки могут совершать те, кто возомнил о своей проницательности слишком много. Ее задело, что зять мог предположить, будто бы она слепа и невнимательна, будто бы она нуждается в советах. Остаток пути он молчал.

Мистер Вудхаус так твердо решил нанести Уэстонам визит, что, несмотря на усиливающийся холод, ему даже в голову не пришло отменить поездку. Они с Изабеллой выехали в его экипаже минута в минуту, как и рассчитывали. Причем погода беспокоила его явно меньше, чем других: он был слишком взволнован тем, что выехал в свет, слишком переполнен радостью от того, что скоро увидится с друзьями в Рэндаллсе, да и укутался – теплее некуда. Холод между тем усиливался, и когда из Хартфилда выдвинулась вторая повозка, с неба уже начали падать первые снежинки, а тучи набегали такие, что даже при малейшем потеплении снег быстро усыпал бы всю округу.

Эмма сразу поняла, что ее спутник не в лучшем расположении духа. Необходимость готовиться к гостям, выходить из дома в такую погоду, жертвовать послеобеденным временем с

детьми мистер Джон Найтли считал если уж не злом, то пренеприятнейшим обстоятельством. Никакой радости в таком времяпрепровождении он не видел и всю дорогу до дома викария вслух выражал свое недовольство.

– Какого же надо быть о себе мнения, – ворчал он, – чтобы просить людей покинуть домашний очаг и выйти на улицу в такой мороз, чтобы просто навестить тебя. Я бы никогда себе такого не позволил. Должно быть, он считает себя всеобщим любимчиком. Что за нелепица – вот уже и снег пошел! – что за нелепица: не позволять людям спокойно остаться дома. И какая глупость со стороны этих людей не остаться дома! Ежели в такой вечер нам нужно было идти куда-то по долгу службы, то мы сочли бы это тяжелейшим испытанием, но нет! Зачем-то – непонятно зачем – мы едем в гости, причем одетые легче обычного, еще и по своей собственной воле. И все это вопреки естественным инстинктам, которые говорят нам ради нашего же блага сидеть дома самим и не пускать на улицу других. Но нет! Мы едем тратить впустую пять скучнейших часов в чужом доме, не рассчитывая услышать ничего нового, что не было бы уже сказано вчера или не может быть сказано завтра. Выехали-то мы в прескверную погоду, а уж когда станем возвращаться, она наверняка станет только хуже. Четыре лошади и четверо слуг вынуждены покинуть тепло очага, чтобы довести пять праздных, дрожащих от мороза созданий до комнат холоднее и общества менее приятного, чем могли бы они иметь дома.

Эмма не могла с ним согласиться, а уж тем более попытаться пролепетать что-то вроде: «Совершенно верно, дорогой», – слова, которые обыкновенно слышал он от жены – своей верной спутницы во всех поездках. Зато ей хватило стойкости промолчать. Его мнения Эмма не разделяла, но ссориться совсем не хотела, а потому приложила героические усилия, чтобы удержаться от ответа. Она лишь продолжала молча его слушать, вертеть в руках лорнет и кутаться поплотнее.

Повозка подъехала к дому викария, опустили подножку, и мистер Элтон, весь в черном, щеголеватый и улыбающийся, вмиг к ним присоединился. Эмма обрадовалась возможности переменить разговор. Мистер Элтон был невероятно любезен и весел, причем выражал он свою учтивость так живо, что Эмма даже задумалась: а не получил ли он более радостные вести о Харриет, чем она. Еще собираясь в Хартфилде, она послала справиться о здоровье подруги и получила ответ: «Все по-прежнему, лучше не становится».

– От миссис Годдард мне ответили, – начала она, – что состояние больной хуже, чем хотелось надеяться. Мне сказали: «Лучше не становится».

Его лицо тут же вытянулось, а голос зазвучал сочувственно:

– Ах да!.. Как жаль... Я как раз собирался вам рассказать, что по пути домой зашел к миссис Годдард и узнал, что мисс Смит чувствует себя не лучше, ничуть не лучше, даже, пожалуй, хуже. Я чрезвычайно опечален и обеспокоен. Я надеялся, что после утреннего визита такой доброй заботливой подруги она пойдет на поправку.

Эмма улыбнулась и ответила:

– Мой визит ее, надеюсь, успокоил, однако даже я не могу чудесным образом излечить больное горло. Она и впрямь сильно простудилась. Вы наверняка знаете, что к ней уже и мистера Перри приглашали.

– Да... Я так и... То есть я... Я не...

– Он уже не раз лечил ее простуды, и я надеюсь, что к завтрашнему утру вести станут благоприятнее. Но все же невозможно не беспокоиться. Как жаль, что сегодня она не может быть с нами!

– Ужасно жаль! Да, именно так... Ее, несомненно, будет очень не хватать.

И слова его, и вздох, последовавший за ними, не могли не порадовать Эмму, и все же посетовать можно было и подольше. Она была неприятно удивлена, когда всего через полминуты мистер Элтон заговорил о совершенно других вещах, да причем необычайно живо и весело.

– Как здорово придумано, – говорил он, – что в экипажах используется овчина. Путешествовать так – одно удовольствие, никакой холод не чувствуется. Благодаря современным выдумкам экипаж джентльмена стал совершенен. Мы так защищены от ненастий, что внутрь не проникнет ни малейшее дуновение ветерка. Погода никоим образом не может расстроить наших планов. Как сегодня холодно! Но в экипаже нам до этого и дела нет. Ха! Смотрите-ка, снежок пошел.

– Да, – ответил Джон Найтли, – и думается, это надолго.

– Рождество! – заметил мистер Элтон. – Погода соответствует поре. Как же нам повезло, что снег начался не вчера, а иначе наши планы пришлось бы отменить. Мистер Вудхаус вряд ли бы отважился поехать в гости по заснеженной дороге, теперь же снег нам вечер не испортит. Рождество – самое время для дружеских встреч. Все приглашают друзей в гости, и никто не обращает внимания даже на самую худшую погоду. Как-то раз из-за снегопада мне пришлось остаться у друга на неделю. То было великое удовольствие. Приезжал я всего на один вечер, а уехал лишь ровно через неделю!

По виду мистера Джона Найтли нетрудно было догадаться, что удовольствия в описанном мало, однако вслух он лишь сухо заметил:

– Не хотелось бы из-за снегопада застрять в Рэндаллсе на неделю.

В другой раз Эмму этот разговор позабавил бы, однако теперь она была слишком изумлена поведением мистера Элтона. В своем веселье и предвкушении вечера он, казалось, совсем позабыл про бедняжку Харриет.

– Нас, несомненно, ждет горячий очаг и другие радости гостеприимного дома, – продолжал он. – Чудесные люди – Уэстоны! Миссис Уэстон, разумеется, выше всяких похвал, а мистер Уэстон – примерный хозяин: радушный и общительный. Сегодня нас будет совсем не много, но когда в приглашенное общество входит лишь узкий круг избранных, то подобный вечер становится, пожалуй, приятнее всех прочих. В гостиной мистера Уэстона с удобством могут разместиться человек десять, и я считаю, что куда лучше, когда из этого числа двух недостает, чем когда к этому числу прибавляются еще двое. Думаю, вы, – на этих словах он устремил мягкий взгляд в сторону Эммы, – со мной согласитесь, а вот мистер Найтли, привыкший к пышным лондонским вечерам, возможно, не разделит наших взглядов.

– Не имею ни малейшего представления о пышных лондонских вечерах, сэр. Я всегда ужинаю дома.

– Вот как! – воскликнул мистер Элтон, и в его голосе зазвучали нотки удивления и жалости. – Я и не думал, что занятие юриспруденцией – такой рабский труд. Но ничего, сэр, вам непременно за все воздастся, и придет время, когда в вашей жизни станет меньше работы и больше удовольствий.

– Главным для меня удовольствием, – ответил Джон Найтли, когда они уже въезжали в ворота, – будет в целости и сохранности вновь очутиться в Хартфилде.

Глава XIV

При входе в гостиную Рэндаллса обоим джентльменам пришлось немного переменить манеры: мистеру Элтону стать сдержаннее и умерить свою радость, а мистеру Джону Найтли, напротив, держаться веселее и улыбаться больше. Только Эмма могла оставаться такой, какой велела ей природа, и не скрывать радость от встречи с друзьями. Она наслаждалась каждой минутой, проведенной с Уэстонами. Мистер Уэстон ей очень нравился, а миссис Уэстон была единственным человеком в мире, с которым она могла говорить совершенно открыто, будучи уверенной, что ее всегда выслушают и поймут, всегда вникнут во все дела, планы, трудности и радости ее батюшки и ее самой. Миссис Уэстон проявляла живейший интерес к жизни в

Хартфилде, и для них обеих было великой радостью поболтать вдвоем хотя бы полчаса обо всех этих повседневных мелочах, на которых зиждется счастье частной жизни.

Такое удовольствие они могли себе позволить не всякий раз и уж тем более не сейчас, не в сегодняшние ничтожные полчаса до ужина, однако даже само присутствие миссис Уэстон, ее улыбка, прикосновение и голос немало радовали Эмму, и она решила отбросить мысли о странном поведении мистера Элтона и о других неприятных вещах и в полной мере наслаждаться вечером.

Несчастье бедной простудившейся Харриет обсудили во всех подробностях еще до приезда Эммы. Более того, мистер Вудхаус уже успел поведать и о том, как добрались они с Изабеллой, и что следом едет Эмма, и как же он рад, что благодаря их визиту Джеймс сможет повидаться с дочуркой. Тут наконец приехал второй экипаж, и миссис Уэстон улучила случай оторваться от мистера Вудхауса и его рассказов, чтобы встретить свою милую Эмму.

Эмма, которая решила на время позабыть о мистере Элтоне, с досадой обнаружила, что в гостиной он сел подле нее. Невозможно было не дивиться его невероятному равнодушию по отношению к ее подруге: мало того что, сидя рядом, мистер Элтон одним своим счастливым видом постоянно напоминал о весьма странном безразличии к несчастью Харриет, так он еще и без конца любезно обращался к Эмме по всяким пустякам, не только не давая позабыть о нем, но и своим поведением внушая ей невольную мысль: «А что, если мой зять прав? Неужели он и впрямь решил отречься от Харриет и избрать предметом обожания меня?.. Вздор и чепуха!» А между тем мистер Элтон так беспокоился, не холодно ли ей, с таким интересом слушал рассказы ее отца, так восторгался миссис Уэстон и, наконец, начал с таким пылом (и совершенно безо всякого знания дела) восхвалять ее рисунки, что, несомненно, походил на настоящего влюбленного. Эмма с трудом держала себя в руках. Ради своего же блага она не могла ответить ему грубостью, а ради блага Харриет даже старалась быть вежливой. В ее душе теплилась надежда, что все еще образуется. И все же давалась ей подобная учтивость нелегко, особенно из-за того, что мистер Элтон своей болтовней отвлекал ее от куда более интересного разговора. Мистер Уэстон рассказывал гостям что-то о своем сыне. Она несколько раз расслышала слова «мой сын», «Фрэнк» и снова «мой сын» и из каких-то долетевших до нее обрывков сделала вывод, что, скорее всего, он сообщает о скором приезде Фрэнка Черчилля. Однако не успела Эмма вежливо избавиться от собеседника и принять участие в общем обсуждении, как тема была исчерпана, и любые последующие вопросы пришлось бы нектати.

Стоит заметить, что, несмотря на решимость Эммы никогда не выходить замуж, было что-то такое в имени, в образе мистера Фрэнка Черчилля, что всегда ее привлекало. Она часто – особенно с тех пор, как его отец женился на мисс Тейлор – думала о том, что если бы она и вышла замуж, то вот он-то бы как раз и подошел ей и по возрасту, и по происхождению, и по положению. Благодаря связи между их семьями и вовсе казалось, будто они созданы друг для друга. Она предполагала, что все их знакомые, скорее всего, задумывались об их возможном союзе, и была более чем уверена, что такая партия приходила в голову мистеру и миссис Уэстон. И хотя Эмма вовсе не думала о том, чтобы променять свою нынешнюю жизнь со всеми ее преимуществами на замужнюю, познакомиться с Фрэнком Черчиллем ей было невероятно любопытно. Она была уверена, что сочтет его человеком приятным, и сама хотела бы в определенной степени ему понравиться. Мысль же о том, что их друзья в воображении видят их союз, приносила ей несомненное удовольствие.

Таким образом, бесконечные любезности мистера Элтона оказались совершенно нектати, однако Эмма хорошо умела скрывать свое раздражение за напускной вежливостью и надеялась, что простодушный мистер Уэстон не удержится и еще раз повторит, хотя бы в общих чертах, вести о своем сыне. Так и произошло. За ужином Эмма наконец освободилась от мистера Элтона и села рядом с мистером Уэстоном, и тот, исполнив свои обязанности гостеприимного хозяина, то есть нарезав седло барашка, первым же делом обратился к ней:

– Сегодня нам не хватает лишь двоих: вашей прелестной маленькой подруги мисс Смит и моего сына – и тогда, можно сказать, мы все были бы в сборе. Вы, кажется, не слышали, как я рассказывал остальным, что мы ждем Фрэнка в гости? Утром я получил от него письмо, он приедет через две недели.

Эмма скромно, как и подобает, порадовалась и согласилась, что их компании как раз не хватает только мистера Фрэнка Черчилля и мисс Смит.

– Он хочет навестить нас еще с сентября, – продолжал мистер Уэстон, – и в каждом письме об этом пишет, но он не волен сам распоряжаться своим временем. Ему приходится угождать некоторым личностям, а им – между нами – угодить без жертв невозможно. Однако теперь-то я не сомневаюсь, что где-то на второй неделе января мы все же его увидим.

– Какие чудесные вести! Как вы, должно быть, рады! И миссис Уэстон так не терпится с ним познакомиться – она, верно, рада не меньше вашего.

– Да, вот только она думает, что его приезд снова отложится. Миссис Уэстон не разделяет моей уверенности, но она и не знакома так, как я, с особенностями того дома. Видите ли, дело в том – и это только между нами, остальным я ничего об этом не говорил, ведь у каждой семьи есть свои секреты – так вот, дело в том, что в январе в Анскоме ждут гостей, и приезд Фрэнка зависит от того, не отменятся ли эти самые гости. Если они все же придут, то ему придется остаться. Но я-то знаю, что они не придут, потому что гости эти – семейство, которое одна довольно влиятельная в Анскоме особа порядком недолюбливает. И хотя из приличия их раз в два-три года и приглашают, до самого дела обычно не доходит. Я совершенно не сомневаюсь, что в середине января Фрэнк будет у нас. В этом я уверен так же, как в том, что сейчас сам здесь сижу. Но ваша старая подруга, – он кивнул в сторону другого конца стола, – настолько сама не капризна и настолько не привыкла к такого рода блажи в Хартфилде, что не может вычислить ее последствия так, как это привык делать я.

– Досадно слышать, что в этом деле столько условий, – отозвалась Эмма, – но я, мистер Уэстон, склонна принять вашу сторону. Если вы полагаете, что он приедет, то и я буду считать так же. Вы лучше нас знакомы с порядками в Анскоме.

– Да, знаком в некоторой степени, хотя ни разу там и не был. Сложно понять эту особу! Но из-за ее любви к Фрэнку я не позволяю себе дурно о ней отзываться. Раньше я думал, что любить она может только себя, однако к нему она всегда была добра – конечно, по-своему, с капризами, с причудами и с желанием, чтобы все делалось лишь согласно ее воле. И я даже думаю, Фрэнку делает честь, что он умудрился вызвать в ней подобные чувства, ведь ее сердце – но это тоже только между нами – сделано из камня, а нрав сравнится лишь с дьявольским.

Эмму так порадовал этот разговор, что вскоре после ужина, когда некоторые из них перешли в гостиную, она завела ту же беседу с миссис Уэстон, поздравив ее со скорым приездом долгожданного гостя и при этом отметив, что первые встречи бывают волнующи. Миссис Уэстон согласилась, однако добавила, что радовалась бы еще больше, если бы эта первая волнующая встреча действительно состоялась в назначенное время:

– Я не слишком рассчитываю, что он приедет. Мистер Уэстон куда более уверен в его визите. Я же боюсь, что все это опять кончится ничем. Полагаю, он рассказал вам в точности, как обстоят дела?

– Да... Похоже, все зависит лишь от капризов миссис Черчилль, в которых, как я поняла, она довольно непостоянна.

– Ах, Эмма! – с улыбкой воскликнула миссис Уэстон. – А могут ли капризы быть постоянными? – И, повернувшись к Изабелле, которая в их разговоре не участвовала, добавила: – Дорогая миссис Найтли, понимаете ли, во мне нет такой уверенности, как в мистере Уэстоне, что его сын все же сможет нас навестить. Это зависит лишь от желаний и настроения его тетушки – другими словами, от ее характера. Вам, моим дочерям, я осмелюсь сказать правду. Анско-

мом заправляет миссис Черчилль, а она женщина очень своенравная. Приезд мистера Фрэнка Черчилля полностью зависит от того, захочет ли она его отпустить.

– Ох, да, миссис Черчилль! Кто ж ее не знает! – подхватила Изабелла. – Не могу думать о бедном юноше без сочувствия. Как тяжело, должно быть, пребывать под одной крышей с человеком, у которого столь скверный нрав. К счастью, нам эта участь незнакома, но жить так – пытка! Хорошо, что у нее никогда не было своих детей! Бедняжки, она бы их совсем измучила.

Эмме хотелось побыть с миссис Уэстон наедине. Тогда она бы точно узнала больше: миссис Уэстон всегда говорила с ней откровенно, однако в присутствии Изабеллы позволить себе этого не могла. Эмма верила, что от нее подруга не стала бы скрывать совершенно ничего о Черчиллях и поведала бы все, кроме определенных видов на судьбу юноши, о которых ее воображение уже помогло составить некоторое представление. Теперь же миссис Уэстон добавить обо всем этом деле было нечего. Вскоре в гостиной к ним присоединился мистер Вудхаус. Он не мог долго сидеть в мужской компании после ужина. Ни вино, ни беседы его не привлекали, и он с радостью перешел к тем, с кем всегда чувствовал себя легко и свободно.

Пока он болтал с Изабеллой, Эмма воспользовалась минуткой и заметила:

– Значит, вы сомневаетесь, приедет ли ваш сын. Очень жаль это слышать. Первая встреча всегда тяжела, и чем скорее вы познакомитесь, тем лучше.

– Да, и после каждой отсрочки со страхом ожидаешь вслед и других. Даже если это семейство, Брейтуэйты, не приедет, то, боюсь, найдется другой предлог обмануть наши надежды. Сам он, несомненно, приехать хочет, однако Черчилли не желают его ни с кем делить. Это ревность. Они ревнуют его даже к родному отцу. Одним словом, я и не смею надеяться, что он приедет, и хотела бы, чтобы мистер Уэстон не радовался раньше времени.

– Он обязан приехать, – сказала Эмма. – Пускай хотя бы на два денечка – обязан. Мне сложно представить, чтобы молодой человек настолько не мог распоряжаться собственной судьбой. Да, девушке, попади она в злые руки, сложно вырваться из плена и попасть к тем, с кем она хочет быть. Но что может так удерживать молодого человека, не давая ему провести хотя бы недельку с отцом – этого я понять не могу.

– Чтобы судить о том, что он может, а что – нет, надо сперва побывать в Анскоме и узнать, какие там порядки, – заметила миссис Уэстон. – Вероятно, стоит придерживаться такого правила, прежде чем судить о любой семье, однако в случае с Анскомом, я полагаю, дело обстоит еще труднее: там все подчиняется миссис Черчилль и ее капризам.

– Но ведь она так любит своего племянника, просто души в нем не чает. И, как мне показалось, для особы вроде миссис Черчилль было бы вполне естественно, постоянно помыкая своим мужем, которому она обязана всем, в то же время угождать племяннику, которому она не обязана ничем.

– Милая моя Эмма, у вас такой добрый нрав, что вы никогда не сможете понять такого человека и его мотивы – даже не пытайтесь. Не сомневаюсь, что иногда он и в силах на нее влиять, однако невозможно всегда знать заранее, что и когда ей взбредет в голову.

Эмма выслушала и холодно подытожила:

– Как бы то ни было, он должен приехать.

– Возможно, в одних вопросах он обладает большим влиянием, – продолжала миссис Уэстон, – а в других – меньшим. Не исключено, что его визит к нам относится как раз к последним, и миссис Черчилль в этом к его мнению не прислушивается.

Глава XV

Мистер Вудхаус вскоре захотел чаю, а выпив его, был готов ехать домой. Три собеседницы всячески старались отвлечь его от мыслей о позднем часе, покуда остальные джентль-

мены не присоединились к ним в гостиной. Мистер Уэстон, человек разговорчивый и общительный, не любил расставаться с друзьями слишком скоро, и все же наконец все они собрались в одной комнате. Первым вошел мистер Элтон, он был в прекрасном расположении духа. Миссис Уэстон и Эмма сидели на софе, и он тут же, не дожидаясь приглашения, разместился между ними.

Эмма тоже пребывала в хорошем настроении после разговоров о возможном приезде Фрэнка Черчилля, а потому была готова забыть неподобающее поведение мистера Элтона и вернуться к прежней своей благосклонности. Он первым же делом заговорил о Харриет, и Эмма, одарив его дружеской улыбкой, приготовилась слушать.

Он выразил крайнюю обеспокоенность состоянием ее подруги – ее милой, чудесной, любезнейшей подруги. Есть ли вести? Не сообщали ли ей о ее здоровье за время их визита? Он очень встревожен и должен признаться, что природа ее болезни внушает ему некоторые опасения... И в таком духе он еще попричитал некоторое время, не слишком прислушиваясь к ответам, но отдавая должное ужасам больного горла. Эмма же снисходительно его слушала.

Однако разговор принял неожиданный оборот: внезапно оказалось, что он больше обеспокоен здоровьем не Харриет, а Эммы – как бы она не заразилась больным горлом от своей подруги, как бы не подхватила тот же недуг. Он принялся пылко уговаривать ее воздержаться от визитов к больной, умолял дать ему обещание не рисковать, покуда он не разузнает все у мистера Перри. И хотя Эмма пыталась обратить все в шутку и вернуть разговор к заботам о Харриет, причитаниям его не было конца. Все это Эмму разозлило. Что ж, сомнений не было – он и впрямь сменил предмет обожания с Харриет на нее. Какое чудовищное, презренное непостоянство! Она с трудом держала себя в руках. Мистер Элтон повернулся к миссис Уэстон за поддержкой: ведь она, разумеется, с ним согласна? Не поддержит ли она его мольбы, чтобы мисс Вудхаус не приходила к миссис Годдард, покуда не станет ясно, что недуг мисс Смит не заразен? Пока мисс Вудхаус не даст ему обещания, он не успокоится – не поможет ли миссис Уэстон своим влиянием его добиться?

– Столько внимания к другим, – продолжал он, – и совершенно никакой заботы о себе! Она просила меня остаться сегодня дома и лечить простуду, а сама не обещает не подвергать себя риску заразиться гнойной ангиной. Миссис Уэстон, разве это справедливо? Рассудите нас. Неужто я не вправе сетовать? Я уверен, что вы меня поддержите и поможете ее убедить.

Эмма заметила, что миссис Уэстон немало удивилась тому, как мистер Элтон словами и манерами присвоил себе право первостепенной заботы об Эмме. Сама же она была настолько возмущена и оскорблена, что не смогла найти слов, чтобы поставить его на место. Она лишь смирившись таким взглядом, который, по ее мнению, должен был привести его в чувство, и пересела с софы на стул поближе к сестре, уделяя все свое внимание ей.

Эмма не успела оценить, как мистер Элтон воспринял этот безмолвный упрек, поскольку тут же произошло новое событие: с улицы вернулся мистер Джон Найтли и сообщил всем присутствующим, что землю замело и что снегопад не прекращается, а только усиливается, и затем обратился к мистеру Вудхаусу со словами:

– Лихо вы, сэр, встречаете зиму! Такая метель вашему кучеру и лошадям будет в новинку.

Бедный мистер Вудхаус от страха оцепенел, прочие же сразу заговорили: кто-то удивлялся, кто-то заявлял, что этого следовало ожидать; одни взволнованно сыпали вопросами, другие их успокаивали. Миссис Уэстон и Эмма изо всех сил старались приободрить мистера Вудхауса и отвлечь его от речей зятя, который совершенно бесчувственно торжествовал:

– Сэр, я восхищаюсь вашей решительностью, – говорил он. – Поехать куда-то в такую погоду! Даже при том, что вы, разумеется, видели, как вскоре все заметет. Любому было ясно, что надвигается метель. Восхищаюсь вашей смелостью и не сомневаюсь, что домой мы доберемся без особых трудностей. За час-другой дорогу еще не засыпет окончательно, да и у нас

целых два экипажа. Если один занесет в чистом поле, то рядом будет другой. Смеею предположить, что к полуночи мы в целости и сохранности окажемся в Хартфилде.

Мистер Уэстон, тоже по-своему торжествуя, признался, что знал о снегопаде уже некоторое время, однако ничего не говорил, опасаясь, как бы мистер Вудхаус не забеспокоился и не заторопился домой. И все же снега выпало не так уж много, во всяком случае, к огорчению мистера Уэстона, их путь домой не принесет никаких трудностей. Хотелось ему, чтобы дорогу занесло и все друзья остались в Рэндаллсе подольше. С присущим ему добродушным гостеприимством он призвал жену подтвердить, что, прибегнув к некоторой изобретательности, они бы всем нашли место на ночь, с чем та едва ли могла согласиться, понимая, что в доме лишь две свободные комнаты.

– Эмма, голубушка, что же делать? Что же нам делать? – только и мог восклицать мистер Вудхаус. Он искал у нее утешения, и лишь после того, как она заверила его, что опасность им не грозит, и напомнила, что у них превосходные лошади, а Джеймс – замечательный кучер, и что они к тому же окружены прекрасными друзьями, мистер Вудхаус немного оживился.

Его старшая дочь встревожилась не меньше. Ее охватил ужас при мысли о том, что они с мужем застрянут в Рэндаллсе, покуда их дети в Хартфилде. Рассудив, что люди отважные могут отправиться в путь и по столь заснеженной дороге, она решила, что медлить нельзя: пускай Эмма и их отец остаются в Рэндаллсе, они же с мужем немедленно двинутся в дорогу, невзирая на наметенные ветром сугробы.

– Дорогой, велите скорее закладываться, – сказала она, – смеею надеяться, что мы успеем добраться до дома, если выедем тотчас же. Если же с повозкой по пути что-то случится, я дойду и пешком. Полпути пройти не страшно. А дома сразу же переобуюсь, я от такого не простужаюсь.

– Удивительно! – изумился мистер Джон Найтли. – В таком случае, моя дорогая Изабелла, это не иначе как чудо, потому что простужаетесь вы обычно от малейшего ветерка. Дойти пешком!.. Хорошо же вы обуты для такой прогулки. Сейчас даже лошадям придется нелегко.

Изабелла взглянула на миссис Уэстон, надеясь на ее поддержку. Той оставалось лишь одобрить ее план. Затем Изабелла обратилась к Эмме, однако Эмма так легко сдаваться не собиралась: она надеялась, что они смогут благополучно добраться до дома все вместе. Обсуждение как раз было в самом разгаре, когда с улицы вернулся мистер Найтли. Как только его брат сообщил о снегопаде, он вышел проверить погоду и остался совершенно уверен, что гости без труда смогут добраться до дома хоть сейчас, хоть через час. Он немного прошелся по дороге в сторону Хайбери: снега намело на полдюйма от силы, а в некоторых местах землю и вовсе едва припорошило. С неба все еще сыпали редкие снежинки, но тучи уже расходились, и снег, по всей видимости, скоро должен был совсем прекратиться. К тому же он успел посоветоваться с кучерами, и те согласились, что опасаться нечего.

Изабелла вздохнула с облегчением, да и Эмма не могла не порадоваться таким новостям, ведь их батюшка тут же успокоился, сколь то позволяла его нервическая натура. И все же произошедшее так его взволновало, что он не мог более спокойно оставаться в Рэндаллсе. Мистер Вудхаус был рад узнать, что дорога домой безопасна, но ничто не могло бы убедить его, что безопасно и продолжить вечер, и покуда все пытались уговорить его остаться подольше, мистер Найтли и Эмма быстро решили дело:

– Ваш батюшка беспокоится, не лучше ли вам собраться в путь?

– Я готова, ежели готовы другие.

– Я позвоню?

– Да, пожалуйста.

Мистер Найтли позвонил в колокольчик и велел закладываться. Эмма надеялась, что совсем скоро оба ее неугомонных спутника благополучно отправятся по домам, где один смо-

жет прийти в себя после крепких напитков и остыть, а другой – обрести долгожданный покой после столь утомительного вечера.

Экипажи были поданы. Мистера Вудхауса, как всегда в таких случаях, усадили первым, однако, увидев, что снег действительно выпал, а ночь оказалась гораздо темнее, чем он ожидал, тот разволновался вновь. Никакие уверения провожавших его мистера Найтли и мистера Уэстона успокоить его не могли. Поездка, он опасался, их ждала непростая. Как же ее перенесет бедняжка Изабелла? А несчастной Эмме придется ехать в карете позади. Что же делать? Нужно непременно держаться как можно ближе друг к другу. И после таких причитаний Джеймсу было велено ехать медленно и не оставлять вторую повозку далеко позади.

С ним села Изабелла, а за своей женой вполне естественно последовал и Джон Найтли, позабыв о том, что сюда он ехал с другими попутчиками. В общем, когда мистер Элтон сопровождал Эмму ко второму экипажу и сам забрался в него же, а за ними, как и положено, захлопнули дверцу, то обнаружилось, что ехать им предстояло наедине. До сегодняшнего дня подобное обстоятельство ничуть бы ее не смутило, а даже наоборот, порадовало: она свела бы разговор к Харриет, и три четверти мили пролетели бы в один миг. Однако после возникших подозрений Эмма предпочла бы избежать подобной поездки. После всего вина, которое он выпил у мистера Уэстона, мистер Элтон наверняка начнет нести всякую чепуху.

С намерением привести его в чувство своей собственной сдержанностью Эмма приготовилась со всей невозмутимостью и важностью говорить о погоде и позднем вечере, однако не успела она сказать и слова, не успели они выехать за ворота и догнать первую карету, как вдруг ее перебили, схватили за руку, потребовали внимания и стали пылко изъясняться в любви, радуясь столь чудесной возможности. Мистер Элтон стал говорить что-то о чувствах, которые для нее, несомненно, уже не были тайной, с надеждой, со страхом, с обожанием, с готовностью умереть в случае отказа, но все же лелея в душе мысль, что его горячая привязанность, безмерная любовь и безграничная страсть не могли не оставить ее равнодушной – одним словом, он с самыми серьезными намерениями надеялся на скорейшую взаимность. Это был не сон. Безо всяких угрызений, без оправданий мистер Элтон, возлюбленный Харриет, беззастенчиво признавался в любви ей, Эмме. Она пыталась его остановить, но тщетно: он не умолк, пока не высказал все. Когда же ей наконец удалось вставить слово, то, несмотря на переполнявшее ее негодование, она смогла удержаться от грубостей, понадеявшись, что в нем говорит вино, а не рассудок, и через некоторое время он образумится. Полусерьезно, полуплутя – в манере, которая, как она полагала, будет понятнее всего захмелевшему человеку, – Эмма ответила:

– Мистер Элтон, я поражена. Говорить все это мне! Вы забываетесь, вы приняли меня за мою подругу. Я с радостью передам мисс Смит любое ваше послание, но меня, прошу, от подобных признаний избавьте.

– Мисс Смит!.. Послание мисс Смит!.. И как прикажете это понимать?.. – И он повторил ее слова в такой кичливой манере, с таким напускным изумлением, что она не удержалась и тут же воскликнула:

– Мистер Элтон, ваше поведение возмутительно! Вы не в себе – лишь так я могу его объяснить. Иначе бы вы не позволили себе ни говорить со мной, ни отзываться о Харриет в подобном тоне. Лучше молчите – тогда я постараюсь забыть об этом недоразумении.

Однако выпитого мистером Элтоном вина хватало как раз, чтобы придать ему смелости, не помутив при этом рассудок. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что говорит, и отметил такого рода подозрения спутницы как крайне оскорбительные. Упомянув, что он, конечно же, со всем почтением относится к мисс Смит как к ее подруге – однако не понимает, при чем здесь вообще мисс Смит, – мистер Элтон вернулся к своим пылким признаниям, с нетерпением ожидая благоприятного ответа.

Чем больше Эмма осознавала, что он трезв, тем большее негодование вызывали у нее его непостоянство и наглость. Теперь уже она отвечала, не делая былых попыток быть вежливой:

– Сомнений больше нет. Вы выразились предельно ясно. Мистер Элтон, моему изумлению нет предела. После того отношения к мисс Смит, тех знаков внимания, коим я была свидетельницей целый месяц изо дня в день, обращать подобные речи ко мне? Что за неслыханная ветреность! Поверьте, сэр, мне ничуть не льстит быть предметом такого рода признаний.

– Боже мой! – воскликнул мистер Элтон. – Что все это значит?.. Мисс Смит!.. Да я и не думал о мисс Смит... И никогда не оказывал ей знаков внимания иначе как вашей подруге, никогда не волновало меня ее существование иначе как вашей подруги. Ежели она вообразила что-то иное, ежели обманулась своими собственными мечтами, то я искренне сожалею... Мисс Смит! Подумать только!.. О, мисс Вудхаус! Кто подумает о мисс Смит, когда рядом мисс Вудхаус! Нет, клянусь честью, ветреность мне не свойственна. Я думал лишь о вас. Лишь вам я оказывал знаки внимания. Все мои слова и все мои действия в эти прошедшие недели были призваны выразить мое обожание вам. Быть не может, чтобы вы и в самом деле в этом сомневались. Нет! – вскричал он и многозначительно добавил: – Уверен, вы прекрасно все понимали.

Невозможно было сказать, какое именно чувство испытала Эмма. Вернее, какое именно из всех охвативших ее недобрых чувств в ней возобладало. От их переизбытка она потеряла дар речи, но это короткое молчание вновь вселило надежду в мистера Элтона, и, попытавшись опять схватить ее за руку, он радостно воскликнул:

– Очаровательная мисс Вудхаус! Позвольте мне истолковать ваше выразительное молчание: вы давно меня поняли.

– Нет, сэр! – запротестовала Эмма. – Отнюдь! Я не только вас не понимала, но и до настоящего момента имела совершенно неверное представление о ваших видах. О вашем признании могу сказать лишь одно: мне очень жаль, что вы дали волю своим чувствам... Этого я желала меньше всего... Ваша привязанность к Харриет, ваши старания завладеть ее, как мне казалось, вниманием доставляли мне огромную радость, и я искренне желала вам успеха. Однако заподозри я, что причиной ваших частых визитов в Хартфилд является вовсе не она, то тут же перестала бы их поощрять. Правильно ли я понимаю, что вы никогда не искали расположения мисс Смит? Что никогда не имели на нее видов?

– Никогда! – воскликнул он, глубоко оскорбленный. – Никогда, уверяю вас! Чтобы я имел виды на мисс Смит?! Мисс Смит – девушка славная, и я буду счастлив, коли она удачно выйдет замуж. Я желаю ей всяческих благ и не сомневаюсь, что найдутся мужчины, которые не против... Словом, каждому свое, однако я до такого еще не дошел. Я не настолько отчаялся найти партию, равную себе, чтобы иметь виды на мисс Смит! Нет, мисс Вудхаус, в Хартфилд я приходил лишь ради вас, и встречая с вашей стороны поощрение...

– Поощрение! С моей стороны!.. Сэр, вы глубоко заблуждаетесь. Я всегда видела в вас лишь поклонника моей подруги. Только в таком свете вы значили для меня больше, чем простой знакомый. Я очень сожалею об этом недоразумении, но рада, что оно наконец прояснилось. Если бы вы и далее продолжили в том же духе, то ввели бы мисс Смит в немалое заблуждение относительно ваших намерений. Вероятно, ей, как, впрочем, и мне, неизвестна эта очевидная для вас, мистер Элтон, разница в положении. Но, увы, вам пришлось столкнуться с разочарованием, чувство которого, я полагаю, долго не продлится. Я же пока что замуж не собираюсь.

От злости мистер Элтон не мог вымолвить ни слова, а Эмма своим решительным видом показывала, что мольбы бесполезны. В таком состоянии нарастающего недовольства и взаимного негодования они вынуждены были ехать в обществе друг друга еще некоторое время, обреченные по милости мистера Вудхауса и его страхов тащиться со скоростью пешего человека. Не будь они так сердиты, оставшийся путь прошел бы в неловком молчании, однако их прямолинейность не оставила места для смущения. Они не заметили, как карета свернула на Пастырскую дорогу и как остановилась у дома мистера Элтона. Когда дверцу открыли, он вышел, не проронив ни слова. Эмма все же сочла нужным пожелать ему доброй ночи. После-

довал холодный и высокомерный ответ, и Эмма, в ужасно раздраженном состоянии, продолжила свой путь в Хартфилд.

Дома ее с величайшим восторгом встретил отец, который содрогался от ужаса, представляя себе все опасности поездки от Пастырской дороги: ведь ей пришлось ехать совсем одной и миновать такой крутой поворот, да еще и с посторонним кучером, а не с их опытным Джеймсом! Казалось, для всеобщего счастья только возвращения Эммы и не хватало: мистер Джон Найтли, устыдившись своего прежнего дурного настроения, был сама доброта и забота. Стремясь угодить тестю, он охотно соглашался признать многочисленные достоинства овсянки, хоть и не был готов составить компанию за ее вечерним приемом. Словом, конец дня принес мир и покой всем в их небольшой компании, кроме Эммы. Никогда еще она не была взволнована столь сильно, и ей стоило больших усилий притворяться перед всеми учтивой и веселой. Лишь когда настало время отходить ко сну, Эмма смогла спокойно предаться размышлениям.

Глава XVI

Волосы были закручены, служанка отпущена, и Эмма наконец погрузилась в мысли и терзания... Какой кошмар! Все ее мечты рухнули! Хуже не придумать! Какой удар для Харриет!.. Именно последняя мысль задевала ее более всего. О произошедшем невозможно было думать без боли и унижения, но в сравнении со злом, причиненным Харриет, все это было ничто. Эмма с радостью согласилась бы на еще большие страдания, боль и унижение, лишь бы последствия ее ужасного заблуждения коснулись ее одной.

— Ах, если бы только я не убедила Харриет влюбиться в него! Я бы вынесла что угодно, стерпела бы, будь он хоть вдвойне наглее... Но бедная Харриет!

Как она могла так обмануться!.. Он заявил, что никогда не имел видов на Харриет... никогда! Эмма постаралась вспомнить события прошедших недель, но в голове ее все смешалось. Сделанное предположение овладело ею, и все его поступки она толковала лишь так, как желала. Но, вероятно, и он вел себя неопределенно, держался двусмысленно и колебался, иначе не ввел бы ее в такое заблуждение.

А портрет! Как увлечен он был портретом!.. И шарада!.. И сотни других мелочей... Все они, казалось, так ясно указывали на Харриет. Надо признать, что строки про «острый ум» сразу ее удивили, но ведь в шарade упоминался и «нежный взгляд»... Словом, стих не подходил ни одной из них. Все намешано в одну кучу, попробуй тут разберись! Безвкусный, бессмысленный бред.

Конечно, Эмма часто, особенно в последнее время, замечала, что мистер Элтон с ней чрезмерно любезен, однако полагала, что это всего лишь своеобразная манера держаться — а точнее, неумение держаться в силу недостатка опыта и вкуса, лишь очередное свидетельство, что он не всегда вращался в лучшем обществе, что при всей его обходительности ему все же не хватало естественной, природной утонченности. Но до сего дня ей никогда, ни на одну секунду не приходила в голову мысль, что все это значит нечто иное, чем просто благодарное уважение к ней как к подруге Харриет.

Первыми закравшимися к ней подозрениями она была обязана мистеру Джону Найтли. Он, как и его брат, оказался довольно проницателен. Она вспомнила, как мистер Найтли однажды предупреждал ее о мистере Элтоне, с какой уверенностью говорил, что тот никогда не женится необдуманно. Ее бросило в краску при мысли о том, как прав был мистер Найтли на его счет и как далека от правды, выходит, была она сама. До чего же унижительно... Во многих отношениях мистер Элтон оказался полной противоположностью тому, каким представляла его Эмма: заносчивым, высокомерным, напыщенным, тщеславным и корыстным. Чувства других людей его заботили мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.